

ИРАНСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Ахмад Дехкан

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВЫСОТУ 270

Роман

Москва
«САДРА»
2015

УДК 821.222.1-312.4

ББК 84(5Ирн)-44

Д28

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЙ
ИСЛАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры*

Дехкан Ахмад

Д28 Путешествие на высоту 270 / пер. с перс.
А.П. Андрюшкина. — М.: ООО «Садра», 2015. —
304 с. — [Иранский бестселлер].

ISBN 978-5-906016-72-0

16+

Этот роман посвящен страшным и героическим событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 годов. Главный герой книги — юноша, вернувшийся с фронта лишь затем, чтобы сдать выпускные экзамены в школе и опять отбыть на передовую вместе со своим лучшим другом. Молодому человеку приходится пройти жесточайшие испытания, но он всегда помнит о том, что, несмотря на самые тяжелые обстоятельства, надежда и стойкость человека, сражающегося за правое дело, непоколебимы.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.222.1-312.4

ББК 84(5Ирн)-44

ISBN 978-5-906016-72-0

9 785906 016720

ISBN 978-5-906016-72-0

© Фонд исследований
исламской культуры, 2015

© ООО «Садра», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ирано-иракская война — один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского диктатора Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше иранскую революцию. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могло, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда народ Ирана в едином порыве поднимется на защиту своей страны. «Священная оборона» и «Навязанная война» — так до сих пор именуются те события в иранском обществе. Да, эта война была навязана молодому государству, еще не полностью оправившемуся после революционных потрясений, и люди, совсем недавно сражавшиеся с прозападным шахским режимом, вновь объединились в священном порыве, чтобы отстоять свои завоевания и свою независимость. В то время как Ирак поддерживали практически все крупные мировые державы, иранцам пришлось воевать чуть ли не голыми руками, но ни

отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, планировавшаяся иракским командованием как молниеносная, продолжалась восемь лет, с сентября 1980 до августа 1988 года, и унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а главным итогом ее стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о Священной обороне, сами сражались на передовой — именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и — самое главное — глубочайший духовный подтекст. Вообще вся литература Ирана, начиная с древнейших времен, проникнута неповторимой духовностью, а в годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное — помнить...

ПРЕДИСЛОВИЕ ИРАНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Сейчас – время писать. Прошли годы после той войны. Нужно сказать о войне и о тех, кто воевал. Нужно, чтобы сами они это сказали, и услышали, и разобрались. История показывает, что после окончания войн на сцену выступает военная литература.

Значит, так и надо действовать, взяться за работу, за перо. Это тоже бой, еще один. И наша цель – стать победителями. Мы горячо ждем руку всем писателям.

Издательство «Нашр-э сарир»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мяч подпрыгнул около меня и покатился к сточной канаве.

Игроки кричали мне, стояли устало, руки на поясе. От их тел шел пар. Я подкатил мяч ногой, потом ударом вернул им его.

— Отлично, брат! Bravo!

— Спасибо за мяч!

Я отсалютовал им рукой. Вратарь, который стоял, опираясь на перекладину, отсалютовал мне в ответ.

Я позвонил в дверной звонок и ждал. Меня поражает, как они могут играть в холодную погоду в одних тонких футболках. В доме слышались шаги матери. Она волочит ноги при ходьбе, и ее тапки шаркают так, будто она ходит с трудом. Я снова нажал на звонок, не отпуская его.

— Иду... иду. Что случилось там? Я иду.

Звуки шагов стихли. Она, должно быть, надевает чадру. Дверь открылась.

— Привет, мама!

В дверном проеме – лицо матери, как будто замерло в рамке. Позади нее во дворе качаются ветви деревьев, с которых осенние листья почти все облетели. Выцветший желтый платок выглядывает из-под чадры матери, и несколько прядей черных волос выбились на лоб.

— Да что с тобой? Не можешь звонить как нормальный человек?

Она отступает в сторону, и я вхожу, притворяя дверь. Мать снимает чадру, под ней зеленое длинное платье с рисунком из крошечных красных роз. Она раздражена и не смотрит на меня. Я забегаю вперед и падаю перед ней на все четыре.

— Садись, мама! Поехали!

Ее лицо медленно озаряется улыбкой – словно капелька чернил упала в воду и постепенно растворяется в ней.

— Я не дам тебе пройти! Твой ослик ждет, и ты можешь взобраться на него...

Она бросает смятую чадру мне в лицо и пытается пройти мимо меня, но я хватаю рукав ее платья:

— Никогда!

Рукав выскальзывает из моей руки. Уходя, она спрашивает:

— Как твои дела? Всё хорошо?

Мы оказываемся плечом к плечу, и я говорю с гордостью:

— Мне ли не сдать экзамен?

Она заглядывает мне в лицо, поднимая брови:

— Посмотрим.

Когда я вошел в комнату, волна тепла и сырости ударила мне в лицо. Я растянулся на ковре. Потолок был весь в потеках, словно белые и черные облака катались верхом друг на друге. Кусок штукатурки размером с ладонь отвалился от одного из углов потолка. Недавно снег на крыше растаял на солнце, потом опять замерз. Мы сбрасывали его, с трудом отдирая от крыши лопатами, и, когда куски этого снега падали на

землю, они раскалывались и выстреливали в разные стороны. Другой ночью, когда я спал, что-то рухнуло на пол с мокрым звуком. Моя сестра Ройя как заверещит! Теперь всякий раз, когда я показываю ей темные снежные тучи, она бросается в мои объятия.

— ...Мама, где дети?

Доносятся звуки воды, которой она ополаскивает заварочный чайник.

— Ты слышишь меня?

Мама ставит чайник на самовар, убавляет фитиль и отвечает вопросом на вопрос:

— Их нет в переулке?

Пожимая плечами, я отвечаю, что не видел. Шум самовара нарастает.

— Этим утром пришел почтальон.

— Ну да? От кого? — поспешно спрашиваю я.

Она встала возле меня. Поставила рядом чашку чая и дала мне сложенный листок.

— Постарайся не пролить. Садись, сними куртку.

Это была телеграмма. Я вскочил, разворачивая ее:

Дорогой Насер, салам! Надеюсь, ты в порядке. Парни передают привет. Мы собираемся заехать к тетушке Мирзы. Приезжай как можно скорее.

Преданный тебе Али.

Мне стало жарко. Я снял куртку и снова растянулся на полу.

— Привет, брат!

Я пробормотал Ройе ответ. Она подбежала и обхватила руками мою шею. Ее лицо было студеным,

щеки покраснелись. Я освободился от ее объятий и повалил сестру на ковер. Сам лег на живот.

— Что там написано? От кого это?

Я принялся тереть ее холодные порозовевшие щеки, потом сел, прислонившись к стене. Ройя устроилась на моей правой ноге.

— Али передает привет.

Мать села рядом и протянула мне чашку.

— Остывает.

— Не хочу.

Я скатил Ройю со своей ноги и вышел в другую комнату. Мать посмотрела на меня с удивлением. Ройя сказала, цепляясь за ногу матери:

— Мама, брат поссорился?

Мать ответила:

— Нет, дорогая, почему он поссорился? Ссориться нехорошо.

— Тогда... тогда почему он не поцеловал меня?

Я собрал книги и бумаги и сгромоздил их в угол. Затем достал учебник по физике из ниши в стене и бросил его на пол. Достал тетради из ящика комода... Развалившись на полу, прочитал в учебнике: *Для лучшего понимания происходящего с нами мы должны иметь исчерпывающую информацию. Часть этой информации можно получить путем измерения. Измерение также играет важную роль в нашей повседневной жизни. Когда мы хотим определить вместимость грузовика...*

...Холод забирался в грузовик. Мы сгрудились теснее, чтобы удержать тепло. Один из парней показал на небо и крикнул. Молочно-белый самолет, оставляя в небе дымный след, пикировал на нас.

Грузовик встряхнуло. И меня встряхнуло. Подбросило в воздух. Едкий вкус пороха наполнил гортань. Я задышался...

Я листаю книгу. Читаю четвертую страницу. Что я должен измерить? Какова была вместимость грузовика? Сколько было градусов ниже нуля? Как быстро я летел по воздуху? Вообще, где я был в то время?

Я перевернул страницы обратно и начал с самого начала. Моя носоглотка была полна дыма от пороха. Слова поплыли передо мной, вот они летят между двух насыпей. И Хусейн уткнулся в насыпь лицом. Я схватил его за руку и дернул, чтобы убрать из зоны видимости врага, чтобы мы не были на линии огня. От мочки его уха до кончика подбородка зияла рана, веки дрожали. Кровь и грязь сочились из раны вдоль челюсти, левая бровь начала подергиваться...

Я вновь углубляюсь в учебник. Но голова не работает. Вместо книги я оказываюсь опять на фронте.

— Я тебе чаю налила, вставай.

Я не поднимаю глаз от книги.

— Спасибо, мама.

И тут на меня набрасывается Ройя и шепчет мне на ухо:

— Братик, сделаешь мне корабль?

Мама помогает Ройе подняться.

— Пойдем, доченька. Видишь, брат твой к экзаменам готовится.

Но я перехватываю Ройю у матери.

— Оставь ее, мама! Давай-ка бумагу, сделаю корабль.

Ройя летит к комоду. Изо всех сил выдвигает ящик, тянется на цыпочках внутрь, но ей не достать.

— Постой, сам достану.

Я встаю с пола, и мать предупреждает меня:

— Чай не пролей.

Ройя нетерпеливо ждет, пока я вырву из тетради белый листок.

* * *

Из экзаменационного класса по физике я выхожу на улицу. Смеркается, дует холодный ветер. Жесткие крупницы снега секут лицо. Я застегиваю доверху молнию куртки, а учебник по физике сую за пазуху. Домой идти нет желания. Опавшие листья шуршат под ногами, а снег усиливается. Вся стена вдоль улицы сплошь заклеена плакатами: «Отправка на фронт ста тысяч воинов Мухаммада». Я засовываю руки поглубже в карманы. Передо мной идут по улице молоденький паренек с девчонкой. На ней длинное шерстяное пальто, и я улавливаю запах духов. Навстречу им – трое юношей с учебниками под мышками. Увидев парочку, они начинают шептаться, потом громко хохочут. А один из них смотрит на паренька с девчушкой с завистью. Но до того, как мы сойдемся лицом к лицу, я сворачиваю в переулок. Позади себя слышу насмешливый трескучий звук, издаваемый чьими-то губами. А потом топот бегущих ног...

Я останавливаюсь перед дверью зеленого цвета. Позвонив в звонок, отступаю и смотрю на окно второго этажа. Окно открывает мужчина средних лет в исподней рубахе.

— Слушаю.

— Здравствуйте, господин Асгар дома?

— Нет его, заходите.

Этот мужчина в точности так же долговяз и нескладен, как сам Асгар-ага¹, и исподняя рубаха висит на нем как на вешалке. Подняв глаза к небу, он словно бы считает снежинки.

— Не знаете, когда он вернется?

— Не думаю, чтобы скоро вернулся, позавчера только уехал на фронт.

Я ошеломлен. Холод заставляет мужчину поскорее закончить разговор. Я прощаюсь и ухожу восво-
яси. И думаю о том, почему же Асгар уехал, не сказав мне. Еще через два квартала я подхожу к дому Ахмада. С ним мы вместе возвращались с фронта. Неужто и он уехал? Я его не видел со времени начала экзаменов. Я точно помню, что мы собирались ехать на фронт вместе. Уже совсем стемнело, и всю землю покрывает тонкий слой снега. Дверной звонок сломан. Ключом я стучу по двери, и девчонкий голос спрашивает:

— Кто там?

— К Ахмаду – дело...

Дверь приоткрывается.

— Здравствуйте, у меня дело к господину Ахмаду.

— Подождите! – торопливо отвечает девочка. – Подождите!

¹ Ага — «господин», уважительное обращение к мужчине. В разговорной речи, особенно в молодежной среде, нередко имеет дружески-шутливую окраску.

И убегает прочь. Слышу ее крик в глубине дома:
«Мама! Мама...»

Потом – топот приближающихся ног. По звуку этих спешащих ног я понимаю, что один тапок женщина потеряла. Зажегшийся во дворе свет освещает сбоку лицо этой пожилой женщины.

– Здравствуйте, хадж¹-ханум²!

Задыхаясь от волнения, она говорит мне:

– Пожалуйста, заходите... Что с Ахмадом?

Из-за ее спины выглядывает девочка. Я спрашиваю:

– Ахмад дома?

– Нет, а что случилось-то? – пожилая женщина сама не своя от испуга.

Мягко и очень размеренно, медленно я объясняю ей:

– У меня дело к Ахмаду. Хотел спросить, дома он или нет?

– Ахмад же на фронте! – отвечает она.

Я ничего не понимаю. Шагаю вперед и недоверчиво переспрашиваю:

– Как на фронте? Когда же он уехал?

Пожилая женщина чуть успокоилась, а девочка скрылась из вида.

– Две недели... Во вторник, две недели назад, уехал...

¹ *Хадж-ханум, хадж-ага* — так называют людей, совершивших хадж; в обиходе — почтительное обращение к любому собеседнику.

² *Ханум* — «госпожа», уважительное обращение к женщине.

Я не знаю, что сказать. Прощаюсь и ухожу. На перекрестке установлена палатка помощи фронту. В ней ежатся от холода двое, и снег засыпает сваленные в кучу разноцветные узлы, которые принесли люди. Из динамика слышится голос, агитирующий помогать фронту. А люди проходят мимо, вжав головы в плечи, в воротники пальто. Но прохожих мало – улица почти пуста.

Домой я возвращаюсь уже в полной темноте. На звонок дверь открывает Мустафа. Он ворчит обвиняюще:

— Мать ждала тебя – что ты так поздно?

— Отец еще не вернулся? – спрашиваю.

Он произносит «нет» таким странным голосом, точно горло полощет. Закрывает дверь и идет в дом следом за мной. В комнате Ройя в обледенелом окне ладошкой расчистила кружок, чтобы смотреть на улицу.

— Мать хотела меня за тобой посылать, — продолжает ворчать Мустафа. — Ты бы говорил ей, куда идешь, а то где я тебя буду искать в темноте?

Я укладкой показываю Ройе язык и отвечаю Мустафе:

— А ты только ворчать умеешь, да?

— Что ж, я вру, что ли? – продолжает Мустафа, но я больше не обращаю на него внимания. Отрянувшись от снега, вхожу в комнату, Ройя бросается в мои объятия. Так, обнявшись, мы вместе садимся и смотрим, как мать читает намаз. Мать хмурится, косится на меня и, читая молитву, повышает голос:

— ...кроме тех, на кого гневаются!..

Я прижимаю лицо Ройи к своему уху, и она морщится:

— Ух! Холодный!..

Встав на ноги, я подхожу к керосиновой печке посреди комнаты. Снимаю куртку и бросаю ее в угол. Учебник физики падает на пол. Меж тем вошел Мустафа и занялся своими уроками.

Мать завершает намаз словами «Салам алейкум ва рахматулла» и резко поворачивается ко мне:

— Если так поздно приходишь, хотя бы предупреждал! Я вся извелась...

С тех пор, как я вернулся с фронта, со мной все носятся как с писаной торбой. А мать прямо нянчится со мной, как с малышом. Улыбаясь, я сжимаю Ройю в объятиях:

— Привет, мама!

— Привет приветом, а где ты был?

— К друзьям заходил.

Мустафа хмурит брови:

— Предупредил бы – и заходи.

Я кладу голову Ройи себе на плечо и отвечаю:

— Решай знай задачки и не суй свой нос.

Мустафа ворчит что-то и листает тетрадку. Мать вновь поворачивается в сторону киблы и негромко повторяет: «Хвала Аллаху! Аллах преславный!» Ройя бежит за своей куклой, у которой не хватает одного глаза.

— Братец, давай поиграем!

— Сейчас не хочу, — отвечаю ей, — попозже.

Она садится верхом на мою ногу и сажает куклу на пол, выпрямляя ей ноги. Мать складывает молитвенный коврик, продолжая бормотать молитвы.

Складывает и убирает свою молитвенную чадру. Садится возле самовара и наливает мне чаю.

— Так где ты был?

Тон ее смягчился. Она ставит чай возле моих ног и садится напротив. Мустафа, словно он ждал, пока мать закончит намаз, подходит к телевизору и включает его. Я смотрю на него осуждающе, но он притворяется, будто не видит моего взгляда. Лег животом на свой учебник и уставился в экран. Мать спрашивает его:

— Ты уроки делаешь или телевизор смотришь?

Мустафа на такие вопросы предпочитает не отвечать, и мать снова спрашивает меня:

— Так где ты был?

— Да говорю: зашел к ребятам.

Она недоверчиво смотрит на меня:

— И что они тебе сказали?

Я изображаю равнодушие и спокойствие.

— А они оба ушли на фронт.

— Кто это? Кто они такие? — спрашивает мать.

— Ты их не знаешь, — отвечаю я.

По телевизору показывают боевые действия и призывают народ вступать в ряды вооруженных сил. Картинка всё время меняется. Вот иракские солдаты с белым платком в знак капитуляции маршируют, выстроенные в колонну по одному, вот старик повязывает молодому солдату повязку на лоб, вот бесконечная колонна иранских добровольцев, а вот залпы орудий. Мать переключает канал.

— Зачем ты переключила?

По другой программе кошка и небольшая собака гоняются друг за другом и катаются кубарем,

а чей-то голос рассказывает о дружбе кошек и собак. Мать опять переключает канал, и Мустафа протестует:

— Оставь уж тот, на этом ничего нет!

Я поднимаюсь, беру свой учебник физики и выхожу в другую комнату. Я должен ехать на фронт. За прошедшие два дня я решил это твердо.

Раздается звонок в дверь. Я слышу голос матери:

— Беги открывай, а то отец звонок оборвет.

Потом слышу, как Мустафа побежал открывать. Я встаю и сажусь на корточки. Неожиданно включается телевизор, и мать вскрикивает:

— Убавь звук, дочка! Чего ты вдруг включила?

Слышен стук входной двери и крик Ройи:

— Папа! Папа пришел!

— Чертова метель! – ругается отец.

Я выхожу из комнаты. Отец размотал шарф и повесил его на вешалку.

— Привет, отец!

— Привет, дорогой, как твой экзамен? Сдал или нет?

Отец сегодня в настроении, иначе не спросил бы об экзамене. Я уверен, что он не знает, в какой именно день у меня экзамен. И спросил он лишь из благодушия и не ждет ответа.

— Сдал вроде неплохо! – отвечаю я.

— Учись, парень, учись, чтобы приняли в институт. – Отец снял пальто. – Не отставай от других, а то скажут: не взяли его, потому и на фронт ушел. Не стань таким как я: темным и неученым.

Отец потирает руки над керосиновой печкой. По телевизору передают новости, репортаж об отправке

на фронт. Отец ставит ноги по бокам обогревателя и наклоняется над ним. Мать занята самоваром.

— Выпей чаю, — говорит она отцу, — согрейся.

Отец снял брюки, под ними его старые, потерявшие цвет кальсоны. Ройя не отрывает глаз от отца и ходит за ним как привязанная. Мустафа украдкой тоже следит за отцом. Отец сует руку в карман пальто и достает две шоколадки, одну отдает Ройе, а вторую кидает на учебник Мустафы. Мустафа подчеркнуто не берет ее, и отец говорит:

— Это тебе, возьми.

На экране диктор объявляет:

— Штаб экономического регулирования принял решение ввести купоны...

Отец и мать внимательно слушают, и отец поднимает руку, предупреждая нас всех молчать. Когда сообщение дочитывают до конца, отец шумно выдыхает, а мать ставит перед ним стакан с крепким чаем. Он берет стакан в обе ладони так, словно хочет согреться его небольшим теплом. Потом подносит стакан к губам и жалуется:

— Чертова поясница, по-прежнему болит!

Отец морщится. Зажмуривает глаза, а щеки его подтягиваются кверху. Потом он язвительно смеется, вспомнив о чем-то, и, поставив стакан с чаем, читает мне стихотворение:

*— Возраст пятьдесят придет,
И вся силушка уйдет!*

Он смеется, потом продолжает жаловаться:

— Я — всё: считай, вышел из строя. Чертова боль

18 в спине всю жизнь мою забирает. То схватит, то

отпустит: начинается под поясницей и идет вверх между лопаток.

— Сто раз я тебе говорила: сходи к врачу! —на-поминает мать, а отец встает и сердито возражает:

— Ты сто раз говорила, а я сто раз ходил. Дают четыре таблетки из мела — и всё... Сейчас один друг сказал: поедет в Бандар¹, привезет змеиный жир, вот это, говорят, помогает.

Мать расстилает скатерть. Мустафа быстренько убирает учебники и идет к столу. По телевизору новости кончились, и опять повторяют агитацию за отправку на фронт: те же кадры в той же последовательности. Отец отрывает кусок лепешки, кладет его в рот и глухим голосом говорит:

— По-моему, опять наступление...

Он так на меня смотрит, словно ждет ответа.

И я говорю:

— Да, каждый год зимой наступление.

Отец берет в руки пиалу с густым йогуртом.

— В прошлом году в это примерно время тебя ранило?

— Нет, позже: в феврале, — отвечаю я.

Мать ставит посреди стола мясную подливку с зеленью. Отец раздраженно смотрит в лицо матери, а она, отводя от него взгляд, идет и приносит рис. И первую тарелку риса ставит перед отцом, а он в сердцах говорит:

— Сотню раз тебе повторял, женщина: готовь рис, сколько хочешь, но только днем, а на ужин — что-нибудь другое!

¹ *Бандар* — порт (перс.). Имеется в виду, скорее всего, портовый город Бандар-Аббас.

Он раздраженно отрывает кусок лепешки, сует его в пиалу с йогуртом, потом жует. И ворчит:

— На фабрике постоянно рис, дома рис, я от всего этого риса больной уже насквозь!

Я доедаю свой ужин и ухожу в другую комнату. Решение я принял твердое. Но как мне сказать о нем матери?

* * *

Вечером, когда приходит отец, я не решаюсь выйти из комнаты. В доме тишина. Я молюсь, чтобы мама заговорила о чем-нибудь и чтобы отец ничего не заподозрил. Мустафа, который в одиночку уроки делать не умеет, пришел в мою комнату. Отец всё жалуется на холода. Мать зовет нас:

— Насер, Мустафа, идите ужинать!

Мустафа поднял голову и смотрит на меня. Я кричу на него:

— Ты что, оглох, не слышал, что мать сказала?

Ворча, он поднимается и уходит. Следом за ним выхожу и я. Отец закатал снизу брюки и натирает себе жиром заднюю поверхность ног. Резким запахом полна вся комната.

— Привет, папа.

Продолжая массировать икры, он отвечает на мое приветствие. Мать еще не накрыла на стол, и я жалею, что так рано пришел к ужину. Я прибавляю громкость телевизора. Конь схватил за шею другого коня и крутится вместе с ним. Второй конь не перестает лягать воздух. Жеребенок неустойчиво взбрыкивает, выбрасывая задние ножки. Я сажусь, прислонившись к стене. Мать поставила на самовар

небольшую кастрюльку и села рядом. Отец уходит в кухню, неся руки так, словно они очень грязные, не касаясь одной руки другой. Ройя прилипла к экрану телевизора. Лягающийся конь ударяет в бок жеребчика, и тот катится на землю. Отец выходит из кухни, и с его рук капает вода. Ройя визжит:

— Папа, папа... Большой конь детку-коня ударил!

Отец садится, опираясь о стену. Ноги ставит прямо: брюки закатаны снизу выше колен. Мать не поднимает глаз и вся согнулась, словно под тяжким грузом. Раздраженно велит Ройе:

— Сделай телевизор тише!

Ройя крутит ручку громкости. Отец смотрит на нас с подозрением. И мать исподлобья наблюдает за нами обоими. Отец рассеянно смотрит на телевизор. Мать так взволнована, что слышно ее дыхание. Не поднимая глаз, она говорит:

— Насер хочет ехать, — и добавляет что-то неразборчивое.

— Куда ехать? — спрашивает хмуро отец.

Мать молчит. Отец теснее сдвигает ноги. Его глаза раскрыты шире обычного. Он вопросительно смотрит на меня. Я опускаю глаза, а мать поднимает голову. Отец ждет ответа. Мать негромко бормочет:

— Хочет ехать на фронт.

Ноги отца делаются вялыми. Мустафа смотрит на нас в изумлении, словно ждет скандала. А лицо отца делается очень морщинистым, словно лист бумаги скомкали. Он тяжело вздыхает и поднимается, подходит к комоду. Из-за фарфоровых чашек и тарелок достает пачку сигарет. Разрывает ее и вставляет в рот сигарету, подходит к самовару.

Наклоняется, увеличивает огонь под самоваром и прикуривает. Ройя удивленно смотрит на отца, забыв о телевизоре. Отец вернулся на свое место и сел, прислонясь к стене. Ройя вскакивает и бросается в его объятия, целует его и говорит нарочито детским голосом, чтобы понравиться отцу:

— Папочка, а лазве мы не договаливались, что ты не будешь дымить паловозиком?

Отец заносит руку и сильным ударом бьет ее по щеке, так что она летит на пол; словно бы что-то грязное с себя стряхнул. Ройя упала ничком. Ее лицо морщится для плача, и цвет его постепенно становится лиловым. Никто из нас не двигается. Ройя начинает громко реветь. На четвереньках она ползет в объятия матери. Мать сильно прижимает ее к себе и нежно поглаживает по спинке. Мустафа весь сжался. Отец уставился в экран телевизора. Белки его глаз налились кровью. Он жадно жует зажатую в губах сигарету. Огонь ее горит ярко. Но в углу отцовского глаза собирается слеза. Сигарета дрожит в его губах. Вспомнились дни детской порки. Тогда отец пускал в ход ремень, и я от страха хотел вжаться в какой-нибудь угол комнаты. Отец теперь играет с дымом сигареты. Когда я вернулся с фронта, он бросил курить. Говорил так: «Этот чертов паровоз своим дымом все легкие мне испортил. Если бы не тревога о тебе, я бы раньше бросил».

Я встаю с места. Терпеть эту обстановку больше нет сил. Ухожу в другую комнату и там собираю свои учебники и кидаю их в коробку. Замечаю учебник физики. Нагибаюсь за ним и ложусь, открыв его.

моего лица и поднимается к лампе под потолком. Я закрываю глаза. И на меня наплывают воспоминания о фронте и о ребятах из первого взвода. Порой эти картины тускнеют, и тогда тайное возбуждение охватывает меня. Вот я заглядываю во взводную палатку, и Мехди, командир первого взвода, обнимает меня и прижимает к груди. Мягкая поросль на его щеках гладит мое лицо. Со своим обычным спокойствием он сжимает мои плечи и говорит со мной. Постепенно лицо его тускнеет. Я открываю глаза. Во рту сухо и горько. Обезумевший мотылек неверными кругами летает вокруг лампы, потом летит вниз. Я переворачиваюсь на живот. Громко включен телевизор; гремит боевой марш, и затем начинается агитация за вступление в армию и отправку на фронт. Это – единственное, что слышно сейчас у нас в доме. Я закрываю глаза. Агитационный громкоговоритель, находящийся в конце насыпи, передает военный марш. Я тащу Хусейна к насыпи. Взглянул на него и испугался. Лицо его стало страшным. Свежая кровь течет, и смывает покрывшую лицо пыль, и стекает внутрь его воротника. Его веки задрожали и замерли. Я оставил его на том месте и бегом догнал нашу колонну. И все, кто входил внутрь ограниченного насыпью пространства, говорили о трупe Хусейна, лежащем на пути, прямо в том месте, где насыпь прерывалась. Иракцы захватили нас врасплох, и мы отступили. И вновь я увидел Хусейна: он лежал в той же позе. Я прошел мимо, а когда вновь оказался там же, говорили: Хусейна увезли в реанимацию. Кто-то проходил мимо и заметил, что

веки его дрожат. И лицо Хусейна, такого, какой он лежал возле насыпи, оживает во мне и всё увеличивается. Он становится таким большим, что мне его теперь и не охватить взглядом. Я раскрываю глаза. Настырный мотылек пролетает близко от моего лица, в сторону книжной полки.

— Насер!.. Насер, иди за стол!

Это мать меня зовет. В ее голосе слышны рыдания. Но я не иду, подожду, пока она накроет. Не хочу сидеть и ждать за столом. Хоть бы и вообще не ходить туда... Я знаю, что сегодня никому из нас ужин не будет в радость. Еда покажется отравленной.

— Насер!.. Иди – остывает!

Мать хочет, чтобы в доме наступило хотя бы условное перемирие. Пусть оно и сведется лишь к тому, что все мы будем сидеть за столом и ужинать бок о бок.

Я встаю: не хочу, чтобы она еще раз звала меня. Выхожу в комнату и вижу, что Мустафа, опершись подбородком о коленки, смотрит телевизор. У отца одна штанина спущена, другая по-прежнему закатана до колена. Стол уже накрыт, и мать ставит для каждого из нас тарелку с мясным бульоном. Я сажусь и оказываюсь спиной к спине с Мустафой. Спокойно и ласково говорю ему:

— Поворачивайся, давай за стол.

Мустафа отрывает подбородок от коленок и садится ужинать, скрестив ноги по-турецки. Я беру кусок лепешки. Ройя положила голову на колени матери и смотрит телевизор, на щеках ее – дорожки от слез. Мать заставляет ее подняться и сесть к столу. Перед каждым из нас тарелка с супом, но в том, как мы все едим, чувствуется отвращение.

Словно поглощаем еду лишь по обязанности. Отец закуривает новую сигарету, и продолжается словно бы игра в молчанку. Окунаем лепешки в суп и жуем их – все, кроме отца. У него тарелка уже подернулась остывшим жиром, а он прикуривает новую сигарету от предыдущей, и я вижу, что он выкурил уже полпачки. Он как будто состарился за то время, что меня не было в комнате. Прислонившись к стене, обхватив колени, смотрит телевизор. Там показывают китайский цирк. Мужчина крутит педали одноколесного велосипеда. А вот на арену выпрыгивает некто с разноцветно размалеванным лицом. На лице Мустафы появляется скрытая улыбка, но он оглядывается на нас, и улыбка его исчезает. Мама рвет лепешку на мелкие кусочки и кладет их рядом с тарелкой отца. Потом она берет кастрюльку и начинает чистить картошку, шкурки кладет на крышку кастрюльки, и их желтизна скоро покрывает всю крышку.

Раздается долгий звонок в дверь. Мустафа вскакивает и, перепрыгнув через скатерть, бежит к двери. Он опрокинул кастрюлю, отец вскакивает, хватая крышку и запускает ее в Мустафу.

— Ослеп? Как баран несется...

Роя прижимается к матери. Мустафа, не задерживаясь, выскакивает из комнаты. Картофельные очистки усыпали весь пол. Губы отца дрожат. Мать начинает прибираться, потом отходит к буфету. Дверной звонок теперь звенит не переставая. Кто-то прижал кнопку и не отпускает ее. Дрожащим от гнева голосом отец восклицает:

— Нет Бога, кроме Аллаха! Кто это, на ночь глядя, так звонит, посмотрите, кто там!

Последние его слова ни к кому конкретно не обращены, тем более, что слышен стук открывшейся двери. Звонок смолкает. Глаза отца округлились от ярости. Его поднявшиеся брови встали чуть ли не вертикально под складками лба. Слышен топот Мустафы, взбегающего на крыльцо по лесенке, ведущей со двора, он спотыкается и падает. Отец выпрямляет шею и что-то негромко бормочет. Я не слышу его целиком, лишь отдельные слова:

— Осел... к черту... Слепой болван...

Мустафа влетает в комнату. Он запыхался и трет ушибленную ногу. Но прежде, чем он что-то успевает сказать, со двора слышится голос:

— Йалла¹! Хозяин дома что, гостям не рад?

Запыхавшийся Мустафа объявляет:

— Братец... Братец Али-ага! Али-ага пришел!

Мать стоит у буфета и не может сдержать широкой улыбки. Я вскакиваю и выбегаю из комнаты. Во дворе стоит Али. Свет зажжен, и на стену легла его великанская тень. От радости я лишь хватаюсь за перила крыльца и не знаю, что сказать. Он, улыбнувшись, кивает мне и заявляет:

— Во-первых, поздоровайся, а затем марш ко мне гусиным шагом и целуй мне ноги, без разговоров! Негодяй, я тебе должен сто писем и телеграмм послать, чтобы ты приехал, а? Придется тебя как невесту выкрасть и отвезти на фронт! Салам, хадж-ага, воспитываю вот его!

¹ *Йалла* — приветственное восклицание; в разговорной речи может означать также «Давай!», «Вперёд!».

Али, шагая через две ступеньки, поднимается на крыльцо и идет навстречу отцу. Проходя мимо меня, искоса на меня глянул и бросил:

— Мы с трусами дел не имеем!

Он обнимается с отцом. Отец, улыбаясь, прижимает голову Али к своей груди. А Али высвобождается из его объятий и целует отца в лоб так смачно, словно машина тормозит.

— Добро пожаловать, Али-джан, очень рады.

— Салам, хадж-ханум!

Мать вышла в сени и стоит, вытирая слезы. Роя здесь же, прислонилась к дверному косяку. Али оборачивается ко мне и пристально смотрит мне в глаза. И мне рыдание сжимает горло. Али своим присутствием напомнил мне обо всех ребятах и о фронте. Но я не иду к нему, жду, когда он сам обнимет меня. Я вдруг снова стал ребенком, нуждающимся в ласке и внимании, в нежности. И я склоняю голову на его плечо. Спазм сжал мне горло и не дает вымолвить ни слова. Али тихонько спрашивает меня:

— Ну, как ты тут?

Я лишь качаю головой. А мать восклицает предупреждающим резким тоном:

— Опять вы шушукаетесь, дружки! Помогай Аллах!

Мы отстраняемся друг от друга. По щеке матери катится слеза. Она одновременно и смеется, и вытирает слезы. Отец одобрительно кивает, спрашивая:

— И ты, похоже, на фронт махнул рукой, а?

Али надул губы:

— Что такое Вы говорите, хадж-ага? Я приехал, чтобы вот этого негодяя с собой забрать.

Отец смеется и, взяв Али за руку, ведет его в комнату. Тот хочет еще что-то сказать, но отец, взяв его за плечи, вталкивает в дом.

— Заходи, Али-ага, абгушт¹ остывает.

Али, чуть покачиваясь, входит в дом, снимает обувь. Мустафа сидит в углу и, закатав штанину, дует на свою ногу. Мы все садимся к столу – отец усаживает Али рядом с собой. Пододвигает ему свою тарелку:

— Давай, богатырь! Приступай!

Он кидает крошенную лепешку в тарелку Али. Затем пододвигает кастрюлю и добавляет:

— Йалла, кроши, знай, хлеб. Не надо тут церемониться, ты ведь фронтовик.

Отец берет пестик и начинает трудиться над кастрюлей. Али не заставляет себя упрашивать. Он одновременно ест, посмеивается и рассуждает. Ройя заворуженно следит за каждым его жестом. А отец, помогая движениям пестика, привстает, затем налегает всем телом.

— Ну что, Насер учится, слава Аллаху! – говорит Али. – Завтра отечеству понадобятся доктора, понадобятся инженеры, понадобятся грамотные специалисты. К войне жизнь не сводится! Кто-то

¹ *Абгушт* — традиционное иранское блюдо из баранины с горохом и картошкой, которое сначала долго варят, а заканчивают готовить прямо за столом: толкут вареное мясо и овощи пестиком, а потом едят с кусочками хлеба.

должен идти на фронт, а кто-то должен и учиться! Тысячу раз слава Аллаху, что нынче повсюду образовались фронты! Школа стала фронтом, магазин фронтом, переулок фронтом, уж я и не знаю, что еще остается, что не стало фронтом. Уроки учить – это ведь как в окопе – а что ты хочешь? Насер наш фронтовое ружье переменял на боевое перо! Чего же лучше? У тех, которые на фронте становятся шахидами, кровь красная, а у Насера-аги теперь кровь синяя будет!

Он новый кусок отправляет в рот и спрашивает меня:

— Так я говорю? У канцелярских крыс кровь синяя, разве нет?

Я ничего не отвечаю. Али слегка грозит мне пальцем и продолжает, всё так же обращаясь к отцу:

— Хадж-ага! Я говорю: в гробу я видал этот фронт! Когда прямо здесь ты можешь в окопе биться, надо ума лишиться, чтобы ехать за тем же самым на другой конец страны! Да там еще и окоп-то – под автоматным и артиллерийским огнем. Аллах свидетель: стране нужны доктора, нужны инженеры, нужны писатели. А кровь пролить – это нехитрое дело, любой работяга может кровь пролить...

Отец смеется. Его лоб покрылся потом. Роя так уставилась на Али, что ее глаза, кажется, вот-вот выпрыгнут из глазниц. Отец ставит перед Али кастрюлю с мясной толченкой. Тот достает большой кусок мяса и отправляет его в рот, из-за этого он временно умолкает, и я говорю:

— Удивительно: на секунду замолчал!

Мама наливает в стаканы чай. Самовар пыхтит так, словно вот-вот пустится в пляс.

— Посмотри, хадж-ага! – продолжает Али. – Я сотню раз говорил: если бы имам Хусейн учился и стал врачом, насколько бы дела его лучше пошли! Семь лет отучился бы на медицинском факультете Дамаска, потом вернулся бы в Куфу – народу лекарства выписывать! Чего лучше? Сидел бы в кабинете и каждому посетителю проповедовал об исламе. Плохо разве? То-то бы дела двинулись! И никаких бы потом споров и боев...

Он вскользь посматривает на меня. Мать ставит перед каждым из нас по стакану с чаем. Мустафа собирает тарелки и относит в кухню. Али только открыл рот, собираясь еще что-то сказать, но я схватил солонку и кинул в него. Он выставил щитком обе руки и громко захохотал.

— Ты болтаешь без умолку. Слова не вставить, – говорю я. – Дай хоть другим рот открыть.

Он еще пуще хохочет. Я гневно смотрю на него, а он потирает нос пальцем и произносит:

— Ладно-ладно, пока потерпим. Я с тобой позже расквитаюсь. А то он тут развоевался, а на фронт идти не хочет, так?

Я наклоняюсь к нему и говорю:

— Будь проклят тот, кто ранил тебя в руку! Неужели он не мог найти получше место? Надо было – клянусь праведным Аббасом – в язык тебе попасть. Насколько же тише стало бы в мире!

Мать поднимает брови:

— Не приведи Господь! Сынок, помолчал бы ты.

Али показывает мне язык. Он издевается надо мной в свое удовольствие. Отец, откинувшись к стене и улыбаясь, спрашивает:

— Ну хорошо, Али-ага! Так какие новости на фронте?

Али чуть отодвигается от стола и берет стакан с чаем. Мустафа переключает канал телевизора, и мы слышим слова известной песни:

*...И вот приходят в упоенье битвы,
Вот поднимают кубками вино...*

На экране движутся солдаты с красными и зелеными знаменами в руках. Поднимают руки перед телекамерами в знак победы. Али рассказывает о фронте – впечатления, мысли... Говорит о готовности к боям. Отец, прервав его, высказывает свое мнение. Ройя придвинулась к отцу. А по телевизору запели еще громче:

*И вот им машут знойные красотки,
Как розы, щеки на лице горят...*

Отец поворачивается к экрану. Бегут солдаты с флагами в руках. Народ расступается, пропуская их. Али говорит:

— Все ребята передают привет. Я приехал за тобой. Наступление скоро начнется, мне еле-еле удалось получить внеочередной отпуск. Но я должен был тебя увезти. Все наши ребята в первом взводе, Мехди – командир взвода, Масуд – его зам.

— А кто теперь командир роты? – спрашиваю я.
— Хусейн.

— Да ну? – я удивлен. – Разве он боеспособен?

— Еще как, дорогой мой! Приди и посмотри, как он нас гоняет по утрам. Кровавыми слезами плачем: марш-броски, бег – чего только нет!

Мы оба смеемся. Я вспоминаю рану, которую видел у Хусейна. От мочки уха к подбородку тянулся свежий красный шрам. Отец закуривает сигарету, и Али смотрит на него с изумлением. Не выпуская сигареты из губ, отец командует:

— Женщина, чаю подай! У Али-аги в горле пересохло!

— Поменьше бы ему тараторить, — говорю я. — Тарахтит, черт побери, как трактор, ни на минуту не остановится!

Мы все смеемся, и сигарета пляшет в губах отца. Али спрашивает:

— Хадж-ага, ты по новой паровоз запустил? Разве ты не бросил?

Ройю в этот момент словно молнией ударило. Вскочив, она свой маленький пальчик подносит к губкам и говорит:

— Тсс! Предупреждаю: попадет сильно!

Мы все улыбаемся. Отец перекидывает сигарету из одного угла рта в другой и прижимает Ройю к груди. Али ничего не понимает, и я говорю ему:

— Не бери в голову, друг, то внутреннее дело! О праздничном фейерверке шла речь!

Мы так смеемся, что слова песни по телевизору едва слышны:

*Из «да» и «нет» от века мир был создан,
«Нет» проиграло – победило «да»!*

Али поднимается, чтобы распрощаться с нами. Отец, сильно пыхнув сигаретой в последний раз, тушит ее в пепельнице. Али спрашивает меня:

— Так ты едешь или открываешь в Куфе врачебный кабинет?

Я смеюсь и спрашиваю:

— А когда ты едешь?

— Что значит «едешь»? – Он смотрит на меня в упор. – «Едем» надо говорить. Я за тобой прибыл.

Он добавляет, понизив голос:

— Буквально вот-вот начнется. Отпуска отменены, Хусейн глотку сорвал, выпрашивая мне отпуск, внеочередной и всего на два дня.

Я отвечаю:

— Завтра утром пойду выправлять документы. В любом случае до полудня получу направление на фронт.

Али по-военному щелкает каблуками, и все встают. Али говорит отцу:

— Хадж-ага! Мы больше не увидимся.

На щеках отца обозначились складки, и словно тяжелый груз лег ему на плечи. Потирая руки, он спрашивает:

— Так когда едете?

Али смотрит на меня. Я опускаю голову, и он говорит:

— Завтра.

Они с отцом обнимаются, и Али целует отца в плечи. Отец, взволнованный, сжимает локти Али:

— Пусть Аллах сопровождает тебя, иншалла, отбудешь и вернешься удачно. Береги моего Насера.

Мы все провожаем Али до двери. На улице холод, и я сильно дрожу. Бегом возвращаюсь в комнату. Отца не стал дожидаться. Мне не по себе. Ухожу в свою комнату, и вскоре туда входит мать, неся под мышкой матрас. На миг мне кажется, что она несет труп: свисающие углы матраса — как руки и ноги мертвеца. Не нагибаясь, она бросает матрас на пол — словно поясница ее перестала гнуться. С глухим стуком «труп» падает. Я вздрагиваю, а мать смотрит мне в глаза. Я заставляю себя успокоиться и ложусь на этот матрас. Мать спрашивает:

— Лампу погасить или считаешь?

— Гаси, — отвечаю я. — Да не оскудеет рука твоя.

Я накрываюсь с головой одеялом и погружаюсь во фронтовые воспоминания. Ни на миг не затихает в ушах лязг танковых гусениц. Я на поле боя.

* * *

Что-то громко падает на пол, и я разом просыпаюсь. В комнате холодно. Слышу, как мать спрашивает:

— Что это было?

— А зачем на дороге поставила? — отвечает отец.

Я натягиваю на себя одеяло. Еще темно, но, пока отец уйдет на работу, он всех разбудит. Мы к этому привыкли. Он ходит из комнаты в комнату и бормочет:

— Брюк моих не видала? Шайтан бы побрал...

— Под вешалку упали, вон там, под рубашкой.

— ...Аллах Всевышний, где же носки-то?

— Около ниши, вон там, рядом с зеркалом.

— Зачем пальто мое сюда кинула? Вот ведь! Накрой девочку одеялом. Простудится же.

Он садится и пьет чай, я слышу из своей комнаты, как он прихлебывает. Сажусь в постели, обхватив колени руками. Отец входит в комнату. Ведет рукой по стене и щелкает выключателем. Я встаю.

— Салам!

— Сегодня уезжаешь, нет?

— Да, папа.

Пальто отца застегнуто доверху, и шея замотана черно-белым шарфом. Он сутулится, словно шея и голова тянут его вперед. Обнимает меня, и его колючая грубая борода тычется мне в лицо.

— Не забывай писать, мама твоя больная. По телефону звони, не трави ей душу. Друзья в увольнение поедут – с ними писульку передай.

Его голос дрожит. И сам он дрожит, несмотря на то, что одет для улицы. Он хватает мою руку и что-то сует в нее. Я хочу оттолкнуть его руку, но он говорит:

— Тебе понадобится, там нужно будет что-то купить.

И он, поцеловав, оставляет меня, гасит свет в комнате. Уходит, но, пока не наденет ботинки, дверь не закроет... Так бывает каждый день, и холод вливается в комнату. Я дрожу. Наконец дверь закрывается, и я смотрю на него через окно. Посреди двора он сильно сморкается и, как бы неуверенно покачнувшись, тянется к стволу голого дерева, вытирает руку о ствол. Но не останавливается, уходит. И даже когда он на улице, я еще слышу звук его шаркающих шагов.

* * *

Получив направление на фронт, я успокаиваюсь. Решаю идти домой пешком. Мне кажется, воздух сегодня пахнет уже иначе. Дует прохладный ветерок. А мороза прошедших дней нет и в помине. Небо – голубое, прозрачное, чистое. Я уже словно бы и не в городе, а на войне. С этого фронта ушел на тот фронт. Мечты мои летят высоко...

— Э, осел, ты о чем задумался?

Я прихожу в себя. Я на проезжей части, и позади меня машина остановилась и сигналит, не переставая. Водитель высунулся из окна и с яростью глядит мне в глаза.

— Что он застыл, как труп, оттащи его!

Кто-то берет меня за руку и тащит с дороги. Водитель яростно газует и уносится прочь. Я медленно иду дальше по краю дороги. По канаве вдоль улицы течет грязная вода, и канава до половины забита грязью.

— Эй, ты где витаешь?

Я останавливаюсь и чувствую, что готов взорваться. Я его сейчас своими руками задушю – кто бы он ни был. Оборачиваясь, говорю:

— Паренек, мать твою, ты...

Это Али – он хохочет. Я бросаюсь к нему – кулаком собираюсь ему дать по физиономии.

— О Аллах, теперь, значит, я у тебя «пареньком» стал?

Я обнимаю Али и рассказываю о том, что было только что.

— Пойдем-ка выпьем прохладительного, — говорит он.

— В такой холод?

Вместо ответа он хватает меня за руку и тащит к тележке, с которой продают дымящуюся вареную свеклу.

* * *

Звоню в звонок. Мать открывает дверь, Ройя здесь же, держится за ее чадру. Али внутрь не входит, говорит:

— Мне нужно идти, моя старушка уже извелась, что я опаздываю. Будь готов, в четыре часа я за тобой найду.

Ройя кивает ему и, кокетливо произнося слова, спрашивает:

— В четыре часа куда моего братика заберешь?

Али отвечает, подражая ее выговору:

— Заберу его на фронт, ненаглядного твоего! Я уже сто таких, как он, под воду утащил. И-и-и... В четыре часа куда моего братика заберешь!

Со смехом я толкаю его в бок, выпихиваю на улицу. Возвращаюсь в дом. Мать уже ушла, а Ройя возвращается со мной. Обняв ее, вхожу в дом. Мать накрывает на стол, и я сажусь к столу. Мустафа выходит из комнаты, здоровается и садится рядом со мной. Мать бранит его:

— Чуть подальше не можешь отсесть – чего прилип к нему?

Мать ест совсем немного: я вижу, как ей не по себе. Потом она идет к комоду и вываливает мои вещи. Кладет на пол мой рюкзак и начинает укладывать его. Ройя подходит к ней и сидит рядом так смиренно, будто держит в руках кружку, полную воды.

Мать порой смахивает слезу углом платка. Мустафа убрал посуду со стола и опять взялся за уроки. Я при-слоняюсь к стене, потом ложусь. Мать садится так, чтобы всё время меня видеть. А я не могу выдержать ее взгляда. В нем целый мир мольбы и бесконечность надежды. Я притворяюсь, что сплю. Мать подходит ко мне и приносит мой рюкзак. Мустафа спрашивает:

— Мама! А когда братец вернется?

— Тише ты! Не буди. Месяца через два-три.

— Мама! А как становятся шахидами?

В комнате тишина. За окном туда-сюда летают озябшие воробьи и чирикают. Мать говорит:

— Сходи-ка с сестрой своей, возьмите денег из моей сумки и купите что-нибудь братцу в дорогу!

— Что? Что же купить? – спрашивает Мустафа.

— Откуда мне знать! – сердито отвечает мать. –

Печенья, например.

Слышу стук закрывшейся двери. Больше никаких шумов. Даже мать не шевелится. Я поворачиваюсь лицом к стене. Мать набрасывает на меня одеяло.

* * *

Я встаю. Ройя бросается мне на шею:

— Проснулся, братец?

Я складываю одеяло и сажаю Ройю к себе на колено.

— Братец! Угадай, что мы тебе купили?

Мать наливает мне чаю.

— Я заснул, мама! – говорю я. – А разве мне что-то купили?

Ройя отвечает мне кивком.

— Ты скажи, какой оно формы, — предлагаю ей, — и я угадаю.

Мать встает, переносит мой рюкзак к дверям и возвращается. Оправляя платье, садится возле самовара. Ее поведение кажется мне странным. Словно она сама не знает, что делать. Говорит:

— Я тебе всё сложила.

А сама не смотрит на меня, занялась фитилем самовара. Потом говорит Мустафе:

— Поддай-ка чай своему брату!

Мустафа и не думает ворчать. Берет стакан и приносит его мне. А мать плачет и хочет скрыть это от меня. Ройя приближает ко мне лицо, чтобы я обратил на нее внимание. Показывая ручками, объясняет:

— Вот так будет две пяди, а вот так — одна пядь, чуть-чуть поменьше.

— А вкус какой? — спрашиваю я.

— У-у! — она облизывается. — Такая вкусная, что и слов нет!

Я с притворным изумлением распахиваю глаза:

— Жвачка?

Она заходится смехом. Крутя головой и жестикулируя, внушает мне:

— Да посмотри же... Разве жвачка вот таких размеров бывает?

Она выскальзывает из моих рук и бежит к рюкзаку, но мать останавливает ее:

— Стой, я сама достану, иначе ты всё тут перевернешь.

Ройя протестует:

— Я сама ему достану. Я же сбоку положила.

Мать открывает рюкзак и дает ей в руки пачку печенья. Ройя подлетает ко мне и подносит печенье к моим глазам:

— Смотри!

Я переодеваюсь в форму цвета хаки. Мустафа говорит:

— Братец, не забудешь мне привезти осколки?

— Я ведь привозил тебе уже. Куда ты их дел?

— Ребята все расхватали. И один учителю отдал.

Мать места себе не находит. Суетится тут и там. Положила на поднос и двигает на нем зеркало, Коран, чашку с рисом, кружку, полную воды, стебелек цветка, вырванный из горшка. Я встаю, и она плачет. Поднимает поднос возле дверей. Нагнув голову, я прохожу под ним, а Ройя и Мустафа смотрят во все глаза. Поворачиваюсь и еще раз прохожу под подносом. Ройя стоит, вытянувшись в струнку, и вдруг начинает реветь. Я целую ее, а Мустафа смотрит исподлобья. И мне тоже спазмы сжимают горло. Мать ставит поднос на пол и бежит в комнату. Мы выходим во двор, и мать тоже спешит к нам, надев чадру. Я вскидываю рюкзак за спину, гляжу на Ройю, которая уткнула лицо в стену и рыдает. Сажусь перед ней на корточки, кладу ей руки на плечи, обнимаю ее. Она закрыла ручками лицо и плачет. Целую ее. Она трет глазки кулачками. Поднимаю ее и несу с собой к двери. Потом ставлю сестру на землю и обнимаю мать. Мать повторяет:

— Письма... Письма не забывай – пожалей нас. Мать твою пожалей, этих детей пожалей, не убивай меня! Не забывай писать!

Я выхожу из дома. За спиной у меня плач, рев и слезы. Шагаю вперед, а идти так тяжело, будто глину ногами месишь. Ноги тяжелые, словно свинец на них повешен. Но я ухожу и не оборачиваюсь. Спазм сжимает мне горло, душит меня.

Ройя зовет меня, тогда я поворачиваюсь. Мать выплескивает вслед мне воду из кружки. Ройя бежит ко мне, и я сажусь перед ней на корточки. Она обнимает меня за шею и целует в обе щеки:

— Братец скоро вернется!

— Скоро-скоро вернусь.

Я вытираю ей лицо и встаю на ноги. И больше уже не оборачиваюсь. Я знаю, что, пока меня можно видеть, они будут смотреть мне вслед, а потом вернуться в дом. Дом стал безмолвным кладбищем, и до вечера в нем не раздастся ни звука.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ход поезда замедляется. По обеим сторонам назад проплывают дома. Сначала одиночные, а чем дальше, тем их всё больше: сгрудились кучами, совсем убогие. Словно нищие, собравшиеся из разных мест: хмурые, забитые, в заплатках.

Из переулков выскакивают мальчишки и бегут к рельсам, но поезд оставляет их позади. Из следующих улочек также выбегает ребяшня, у некоторых камни в руках. Замахиваются на нас камнями и что-то кричат; наверно, швыряют в поезд камни и ругательства одновременно.

Дальше я вижу корявое дерево, склонившееся к земле. Под ним стоит девочка. Ее длинные волосы треплет ветер, а одета она в красное платье в цветочек. Взглядом пожирает окна вагонов. Поднимает руку, но сама же и останавливает этот жест. Секунду колеблется, а потом всё же машет нам. Мы проезжаем мимо, и я вытягиваю шею, чтобы видеть ее. Она уже далеко, но машет всем вагонам.

— Идем?

Али поднимается с места. Берет свой рюкзак с полки наверху, кидает мне мой рюкзак и рычит:

— Шевелись давай, сколько можно дрыхнуть?

Я встаю на ноги. На всем моем теле – ощущение сальности. Ищу ботинки на полу купе, потом выдавливаю из себя:

— Идем!

Али выходит из купе, я за ним. В коридоре стоят люди с рюкзаками в руках. Образовалась очередь, и мы стоим в ней, ждем, пока поезд остановится и откроются двери. Али оборачивается ко мне:

— Это Андимашк. В городе надо ребятам купить чего-нибудь.

Я не отвечаю. Он отворачивается и смотрит в окно. Впереди него стоит солдат с сигаретой в зубах. Вертит головой туда-сюда и всё время дымит. Я кашляю. Али смотрит на меня и говорит:

— Хорошо, когда люди думают о других людях.

Голос его тонет в скрежете тормозов – резком и долгом. Поезд с толчком останавливается. Толпа давится к выходу. Двери открывают, и мы все прыгаем вниз.

Поток цвета хаки несет нас к выходу из вокзала. Я отдаюсь на волю толпы, и она поднимает меня и выбрасывает из дверей вокзала. Первое, что я вижу снаружи, — это большая площадь, вся заполненная народом, солдатами и гражданскими, стоящими в очереди к билетным кассам. А сбоку площади цепочкой – автобусы, замазанные глиной.

— «Хамзе-21»... Дивизия «Хамзе-21» – погрузка! Эйн-Хош, дивизия «Хамзе-21» – грузимся!

Мы проходим мимо. Несколько солдат лезут вперед других, чтобы загрузиться в автобус. Мы сворачиваем к тротуару, и Али начинает шагать нетвердо и говорить жалобным, как бы детским голосом:

— Братец дорогой! Гляди, ребята там в пустыне, пить-есть нечего, ай-ай как жалко! Все ждут, пока ты приедешь. Разве ты им сладенького не купишь?!

Я наклоняю голову и искоса гляжу на него. Он останавливается и делает лицо, не допускающее возражений. По виду его я понимаю, что он хочет, чтобы я купил сладкого. Я говорю:

— Если это обязательно, я куплю.

И шагаю дальше. Он нагоняет меня и идет плечом к плечу, и говорит:

— Нет-нет, принудиловки нет. Я говорю: несчастным добровольцам, ребятам из взвода, тем, которые бросили дом и добро и пошли на войну в эти края, для них купи сладкого. Я неверно говорю? Аморально говорю? Спаси Аллах, не знаю: решать тебе. Хочешь, купи, хочешь, нет... Но праведному Аббасу я скажу, когда будем проходить по мосту Сират¹, я ему крикну: тому неверному я говорил, но он не внял! Так что думай сам!

Он на миг останавливается и смотрит мне в глаза, чтобы оценить эффект своих слов. И с лица моего взгляд его скользит к небу, и он продолжает:

— Да стану я твоей жертвой, о имам нашего времени! Сколько несчастных в твоей стране! Причем среди солдат, это же стыд и срам! Крови им не жалко, а денег жалко. Он – из тех людей, что бросили имама Хусейна одного в Кербеле! Задули свечу и ушли... Да хоть бы бороды их загорелись! Хоть бы Аллах их не простил! Иншалла, когда

¹ *Мост Сират* — мост через геенну, который могут перейти только праведные.

будут стоять в очереди на Страшный суд, пусть в затылок им стоит Йазид¹, а перед ними — Саддам. Когда ангелы в час творения увидели таких, как уважаемый господин, они крикнули: «Фабрика творения выпустила брак!» Ну и люди, не люди, а звери, просто звери...

Я заставляю его опустить руки, поднятые к небу, и говорю:

— Ты что при всём народе ораторствуешь? Пойдем, я куплю тебе сладкого. С полным моим удовольствием, от чистого сердца. Несчастливым добровольцам вроде тебя. Вопросов нет.

Он смеется. Обеими руками берет меня за голову, притягивает к себе и целует. И восклицает:

— О Аллах! Так бы сразу и сказал, а? Ни себя бы не мучил, ни меня!

Мы перебираемся на другую сторону улицы. Али направляет меня:

— Сюда! Кроме того магазина все остальные под видом сладостей торгуют хлебными лепешками!

Мы доходим до центральной площади города. На другой ее стороне – единственный в городе кинотеатр, возле которого несколько человек разглядывают киноафиши. Отсюда Али тащит меня на улицу, где нам надо сесть в машину, чтобы добраться до фронтового лагеря. А на пути – кондитерская, витрину которой он обшаривает взглядом.

— Погляди, погляди, какие у них сладости!

¹ *Йазид* — омейядский халиф Йазид I ибн Муавийа, враг имама Хусейна.

Мы заходим внутрь. За кассой стоит старик, а мальчик готовится нас обслужить. Али с озорным видом потирает руки и спрашивает:

— Какое у вас самое дорогое пирожное?

Мальчик смеется и спрашивает старика:

— Остад¹, что им дать?

Хмурый старик указывает на пирожное в холодильнике, и Али спрашивает меня:

— Братец, сколько возьмем?

Я не спешу отвечать. Пожав плечами, говорю:

— Тебе решать. Сколько хочешь, столько и возьмем.

Он подмигивает мне и говорит:

— Пять кило взвесь.

— Пять кило? – невольно восклицаю я.

Старик раздраженно останавливает мальчика:

— Ничего не взвешивай! Пусть сначала примут решение.

Али быстро говорит:

— Три килограмма. Три кило взвесь.

Мальчик складывает пирожные в коробку и отдает старику-продавцу. Тот кладет ее на весы и хмуρο объявляет:

— Четыреста семьдесят туманов.

Али с вежливым жестом говорит мне:

— Пожалуйста, ваша светлость!

Я расплачиваюсь, и мы выходим. Идем к площади на выезде из города. Отсюда в одну сторону – дорога на Дизфуль, в другую – на Ахваз. В ряд выстроились микроавтобусы и пассажирские легковушки.

— Сузы... Сузы...

— Ахваз... Два места на Ахваз...

— Мост через Керхе! Торопитесь: отъезжаем на мост через Керхе!

У одного водителя, высунувшегося по грудь из окна своего «Пейкана», Али спрашивает:

— Сколько берешь?

— Двадцать туманов.

— Двадцать туманов? Ты что, на перевале караулишь – разбойник?

— Али, Али!.. Насер, Али!

Кто-то зовет из микроавтобуса там, впереди. Мы подходим, и Али восклицает:

— О-о, Асгар здесь!

Асгар тянется к нам через окошко автобуса.

— Салам, Насер, ты как здесь?

Асгар – ротный связной. Он высок и неуклюж, а длинные ноги его всегда напоминали мне жирафы. Мы быстро садимся в машину и крепко с ним обнимаемся.

— Где ты был, чего так припозднился?

Али зовет нас с заднего сиденья:

— Идите сюда!

Мы пересаживаемся к нему. Асгар не может сидеть с краю, ноги не помещаются, и Али шутит:

— С твоими ногами одно хорошо: можно финики прямо с пальмы есть!

Мы смеемся и говорим о лагере и о ребятах. Наконец автобус наполняется и трогается. В нем все военные, кроме двух женщин, причем одна из них с ребенком на руках – они сидят впереди, за водителем, и по их виду ясно, что они не местные.

— В город зачем приезжал?

— Кое-что купить ребятам.

Асгар наклоняется к нам и негромко говорит:

— Все отпуска отменены, даже в город не дают.

Вчера вечером разрешили мне съездить и быстро вернуться. Рано утром снабженцы сюда подкинули на своей машине.

Я смотрю в окно: насколько хватает взгляда, везде пустыня. Кое-где видна зелень. Рельеф плоский, и кажется, будто у горизонта земля пришита к небу. С другой стороны, со стороны Хорремабада, сплошь холмы и горы, темная гряда их покрыта туманом.

Микроавтобус сворачивает с главной дороги в сторону моста через Керхе. Река Керхе всегда имеет цвет глины и песка: ни разу я ее воду не видел прозрачной. Асгар рассказывает:

— Хейдар уже два-три дня как уехал вперед. Там и будет, и амуницию, вещи свои забрал. Рюкзак отдал мне, чтобы я его сдал. По его разговору с Хусейном я понял, что он в лагерь не вернется.

Хейдар – заместитель командира нашей роты. Он очень толст и массивен, на его размер нет форменной одежды. Ему выдают материю, и он сам себе шьет. Носит курдские шаровары, и, когда идет, кажется: гора мяса двинулась в путь.

Мы прибыли и выходим из автобуса. Дальше частные машины не идут, только военные. По обеим сторонам шоссе женщины и мужчины в гражданской одежде сидят на разных подстилках и ждут, глядя на мост. Они приехали порой очень издалека и просят и умоляют любого, кто идет в сторону фронта, передать бумажку с именами,

сообщить солдатам, что они ждут здесь, на этой стороне реки. Обычно там написан и их адрес, по которому видно, что они издалека. Они ищут своих детей, отцов, женщины – мужей. Порой по многу дней так ожидают... Али спрашивает меня:

— Помнится, и твой отец приезжал?

— Да, бедняга, — отвечаю я с неловким смехом. — Два дня тут маялся...

Две женщины, которые ехали с нами, подходят к мужчине и женщине, сидящим возле шоссе.

— Ну как, не приходил?

— Нет. А вы купили?

— Ага... — женщина показывает банку сухого молока...

Часовой проверяет наши бумаги и пропускает нас. Еще один часовой в красном берете ставит на наши пропуска печать, и мы идем через мост. На той стороне солдаты стоят возле вывески: «Лагерь “Коусар”¹».

— Вот она, дорога наша, — говорит Али. — В лагерь ведет.

Рюкзак Асгара тяжелый, он запыхался. Мы стоим и ждем рядом с другими, и вот с моста съезжает пикап и сворачивает в нашу сторону. Мы машем ему и, похватав свои рюкзаки, бежим садиться. Машина остановилась, и те, кто без вещей, первыми впрыгивают в нее. И Али быстро запрыгивает, берет у меня рюкзак и мне самому помогает влезть в кузов. Коробка с пирожными – предмет его особых забот. Асгар же одну свою длинную ногу ставит

¹ *Коусар* — название райского источника.

прямо в кузов и забирается без посторонней помощи. Весь кузов занят, и кто-то стучит по кабине:

— Полно́, поехали!

Но водитель не торопится. Выйдя из кабины, он говорит:

— Приказ штаба дивизии брать в кузов не больше восьми человек. Трои́м придется сойти.

Мы переглядываемся. Али берет свой рюкзак и спрыгивает.

— Слезайте, парни, на следующей поедем.

Я сидел возле бортика и, опершись на него, спрыгиваю. Как сошел Асгар, я понятия не имею. Водитель садится в кабину, а кто-то из кузова кричит:

— Браток, браток! Ты рюкзак оставил!

Машина трогается, но мне успевают выбросить мой рюкзак, и я его ловлю. А коробку с пирожными Али держит перед грудью и замечает:

— Хорошо, что эту не оставили!

Подъезжает еще один пикап, и мы ему даже не машем, он сам останавливается. Все трое запрыгиваем в кузов. Али с азартом кричит:

— Поехали! Поехали...

Я смотрю в заднее окошко кабины. И водитель смотрит на нас в зеркало заднего вида, потом выходит. Его длинные волосы всклокочены и частично закрывают костлявое лицо. Лицо его покрыто слоем пыли, от чего ресницы белесые. Одной ногой он стоит на подножке, рука в бок, другая рука опирается на дверцу. И манерным тоном объявляет нам:

— Прошу их высочества сойти... Я опаздываю, прошу вниз, у меня работа есть.

Мы смотрим на него в замешательстве. Его глаза сужаются, и, садясь в кабину, он повторяет:

— Покорно прошу выйти из кузова.

Али берет коробку с пирожными и бормочет:

— Машина, похоже, в его частной собственности.

Мы спрыгиваем. Стоим растерянно и ждем, пока уедет. Но водитель, нагнувшись, открывает дверцу с нашей стороны и громко говорит:

— Садитесь, наконец, я же сказал: опаздываю.

Мы залезаем в кабину: хотя и тесно, но кое-как помещаемся. Водитель с силой врубает скорость и спрашивает:

— Скажите, когда кабина пустая, разве садятся в кузов? Это же Господу обида, класс человека понижается...

Он едет по краю асфальтового шоссе. Я всматриваюсь в его лицо. Оно высохшее, худощавое, ворот рубахи цвета хаки расстегнут, и оттуда торчат курчавые волосы на груди. Арафатка¹, чаще всего черно-белая в клеточку, у него имеет рисунок в форме черно-белых цветков. Платок свободно болтается на плечах. С рулем машины этот водитель просто играет и напевает что-то негромко, и пальцем отбивает ритм. Я замечаю татуировку между его большим и указательным пальцами;

¹ *Арафатка* (куфия)— мужской головной платок для защиты головы и лица от солнца, песка и холода. Название «арафатка» получил в русскоязычных странах в конце 1980-х годов, когда на телеэкранах часто появлялся лидер палестинцев Ясир Арафат, неотъемлемой частью образа которого была куфия.

присматриваюсь и читаю: «Я люблю тебя, мама». Мне становится смешно, и он это замечает, спрашивает:

— Похоже, вы все только что сюда прибыли?

— Ну да, — отвечаю я. — Кроме вот него, — и указываю пальцем на Асгара.

Подняв брови, водитель оглядывает нас и спрашивает:

— Ноль километров или повторный рейс?

— Повторный, — отвечает ему Асгар со смехом.

Водитель скалится в улыбке, а Али, отвернувшись, молча смотрит в окно. Водитель вновь что-то напевает: я слышу мелодию, но не разбираю слов. Машина ухаает в яму, и мы взлетаем с сиденья и стукаемся головами о крышу. Водитель, вырулив из ямы, лупит кулаком по рулю, восклицая:

— Драконья пасть! Целиком можно провалиться!

Потом, искоса глядя на нас, он рассказывает:

— Три-четыре дня назад Аллах нас не уберег: небеса разверзлись, и хлынул ливень. Всё смыло начисто! Э-э... Посмотри! Клянусь имамом Али, дорога была ровной-ровной, а теперь? Смотри, что стало? Кого нам за это благодарить?

Али отрывает свой взгляд от холмов и принимает вид кающегося грешника.

— Когда ты сказал: спрыгивайте из кузова, я у тебя за спиной тоже кое-что сказал. Говорю: машина, наверное, в его частной собственности.

Водитель продолжает крутить руль туда-сюда, объезжая рытвины, и отвечает:

— Ничего страшного, молодой человек!

Я смотрю на него и вижу, что он воодушевился. Он продолжает:

— Если бы это была моя собственность, я бы тебе подарил ее – за честность твою, за мужество! Человек не должен в себе слова таить. Клянусь имамом Али, мужчина — это не двадцать граммов мяса в брюках, мужчина — это нечто другое, это внутри человека!

Он замолкает, следя за дорогой. Мне кажется, что я покраснел от его откровенных слов. Смотрю в зеркало наверху и вижу лицо водителя: глаза его в глубоких глазницах налились кровью, они покрыты густой сетью красных прожилок.

Шоссе, словно черный ремень, опоясывает гору, потом поворачивает к лагерю. Когда лагерь открылся нам, я буквально впиваюсь в него взглядом. Зрелище этой военной базы стерло все слова, что были для нее в моей памяти; оно красивее в действительности, чем та картина, что жила во мне. Сколько хватает глаз, круглятся холмы, и на этих холмах и в ложбинах меж ними воздвигли палатки. Асгар показывает, где какой батальон и какая часть. Я чувствую, что снова стал военным. Я среди батальонов, среди солдат и техники, среди грозного блеска войны. На развилке машина сворачивает, и Асгар говорит:

— Мы здесь сойдем.

— Спасибо, брат! – говорю я водителю. – Да не оскудеет рука твоя.

— Из какого вы батальона?

— «Салман». Батальон «Салман», — отвечает Асгар.

Почесав нос, водитель объявляет:

— Недалеко осталось: на том холме... Мне стыдно перед такими вежливыми людьми, но остаток пути придется идти уставным шагом!

— До свиданья! – негромко говорит ему Али и выпрыгивает из машины.

Водитель, не обращая внимания на нас с Асгаром, включает передачу и говорит Али:

— Давай, парень! С Богом!

И машина уносится прочь, оставляя нас в клубе пыли. Однако я успеваю прочесть надпись на заднем борту: «Господу нравится, когда богатых потрошат».

— Вон она там, наверху, — говорит Асгар, — наша часть.

Повсюду виднеются палатки и разноцветные флаги над ними. Мы прибавляем шаг. Впереди весь склон холма изуродован колесами – громадным количеством проезжавшего здесь транспорта.

— Красота, да и только! – говорит Асгар.

Али с тех пор, как мы сошли с машины, молчит и держится отдельно от нас. Уходит вперед и, когда чувствует, что мы его догоняем, прибавляет шаг.

Мы поднимаемся по склону холма, и у меня перехватывает дыхание. Совсем чуть-чуть осталось до вершины. И вскоре мы окажемся среди палаток нашего батальона, лицом к лицу с ребятами. Сердце мое стучит учащенно – словно кто-то кулаком бьет в грудь изнутри. Я думаю о том, кого мы первым увидим, за каким занятием, что я скажу, и что скажут мне?

— Если... Если устал, присядем.

Это первые слова, которые сказал Али после того, как сошел с машины. И я, словно только и ждал этих слов, валюсь на землю. Асгар говорит:

— На вершину поднимемся, увидим палатки батальона направо, первая палатка – первый взвод, все ваши ребята там.

Я растянулся на спине, положив голову на камень. Облака – словно из ваты – тянутся друг за другом. Эти облака прекрасны, они только украшают небо. Даже Ройя не боится таких облаков. Она умеет в их формах разглядеть разные вещи и показывает их мне. Надеюсь, Мустафа не будет ее игнорировать.

— Идем?

— Идем! Кстати, Асгар, я дня два-три назад заходил к тебе, твой отец сказал, что ты на фронте.

Я закидываю за плечи рюкзак и иду дальше вверх по склону. Али ушел вперед, мы с Асгаром отстали. Его длинные ноги воюют с мелкими и крупными камнями. Я смотрю вверх. Там небо с разбросанными белыми облаками. И виден флагшток с красным флагом, что на нем написано – мне не разобрать. А вот и палатки. Самая большая – в центре. В расположении батальона безлюдно.

— Вон та палатка – хусейние¹, эти – батальонные.

Палатки высоки и вместительны, каждая является спальным общежитием на взвод из тридцати человек. Между палатками и небольшим оврагом –

¹ *Хусейние* — особое помещение, в котором происходит обряд оплакивания имама Хусейна и иногда устраиваются религиозные мистерии.

цистерна с водой, поодаль – туалетные кабинки фабричного производства. Кто-то выпрямляется и встает перед цистерной с водой. Его рукава закатаны, и руки мокрые. Я говорю Али:

— Это же Масуд!

Масуд поднимает таз с тарелками в нем и направляется к крайней палатке. Увидев нас, останавливается. Ставит таз на землю и бежит к нам.

— Добро пожаловать, салам! – говорит он и бросается в мои объятия. — Поистине добро пожаловать, ребята ждали тебя, задержался ты!

Я кладу голову на одно его плечо, на второе. Он берет мою голову руками, смотрит мне в глаза и спрашивает:

— Как экзамены прошли?

— Спроси у него, — я указываю на Али.

Али, улыбнувшись, хлопает меня по плечу:

— В конце концов, война ведь! Она не даст тебе сдать всё до конца!

Из-за крайней палатки кто-то выглядывает. Это Мирза. Хотя мы стоим близко друг к другу, я поднимаю руки и приветственно машу ему. А он меня как будто не узнает, смотрит удивленно.

— Пойдем в палатку, — говорит Масуд. — Сейчас ребята вернуться. — Потом он добавляет громче: — Ага-Мирза, не узнал? Это Насер!

Мирза медленно-медленно идет к нам. Когда он делает шаг, его тело как бы отстает, а потом, догоняя, словно падает вперед. Его движения очень неловки, и всякому, кто его впервые видит, кажется, что он вот-вот упадет. Рукава его закатаны, а руки черны от смазки.

— На-насер, до-дор-рогой, са-салам! Све-вет очей моих. До-добро пожаловать!

Произнеся каждую фразу, он останавливается и изумленно смотрит на меня, полуприкрыв глаза. Он шагает ко мне, а потом садится на землю.

— Сто-стой там, ду-душа моя! Я са-сам к тебе по-подойду, гу-гусиным ша-шагом.

Я подбегаю к нему и подхватываю под мышки, поднимаю с земли.

— Ты что, Ага-Мирза, я в твоём распоряжении... Мы все твои слуги, вставай, дорогой!

Мы с ним обнимаемся. Он ухитряется при этом не коснуться меня грязными кистями рук. От него пахнет керосином.

— Как ты тут, Ага-Мирза?

— Да бу-буду я т-твоей же-жертвой! Жи-жизнь за тебя от-отдам! К-клянусь п-праведным Аббасом, я то-тосковал по тебе. А Али ка-какой мо-молодец: спа-асибо, Али, что па-привез его!

— Пойдемте в палатку, — говорит Масуд. — Ребята с утра как ушли на марш-бросок, так еще и не возвращались.

Мирза всё обнимает меня. Его выступающий жесткий подбородок давит на мой висок. Ему двадцать лет, и у него очень большие глаза, украшающие его необычное лицо. Масуд идет за тарелками, а мы входим в палатку. Я освобождаюсь от объятий Мирзы и кричу вдогонку Масуду:

— Ты дневальный, похоже?

— Нет, друг мой, Ага-Мирза дневальный. Я так, с посудой помогаю.

Мирза хохочет:

— Ах ты-ты не-ба-благодарный!

Рядом с палаткой первого взвода стоит разобранный керосиновый обогреватель. Мирза садится возле него и говорит:

— За-заход-дите внутрь, я до-доделаю и п-приду.

— Асгар, заходим! – говорю я.

Но тот прощается с нами, и мы заходим в палатку вместе с Али. Спят ребята прямо на полу, и весь пол застелен разноцветными одеялами: у каждого одеяла свой цвет и рисунок. На одеяле в центре палатки изображен рычащий леопард. Ближе к стенкам рядами тянутся рюкзаки, и каждый рюкзак обозначает чье-то место. Али прямо идет к рюкзаку в конце палатки и ставит рядом с ним коробку с пирожными. При этом он что-то достает из рюкзака и говорит:

— Это аджилль¹. Матушка положила мне в дорогу, еще когда я ехал сюда, и вот до сих пор цело!

Я высовываюсь из палатки:

— Ага-Мирза, иди, орешков поедим!

— Ид-ду, — доносится его голос. — Уже за-заканчиваю.

Масуд взял горсть орешков и сказал:

— Али не выдержал, поехал за тобой.

— Хороший друг так и познается! – говорю я со смехом. — А с плохим другом я бы в преисподнюю не поехал.

¹ *Аджилль* — смесь поджаренных соленых фисташек, фундука, очищенных земляных орехов, миндаля, гороха, тыквенных и дынных семечек.

Снаружи палатки слышен голос Мирзы:

— Е-если хо-хочешь в п-преисподнюю, по-попробуй не по-подчиниться ем-му. Для твоей по-пользы го-говорю, На-насер. Мы-мы с-сказали, те-тебе д-делать вы-вывод.

Али собрал в кучку шелуху от орехов, положил ее на одеяло и ответил Мирзе так:

— Хорошо, что тебе Аллах дал только пол-языка. А был бы ты речист и всем понятен – ох, посмотрел бы я на тебя!

Мы все смеемся, а Масуд громко говорит:

— Ага-Мирза, Али, видно, захотел кипяточку?

Слыша смех Мирзы, я удивленно спрашиваю:

— А что тут еще были за проделки?

— А разве тебе Али не рассказывал? — спрашивает Масуд.

— Нет, а о чем речь? — я вопросительно гляжу на Али.

Али хохочет как бешеный, и Масуд просит его:

— Али, сам расскажи ему!

Али говорит:

— Несколько дней назад Мирза пошел во второй взвод, и там один парень его высмеял. Мирза ничего ему толком не ответил...

— Как обычно! – прерываю я.

— Ну да... Но вскоре этот раб Божий стоит в очереди в туалет. Очередь подходит – а у него воды нет¹! Он – к цистерне, там-то Мирза его и

¹ В мусульманских странах вместо туалетной бумаги используется вода из водопроводного крана либо приносимая с собой в особых сосудах – «умывальниках для подмывания».

перехватил. Говорит: давай «умывальник», я тебе воды принесу. Тот отдал и в туалет. А Мирза – бегом в палатку, и «умывальник» наполняет кипятком! И отдает тому через занавесочку. Я как раз тогда спал в палатке. И клянусь тебе, этот бедняга такой вопль издал, что все из палаток повыскакивали! Я во сне подскочил на метр! Как увидел, что ребята все бегут из палатки, подумал: бомбежка или обстрел!

Я от смеха чуть не падаю. Масуд дополняет:

— Али кинулся наружу из палатки и кричит: «Все в окопы! Не иначе, кассетные бомбы кидают!»

Али искоса смотрит на Масуда и говорит:

— Если так разбудят, то и не удивительно! Этот парень так заверещал, словно бомбы взорвались – что же мне оставалось?

Мирза сует голову в палатку и добавляет:

— К-клянусь, хо-хотел в «ум-мывальник» з-залить ак-кумуляторную кис-слоту – ж-жаль, ее н-не было.

Я со смехом бью Али по плечу:

— Вот это урок!

Масуд смеется негромко. Я спрашиваю:

— А сейчас? Сейчас этот парень где?

— В своей палатке, — отвечает Масуд. — Бедняга, как те, кто после обрезания, забинтованный лежит и не встает. Стыдно ему наружу выходить!

Мне уже больно от смеха. Выхожу из палатки и растягиваюсь на земле рядом с Мирзой. Тот, поправляя фитиль обогревателя, замечает:

— С-смотри, не взо-взорвись! Али по-под-думает, б-бомб-бежка на-нач-чалась.

Приложив обе руки к груди, я говорю:

— Мы твои слуги, Ага-Мирза!

— Бу-будьте, по-пока я вас не ув-волил, — отвечает он и смеется с некоторой принужденностью, и смотрит мне в глаза: не обиделся ли я. Потом закрывает крышкой обогреватель и говорит:

— Х-холодно, по-пойдем внутрь, п-простудишься.

— Иду, — откликаюсь я и смотрю в небо. Несколько перелетных птиц цепочкой летят на юг.

* * *

Я сел на большой камень, которым закреплена одна из растяжек палатки. Холодает. Беспokoйный ветер плющит траву на холмах. Небольшая колонна бойцов там, внизу, удаляется от лагеря. Их не больше взвода.

— Тут сидишь? Заходи в палатку!

Я оборачиваюсь: это Масуд.

— Вышел наружу оглядеться, — отвечаю ему. — На этот раз для лагеря хорошее место выбрали.

Он садится на землю напротив меня, хотя я отодвигаюсь в сторону на своем камне.

— Сиди, не беспокойся, — говорит мне, но я встаю с камня и сажусь на землю рядом с ним.

Его каштановые прямые волосы зачесаны направо. Большие глаза под густыми черными бровями кажутся темнее, чем были раньше. Борода была мягкой порослью, теперь стала жестче. Он хранит такое выражение лица, по которому нельзя прочитать, радостен он или печален.

— Али очень за тебя переживал. И ребята очень ждали тебя. Знали, что ты обязательно вернешься

до начала боев, но Али был сам не свой. В конце концов вырвал себе увольнение и поехал. А пока Хейдар тут был, все уговоры были напрасны.

— Хейдар уехал? – спрашиваю я.

— Да, вот уже несколько дней. Все говорят: поехал вперед на рекогносцировку района боев. Но его характер ты знаешь: пока от него чего-то добьешься, он тебя насмерть замучает. То говорит Али, увольнение тебе сделано, иди собирай рюкзак, потом говорит, нет, не вышло. Потом сказал: ты должен дать слово, что вернешься не один. В общем, помытарил Али. Кстати, он уехал в своих пятнистых шароварах, а ребята говорят: он ушел на первую линию. Встретит нас на новом месте.

Обычные брюки не налезают на Хейдара, и он всегда носит шаровары курдского фасона. Те, что с леопардовыми пятнами, предназначены специально для боев. В иных случаях он их не надевает. Я спрашиваю:

— Опять ребят загонял этими марш-бросками?

— Есть такое дело, — отвечает Масуд. — Десять дней назад совершили пеший марш в Сузы. Шли восемнадцать часов. Потом неделю ребята мозоли лечили.

Всякий, кто впервые видит Хейдара, считает его малоподвижным, так же и я сначала думал. Но в длинных походах все валятся с ног, а он свеженький.

Из долины внизу слышится стрельба: солдаты тренируются. Там насыпь, которую они берут штурмом, забрасывают ее гранатами и преодолевают, потом возвращаются и повторяют то же самое.

— Мы все с ребятами перешли в первый взвод, хотя Хусейн пытался нас разделить. Требовал, чтобы некоторые перешли к Абулфазлу, во второй взвод. Ребята не согласились... — Помолчав, Масуд продолжает: — Абулфазл стал командиром второго взвода, и, мне кажется, Хусейн хочет тебя к нему отправить.

— Зачем, почему меня?

— У него одни новички. Абулфазл говорит, без помощника ему трудно. Пару дней назад говорил, если ты приедешь, возьмет тебя к себе.

Опять слышится стрельба. Солдаты бегут в атаку, стреляют и кричат «ура». И берут насыпь штурмом. Нас окликает Мирза.

— Ча-чай г-готов, ув-важаемый Масуд-хан! П-прошу вас!

...Мы всё еще пьем чай, когда после марш-броска возвращается батальон. Я гляжу на них через щель входа в палатку. Хусейн с красным шрамом на лице дает команду «вольно, разойдись». И строй солдат вдруг рассыпается. Они выглядят усталыми. Я вижу Мехди, как всегда, аккуратного в том, как сидит на нем одежда и военное снаряжение. У него круглое лицо, каштановые волосы и приземистая широкоплечая фигура.

Али выходит из палатки.

— У, ребята, Али приехал!

— Здравствуйте, Али-ага!

Ребята окружают Али, а Мехди идет прямо в палатку. Я отступаю в сторону от входа. Он заходит, и мы обнимаемся. Я чувствую знакомый запах всех ребят-однополчан.

* * *

Поднявшись наверх холма, я ускоряю шаг. Палатка канцелярии штаба стоит рядом с крутым обрывом. Вход в нее – со стороны солнца, и клапан входа откинут. Двое стоят возле палатки и разговаривают с кем-то внутри нее.

— ...Сколько дней идет?

— Сегодня вечером отправим... Дойдет послезавтра.

— Тогда давай две напишем.

Тот, кто внутри палатки, дает стоящим рядом с ней два листка бумаги. На них что-то написано сверху, и я, приглядевшись, читаю: «Телеграмма “салавати”»¹.

— Слушаю вас.

Это он говорит мне, и я отдаю ему мое направление на фронт. Взяв его, он продолжает говорить тем двоим:

— Не больше тридцати слов. Если больше, то не возьмут.

Взглянув на мой листок, он мне его возвращает:

— Батальон укомплектован, больше никого не берем.

¹ В годы Ирано-иракской войны многие бытовые услуги в тылу, предназначенные для фронта (пошив военной формы, ремонт боевой техники, производство продовольствия и т.п.), оказывались не за деньги, а за прочтение благодарственной молитвы — салавата. Таким образом люди, по разным причинам не имевшие возможности непосредственно участвовать в боевых действиях, старались оказать посильную помощь сражающимся на передовой.

И, не дожидаясь моего ответа, он идет к зарядному ящику оливкового цвета, полному бумаг и деловых папок.

— Брат, я из числа старых бойцов батальона, — говорю я ему.

Он раздраженно оборачивается.

— Я из ребят роты «Гейс»...

У него сильно выпирают и живот, и ягодицы, что делает его фигуру необычной.

— Приказ батальона не брать больше людей. Приказ командования.

Он указывает мне на другую палатку:

— Вон их палатка, обратись к ним, если разрешат, приходи.

Я выхожу из палатки. И вдруг мне захотелось вернуться и добавить что-нибудь. И я возвращаюсь. Он поднимает голову от бумаг и вопросительно смотрит.

— Ты из новеньких, недавно в батальоне? — спрашиваю я. Невольно мой тон изменился.

— То есть как? А в чем дело?

Он уже смотрит на меня как на врага.

— Да ничего, просто я раньше вас не видел. Думаю, ты из тех, что были призваны во время «шестимесячной принудительной мобилизации».

Я намеренно сделал ударение на слове «принудительной».

— А в чем вопрос твой? — он идет ко мне, поправляя португепю, но я не стал разъяснять ему суть вопроса. Вышел из палатки и направился к той, которую он мне указал.

Рядом с ней стоит красный спортивный мотоцикл. Я окликаю: есть ли кто в палатке, и мне отвечают, что есть.

— Заходите!

Но я жду снаружи, пока кто-нибудь выглянет. Клапан отодвигается, и я вижу лицо Гасема, батальонного связного. Удивленно уставившись на меня, он выходит из палатки.

— Ты когда приехал?

Мы с ним обнимаемся.

— Утром, сегодня утром... А Хадж-Носрат на месте?

Гасем одет как курсант военного училища, портупая плотно облегает его талию, что делает его еще стройнее. Отглаженные брюки и гетры, средний рост и спортивная фигура... Он меня всего-то на пару лет старше.

— На месте, — отвечает. — Заходи, сейчас скажу ему.

Он уходит в палатку, и вскоре я слышу голос Хадж-Носрата, зовущего меня войти. Пригнувшись, Гасем опять выходит наружу и, взяв меня за руку, втаскивает внутрь.

— До чего умные все стали, — шутливо говорит мне Хадж-Носрат. — Прибывают впритык к боевым действиям!

Я отдаю ему свой командировочный листок, и он, продолжая сидеть, читает его и что-то пишет на обороте. Он среднего роста, широкоплеч, у него смуглое от солнца худощавое лицо и прямые черные волосы, спадающие на лоб.

— Я был в палатке кадров, сказали, больше никого не берем...

Как ни напрягаюсь, я ничего не могу придумать, что бы добавить к этому. Он смотрит на меня искоса и спрашивает:

— В какую роту хочешь?

Я заставляю себя улыбнуться:

— В свою старую роту, конечно!

Он возвращает мне листок со словами:

— Ты поздновато прибыл, в следующий раз поторопись!

Я выхожу из палатки и вновь возвращаюсь к кадровику, который с недовольным видом берет мой листок. Португепя так перетянула его телеса, что он похож на слегка сдувшийся воздушный шарик.

— Рота «Гейс»! – говорит он мне и больше не тратит на меня ни секунды.

Я выхожу из палатки. Холодный ветер треплет мои волосы в одну сторону и в другую. Иду к палаткам нашей роты. В лагере – оживление. Играют в мяч, и их хохот и громкие крики будоражат всех. Одна рота выстроена на плацу, и командир стоит сбоку. По его команде они все приседают, встают, бросаются ничком на землю. Потом он указывает им на палатку хусейние и кричит. И вся рота, рассыпав строй, бежит изо всех сил к этой палатке. Каждый старается обогнать другого. Один падает, и бегущие сбиваются в кучу, чтобы на него не наступить. Поднявшись, он, хромя, догоняет их. Вот все добежали до палатки и, коснувшись ее рукой, так же, на полной скорости, мчатся обратно. Когда они вернулись на исходную черту, тот, кто упал, еще только добежал до палатки.

— Н-ну к-как? Как т-твои д-дела?

Меня окликает Мирза и уже поднимает руку вверх в знак моей победы. Потом он заглядывает в палатку и кому-то говорит обо мне. Выходит Али – босиком. Не дожидаясь его вопроса, я отвечаю:

— Направлен в нашу роту.

— Давай бегом отнеси направление в штаб роты и назад, — говорит мне Али. — Ребята в футбол собрались играть, мы тебя берем в нашу команду. Давай скорее!

Я тороплюсь в штаб роты. Обходя сзади палатку второго взвода, я вижу Хусейна – он сидит на земле и мажет ботинки гуталином. Красный шрам его блестит.

— Салам, Хусейн-ага!

Он встает, и мы с ним целуемся.

— Я слышал, что ты приехал, — говорит он. — Я ждал тебя.

Из-за ранения его рот не открывается как следует, и поэтому речь кажется какой-то жеваной.

— До полудня вы были на марш-броске, — отвечаю я. — А потом я был в первом взводе. Сейчас только в кадрах был.

— Предписание дали тебе? — спрашивает он.

— Да, меня приписали к роте.

Он ставит на землю ботинки.

— Зайдем в палатку.

— Да ты закончи свою работу, Хусейн-ага! – говорю я ему громко.

Но он уже откинул входной клапан.

— Заходи.

Я захожу вслед за ним и спрашиваю:

— А что, никого нет?

Обернувшись, он приставляет ладонь к уху и, нагнув голову, переспрашивает:

— А?

— Где ребята? – повторяю я. – В палатке никого нет.

Он достает из патронного ящика печенье и объясняет:

— Ушли все. Садись.

Он стелит на пол одеяло и взглядом предлагает мне сесть. Я сажусь. Наливает воды в кружку и макает в нее печенье, жует его. Предлагает и мне угоститься. Челюсть его плохо работает.

— Задержался ты, — замечает он, и от этих слов меня бросает в краску.

— Я сдавал экзамены, — отвечаю.

Он вновь указывает на печенье:

— Все сдал?

— Нет, еще оставалось три экзамена, — отвечаю я, — когда Али меня увез.

Я ожидал, что он скажет: надо, мол, было остаться, досдать до конца, но вместо этого он заявляет:

— Ты правильно сделал, что приехал.

Я вздрагиваю. Потом, набравшись духа, спрашиваю:

— А что, дело близко?

Он не отвечает. Я настаиваю:

— Так близко, что я и три экзамена досдать бы не успел?

Он загадочно улыбается и говорит:

— Похоже на то! Теперь скажи, в какой взвод ты хочешь?

— В первый, конечно.

Указав мне на печенье, он говорит:

— Абулфазл стал командиром второго взвода. Ты об этом знаешь. Сколько бы я ребятам ни говорил перейти к нему – не соглашаются. Дело близко, а Абулфазл один. Недавно приходил сюда, он слышал, что ты приехал. Просил послать тебя к нему.

Ядовито улыбнувшись, я перебиваю его:

— Никто из ребят не согласился, и теперь ты сам говоришь, что дело близко, и я к нему пойду, не зная никого из его ребят?

Он принужденно улыбается и продолжает:

— Это ничего. Абулфазлу не хватает гранатометчика, ты это возьмешь на себя.

Я опускаю голову. Он макает в воду новую печенинку и жует ее. Спрашивает:

— Значит, согласен?

— Это принудительно? – спрашиваю я. Хочу его загнать в угол. Он отвечает:

— Твоя работа в его взводе будет полезной.

Не знаю, почему у меня не хватает мужества прямо сказать ему, что я отказываюсь. Я весь горю. Я ждал, что буду вместе с ребятами: с Мехди, Масудом, Мирзой и Али. А теперь всё это рушится. Я встаю. Он настаивает:

— Так ты согласен?

Я молча сую ему руку и выхожу из палатки.

— Он один там, — продолжает Хусейн. – Ты можешь ему.

Я ухожу, не отвечая, но он хватается меня за рукав.

— Так пойдешь к нему?

Я не отвечаю, и он говорит:

— Ну, дело твое. Иди в первый взвод и скажи Мехди, чтобы добавил тебя в список.

Я так раздражен, что даже эти слова меня не успокаивают. Плетусь к палатке первого взвода. Солнце на миг выглядывает из плотных серых облаков: после полудня небо затянуло. То тень накроет землю, то солнце проглянет – никакого сходства с великолепием утреннего небосвода. Даже дождик накрапывает. Взводные колонны одна за другой уходят для занятий в холмы и овраги. Из-за палатки первого взвода слышны громкие крики: играют в футбол. Командир взвода Мехди сидит на камне, и с его мягкой каштановой бородки течет пот. Волосы на лбу всклокочены. Увидев меня, движением головы спрашивает, как дела. Я подхожу и без всякого выражения объявляю:

— Направлен в первый взвод.

Он улыбается, и на щеках появляются мокрые складки. На поле Мирза неуклюже бросается туда-сюда за мячом, а, увидев меня, забывает про мяч. Подбегает к незнакомому мне вратарю и кричит ему:

— П-покинь по-поле! Наш иг-грок п-пришел.
Ура!

Мехди говорит мне:

— Входи в игру.

Я выхожу на поле, и Мирза громко кричит:

— Н-нач-чинаем иг-грать за-заново!

* * *

Мехди окликает меня. Я говорю Мирзе:

— Поставь кого-нибудь вместо меня.

Рукавом вытираю пот со лба. Мехди говорит мне:

— Зайдем в палатку.

Когда я вхожу в палатку, несколько человек, незнакомых мне, смотрят на меня с любопытством. Один из них сидит прямо перед входом и зашивает дыру в гимнастерке; он улыбнулся мне с выражением, показавшимся мне бессмысленным. Он совсем маленького роста; кажется, ему не больше шестнадцати. Лицо круглое, лунного цвета. Большинство ребят ушли играть в футбол, и в палатке почти пусто. На керосиновой печке – большой чайник. Масуд, с засученными рукавами, выставляет на большой поднос пластмассовые красные кружки. Мы садимся в углу палатки, и Мехди достает свою красную тетрадь. В ней записаны имена всех ребят, и он спрашивает меня:

— Кем мы тебя запишем?

— Без разницы, — отвечаю я. — Тем, кто больше нужен взводу.

Я обеими ладонями вытираю с лица пот. Вяло улыбаясь, Мехди говорит:

— Будешь в мобильном резерве. Хусейн сказал, во время наступления ты ему понадобишься.

Я резко спрашиваю:

— Он сказал тебе, что посылает меня в первый взвод?

— Сказал так: если согласишься, пошлет тебя к Абулфазлу, если нет – то в первый взвод.

Меня зло берет от того, как он говорит со мной. Мне кажется, что меня обманывают. Мехди говорит луноликому пареньку, сидящему у входа:

— Пойди посмотри: есть ли кто в оружейной палатке батальона? Если есть, скажи: Насер-ага придет получать оружие. Скажи, чтобы ему выдали складной «калашников».

Паренек быстро собирает свое шитье и подходит ко мне, с милой улыбкой говорит мне:

— Салам!

Суетливость его движений рассмешила меня, но я не подал вида. Мы жмем друг другу руки, и он говорит:

— Пойду, посмотрю, есть там кто-нибудь или нет.

Зачем он это сказал, я не понимаю. Он выскакивает из палатки наружу, а Мехди кричит ему вдогонку:

— Расул... Расул!

Возвращается.

— Скажи, чтобы и штык ему выдали.

Паренек, – а я теперь знаю, что его зовут Расул, – кивает, и вот мы слышим топот его ног: он убегает. Масуд наливает чай в кружки и приносит нам поднос. Густой пар поднимается и курится в воздухе, потом исчезает. Масуд говорит:

— Аллах Всемогущий, ты только посмотри! Я и Мирза дневалим, но я ему приношу чай. А отказать духу не хватает – чувствую, он такое со мной сделает...

Со смехом я поднимаю руку и провозглашаю:

— Бойся гнева Мирзы!

Мы берем чай, и Масуд уходит. Мехди начинает говорить со мной о ребятах и об экзаменах, и тут является запыхавшийся Расул.

— Они на... на месте. Идите скорее... Получайте! Я сказал им, чтобы вам выдали лучшее оружие. Скорее идите, а то как бы...

— Он сам знает, что делать, а ты лучше иди-ка сюда!

Я оглядываюсь и вижу мужчину в годах, который подзывает Расула. Мужчина улыбается мне с каким-то непонятным значением. Мехди говорит:

— Вставай, иди, получай.

Он выходит со мной из палатки. Расул тоже сопровождает нас, торопливо и озабоченно объясняет:

— Я им сказал приготовить оружейную ведомость для вас. Всё вам выдадут... В общем, если хотите, я с вами пойду...

— Он сам всё знает! — Мехди, улыбаясь, прерывает Расула, потом добавляет для меня: — Иди, получай!

Мирза еще на футбольной поле. Те, которые не играют, сидят вокруг подноса. Я иду к оружейной палатке. Получаю автомат и расписываюсь в ведомости, получаю и всё остальное. Когда возвращаюсь, уже все сидят вокруг подноса. Али машет мне издали рукой, потом берет с земли камень и бросает в меня — я уворачиваюсь.

— Ах ты наемник американский — мобильный резерв!

Я выхватываю штык из ножен и бросаюсь на Али. Расул аж подпрыгивает от радости. И ребята

смеются. А Али держит в руках чашку с чаем, но с места не двигается. Но когда видит, что я действительно целю штыком ему в живот, вдруг выплескивает в мою сторону чай и бежит. Мирза, сам не свой, кричит:

— П-прикончи его в жив-вот! К-клянусь п-праведным Аб-басом, я б-беру на с-себя г-грех!

Остановившись, я говорю:

— Видал, Ага-Мирза, видал, как твой друг драпает?

Он смотрит мне в глаза и отвечает:

— Во-во им-мя Аллаха – слав-ва тебе!

Я понятия не имею, почему Расул в таком восторге. Он одет в бушлат, а его лицо кажется мне сейчас возмужавшим. Ребята идут в сторону палатки, Мирза говорит Масуду:

— Бу-будь до-добр, за-захвати п-поднос!

Мехди отводит меня за палатку, но Расул забегают вперед и встает на моем пути.

— Дайте ваши вещи, я отнесу в палатку!

И прежде, чем я успел что-то сказать, он уже стащил у меня с плеча автомат.

— Я иду в палатку. Дайте, дайте, пожалуйста, я отнесу. Вы, куда хотите, уходите, приходите... Дайте мне! Кстати, я получил для вас спальный мешок, так хорошо всё вышло. Каптенармус не хотел давать, говорит: сам должен прийти расписаться. Но я у них силой вырвал. Говорю: он позже придет, распишется. Так хорошо всё вышло...

Я смотрю на него оценивающе, с благодарностью. Улыбка на его губах кажется невинной, как у ребенка. А зеленые его глаза словно вобрали

в себя всю зелень лагеря. Ни волоска не растет на его лице.

— Большое спасибо, — говорю ему. — Да не оскудеет рука твоя. Потрудиться тебе пришлось!

— Какой тут труд — всё так хорошо вышло. А вот одеял у нас не хватает. Не то, что их вообще не хватает, но они выдают всем спальные мешки. Тут дело в том — я вообще-то не взводный снабженец, — но когда я увидел...

Мехди тянет к нему руку, чтобы попрощаться с ним, остановить его многословие. И мне становится смешно.

— Расул, дружище, остальное потом ему расскажешь, хорошо?

— Хорошо, я и место вам занял, место ваше около моего...

— До свиданья, — Мехди хлопает его по плечу.

— Хорошо, ухожу, ухожу, — говорит Расул...

Он суетливо, в своей манере, бежит в палатку.

— Видишь как! — улыбается Мехди.

— Новенький? — спрашиваю я.

Мехди нагибается и, подняв камень, бесцельно бросает его вдаль. Мы садимся позади палатки на земляном холмике. Тот склон, на вершине которого стоит лагерь, уходит перед нами вниз. Мехди негромко рассказывает:

— Знаешь, два его брата стали шахидами. Когда он пришел в батальон, его отправили помогать каптенармусу. Несколько дней там пробыл и всех утомил. Говорит, я хочу в одну из рот, хочу в бой, а здесь в бой не попаду. До того суетился, что там

его не выдержали. Видишь, какой язык у него! Прислали в наш взвод. Договоренность такая, что в бой его не возьмем. Но, в любом случае, он уже во взводе. И мы сделали его помощником пулеметчика. С его излишней расторопностью – пусть при пулеметчике будет, вот при том мужчине в годах. Он самый старший во взводе: за тридцать уже.

Холодный ветер крутится, треплет кустики и траву, стихает.

— Начнется скоро. Сегодня сказали: всё готовить...

Вдали машина едет словно бы прямо в небо, похожее на оранжевого цвета занавеску. За ней вьется золотой шлейф пыли. Я обхватываю сам себя за плечи: холодно.

— Вставай. Вставай, пойдем в палатку.

Я встаю, и мы вместе входим в палатку. Расул ставит на керосиновую печку большой чайник, но, увидев меня, подбегает:

— Вон оно, ваше место, вон тут. Я и для оружия сделал из телефонного провода, на чем повесить. Вот, к палаточной распорке – так хорошо вышло! И получил для вас бушлат, вот он, примерьте, пожалуйста. Думаю, это ваш размер, если маловат, сбегаю поменяю. Вы только потом сходите туда, распишитесь. Не сегодня, завтра. Сначала-то не соглашались, говорили: пусть завтра сам придет, распишется. Но я говорю им: холодно! И потом, видите ли, они меня знают. Я у них работал, у каптенармуса. Говорю: холодно, он простудится, не годится в такую погоду...

Улучив момент, я вклиниваюсь в его слова:

— Большое спасибо. Мне прямо неловко – я бы сам сходил, получил...

Как я ни напрягаюсь в попытке придумать, что сказать, как остановить поток его слов – ничего не нахожу. В душе я уже проклиная себя за неудачливость, за то, что связался с этим Расулом – как вдруг его окликают.

— Расул! Иди-ка сюда на минутку.

Это тот же человек, который однажды уже спас меня от Расула. Мужчина в годах с тяжело-ватой фигурой и загорелым лицом. Он улыбается мне улыбкой, смысла которой я не понимаю.

— Иду, Ага-Абдулла, сейчас иду.

— Говорю тебе: подойди, парень.

Зажигают фонари и вешают под крышу палатки. Прежде чем говорливый паренек вновь утопит меня в своем многословии, я выхожу наружу. Небо стало пепельно-серым, и из громкоговорителей звучит вечерний азан. Кто-то окликает меня из палатки, оглядываюсь и вижу Расула. Ругаю сам себя, что опять попался ему, а он уже подбегает.

Умоляюще говорю ему:

— Будь добр, Расул...

Он протягивает мне бушлат.

— Я бушлат вам принес. Очень ведь холодно! —

Он красиво улыбается, и я отвечаю:

— Да не оскудеет рука твоя.

С чувством неловкости я беру у него бушлат и накидываю на плечи. Иду в сторону умывальника.

* * *

Утром – построение. Я вижу всех старых знакомых. Мне стыдно смотреть в глаза Абулфазлу, но он делает вид, что всё в порядке. Затем у нас бег и спортивные занятия. Когда возвращаемся, я в палатке вываливаю всё мое снаряжение и начинаю готовить его к походу. Подсумок для автоматных магазинов, подсумок для гранат, штык, фляга и портупея с ее ремнями. Я застегиваю пояс портупеи с прицепленными к нему наплечными ремнями, но они перепутались, и Расул спешит мне на помощь.

— Разрешите, я поправлю! Вот так, вот так хорошо...

Я прицепляю к поясу остальную амуницию. Расул, не обращая внимания на мое недовольство, переделывает всё по-своему:

— ...Нет-нет, так нехорошо. Фляга тут не должна быть – вы всё время будете рукой цепляться. И-и!.. А штык зачем сюда прицепили? Отцепите, отцепите, вот ему где место. Ага, теперь хорошо.

Я настолько изумлен его действиями, что даже не спорю. Да он и не слушает меня:

— Теперь хорошо, проченько всё. Только думаю, что, когда будете садиться, штык вам в бок воткнется. Сядьте-ка, присядьте! Штык чуть-чуть назад сдвинуть и закрепить. Ага, вот тут оставьте. Вот теперь хорошо. Присядьте-ка! Готово.

Он смотрит на меня победно, и глаза его радостно сияют.

— Теперь снимите амуницию и положите сюда. Амуницию сверху на автомат. На случай ночной тревоги у вас всё под рукой. Ага. Как хорошо получилось!

На миг взглянув по сторонам, я замечаю, что все в палатке наблюдают за нами. Мне стыдно. Тот самый мужчина, который уже спасал меня от Расула, говорит мне:

— Вот он какой, Расул!

— Да, вот он какой! – невольно поддакиваю я.

Я присел рядом с этим мужчиной, и он говорит:

— Расул к вам аж прикипел душой.

А Расул отвечает, да так, что всё тело его держится в такт его словам:

— Но ведь господин Мехди предупреждал, что вы приедете. Так хвалил вас! Видите же, какая ситуация, я на фронте раньше не был. Но очень хочу в бой. Видите ли, Ага-Абдулла, у меня ведь два брата были на фронте, и вот, в один и тот же...

Абдулла чешет свою редкую жесткую бороду, улыбается мне и смотрит на Расула. Взгляд его таков, словно он глядит на собственного ребенка. Я не знаю, есть ли у него дети, но в таком возрасте, видимо, должны быть.

* * *

— И-и... вставай же! Насер-ага... Вставай!

Кто-то меня сильно толкнул. Открыв глаза, я вижу какой-то свет, бросающий на потолок палатки странные, причудливые тени. Проходят мгновения, прежде чем я вспоминаю, где я, и понимаю, что это свет фонаря, горящего в палатке.

— Насер, вставай! Насер-ага...

Я поворачиваюсь. Расул склонился надо мной и трясет меня за плечи.

— Вставай, вставай! Готовься, сейчас будет ночная тревога.

Потом Расул поворачивается в другую сторону и возмущенно восклицает:

— И-и... Ага-Абдулла, ты опять заснул!

Абдулла спрятал было голову в спальный мешок, но поднимает ее и отвечает:

— Нет Бога, кроме Аллаха! Парень, ляг ты поспи!

Слышны чьи-то шаги. Расул запрыгивает в свой спальный мешок и накрывается с головой. Я спокойно поворачиваю голову и вижу, что одеяло, которым завешен вход в палатку, отодвигается. Полуприкрыв веки, я смотрю, как в палатку входит Мехди. Он в полном снаряжении и с автоматом в руке. Я затаил дыхание, а Расул вдруг закашлял. Мехди тихо подходит и наклоняется над ним. Расул поворачивается и выдает сам себя. Наверняка Мехди понял, что он не спит. Тихо повернувшись, Мехди выходит из палатки, а Расул шепчет мне:

— Я же говорил!

Я хочу спросить его, как ему не стыдно, и вдруг раздается гром небольшого взрыва, а затем крышу палатки освещает зеленый свет. Мехди просунул в палатку голову, хотя автомата его не видно. Он кричит:

— Подъем! Подъем! Выходи строиться! Подъем!

Вдруг отовсюду слышатся выстрелы и взрывы. Вся палатка в смятении. Мы вскакиваем и неловко хватаем оружие и амуницию. Расул возбужденно подскакивает на одном месте. Вдруг палатку освещает оранжевый свет, и яркий его сноп врывается внутрь через прорезь входа. Все пригибаются.

— Бегом выходи из палатки! Бегом выходи строиться!

Я надел на себя снаряжение, но автомат зацепился за телефонный провод, и я рву его с силой. Расул дрожащим голосом восклицает:

— Пойдем! Пойдем наружу...

Голос его едва слышен в грохоте взрывов. В ужасе, широко распахнутыми глазами Расул смотрит на выход из палатки. Я прослеживаю за его взглядом и вижу, как Абдулла, пригнувшись, выскакивает наружу.

— Идем... Вперед! – кричу я.

По барабанным перепонкам бьет взрывная волна. Мы все падаем на пол, а по крыше палатки стучат камни и комья земли. Огонь фонаря замигал и погас. В наступившей тьме я уже не вижу Расула. Я нахожу освещенный выход из палатки и выбираюсь наружу, держа в руках ботинки.

Красные стрелы пуль прошивают лагерь во всех направлениях. Мы строимся, каждый находит свое место. Я встаю в конец строя. Очереди стихли, но отдельные выстрелы еще слышны. Кто-то подбегает к нам – судя по топоту, это Асгар. Если бы даже мне завязали глаза, я бы узнал топот его длинных ног. Он что-то говорит Мехди и убегает. Мехди командует начать движение. Мы маршируем вперед, присоединяемся к другим взводам. Холод пронизывает. Хусейн командует «сесть», и мы все, в том же строю, садимся на корточки. Но от холода не усидеть неподвижно, и мы ерзаем и толкаем друг друга. У соседа сбоку, которого я не знаю, я жестом спрашиваю время. Он шепчет мне на ухо:

— Час двадцать...

Хусейн, встав перед нами, инструктирует нас. Напоминает, какие правила нужно соблюдать в ночном марше: идти верблюжьим шагом, переставляя ноги по очереди; кашляя, закрывать рот рукой; плотно подогнать оружие и амуницию, чтобы не звенели. При движении в колонне соблюдать дистанцию от впереди идущего.

Мы выступаем дальше колонной; все три взвода один позади другого. Цепочка наша в темноте сильно растянулась, и идем мы медленно. Впереди идущий тихо говорит мне:

— Дистанция метр... Передай дальше.

Я оборачиваюсь и говорю это следующему за мной.

* * *

Мой лоб покрылся холодным потом. Чувствую, что исхлестанные ветром уши покраснели. Трุษки, но теплее не становится. Мы идем вдоль реки Керхе. Отражение луны в ней раздробилось на тысячу осколков.

— Садись!..

Колонна садится, словно пригибаемая ветром. Тот, кто за мной, тихо спрашивает:

— Мы рядом с кладбищем? А?

Я проворачиваюсь к нему и, прикрыв рот рукой, тихо отвечаю:

— Да.

Это кладбище вражеских солдат, похороненных здесь раньше. Могилы рассыпаны без всякого порядка: сотни холмиков с именами сотен убитых.

— Встать!

Мы встаем, и колонна движется, и входит прямо на кладбище. Впереди, в свете месяца, мы видим чернеющие могильные всхолмления.

— Садись!

Мы садимся. Не знаю, зачем нам так часто командуют «встать» — «садись». Слышен голос Хусейна. Он стоит на одной из могил и обращается к нам. Пахнувший камфарой ветер уносит в степь его слова.

— Сейчас примерно два часа тридцать минут. Этой ночью мы выдвинулись в степь, чтобы вы здесь отдохнули. Сейчас всем взводам здесь отдыхать до утра!

Кто-то, невидимый в темноте, с удивлением спрашивает:

— На кладбище?

Не знаю, почему мы должны спать именно здесь, среди мертвецов. Мне страшно. Мехди командует:

— Первый взвод – встать!

Следом за ним такую же команду отдают командиры двух других взводов. Мы поднимаемся и маршируем немного вперед. Мехди отделяет наш взвод от других и указывает нам место на кладбище. Крутится и посвистывает холодный ветер. Рядом со мной – Расул и Абдулла. Я ложусь, прижавшись к могильному холмику, чтобы ветер меньше доставал меня. Расул – по другую сторону могилы, но он приподнимается над холмиком и зовет меня:

— Насер! Насер-ага! Там, под землей – мертвые?

— Ну да, а что? – обеими руками я тру уши, чтобы согреть их.

— Но зачем... Почему их тут похоронили?

— Эти места были в руках врага, было их наступление, и они тут устроили кладбище для своих.

Слышны шаги и окрик:

— Зачем вместе собрались? Разделиться!

Это Мехди – он распоряжается уверенно. Расул сползает с могильного холмика и свертывается в клубок на той стороне. Но вскоре я слышу оттуда перешептывание, а затем новое замечание:

— Не разговаривать никому! Тихо!

Я кладу голову на могилу: это жесткая подушка. Обнимаю сам себя за плечи...

— Ага-Абдулла, мы тут до утра будем?

— Да, парень. Спи давай.

— Но ведь...

— Не шуметь! Кто там разговаривает?

— Но правда, правда, там, под землей – мертвые?

— Тс-с-с!

Я слышу, как кто-то ползет. Это Расул. Опять он выглядывает из-за могилы. Но я игнорирую его. Ветер посвистывает и как бы протяжно стонет.

— Страшно!

Нас разделяет лишь земля; кладбищенская земля... Всё стихло. Тысячи тысяч звезд помаргивают на небе, словно осуждают нас и смеются над нами. И я бормочу, обращаясь к этим звездам: «Сами вы сумасшедшие!»

Слышны чьи-то шаги.

— Кто идет? Ты куда?

— Я в туалет!

— Иди, только не очень далеко.

Шаги удаляются. Вдали начинают лаять собаки.

Расул поднимает голову и спрашивает:

— Это волки?

— Собаки, — отвечаю ему. — Наверное, местных, тех, что недалеко отсюда живут.

— Тс-с-с! Кто там разговаривает?

Собаки с лаем приближаются. Тот, кто ходил в туалет, возвращается бегом. По его топоту ясно, что он напуган. Потом слышен звук падения на землю и стон.

— А!.. Ах!

Абдулла сбоку произносит:

— Грохнулся, бедолага!

Какие-то тени движутся в его сторону.

— Ах!.. А!..

Что-то опять падает, и слышен визг, похожий на зов о помощи.

— Помогите! Помо... Умоляю...

Парень, видно, здорово напугался. По его крикам о помощи я могу представить себе выражение его лица. К нему подбегают, поднимают его и несут. А Расул дышит так громко и сильно, что до меня с той стороны могилы доносится звук его дыхания.

Голоса затихают. Никаких движущихся теней больше не видно, кроме одной: вероятно, это кто-то из командиров. Но лай собак становится громче. Похоже, две своры грызутся. Иногда вдобавок к лаю слышен громкий и протяжный визг. Мне холодно, и я свертываюсь в калачик, обхватив колени.

Я стараюсь поудобнее прислонить голову к могиле и заставляю себя заснуть хоть ненадолго. Слышится возня Расула. Я прижимаю голову к камням, обхватив себя за ноги, и постепенно согреваюсь от собственного дыхания. Чувствую, что засыпаю. И визг собак постепенно отдалается.

Что-то шуршит у меня над головой. Я поднимаю голову: Расул зовет меня. Я отклоняю голову назад, чтобы видеть его. Он ползет ко мне через могилу, причем я ясно слышу стук его зубов. А из горла его выходит нечленораздельный звук.

— Что? Что ты, Расул? – спрашиваю я.

Опираясь на могилу, он едва выговаривает:

— Стра-стра-страшно...

Что-то словно вцепилось ему в горло и не дает говорить. Я резко сажусь – хочу обнять его за плечи, как вдруг он падает куда-то вниз. Могила обвалилась, и Расул с криком упал в нее. Был – и не стало! Передо мной вдруг разверзлась яма, за край которой я хватаюсь рукой и заглядываю туда, вниз. И ничего не вижу, кроме двух светящихся точек, похожих на глаза испуганного кота, сверкающие в темное.

— А-а-а...

— Расул! Расул...

Абдулла приподнимается со своего места:

— Что случилось?

— Расул упал туда... Туда, в могилу.

Кто-то к нам подбегает с фонариком.

— Что происходит?

— Человек упал туда.

Он светит фонариком в яму. Лицо Расула оживает. Но оно такое бледное, словно покрыто известкой. Будто лицо мертвеца. Рот его полуоткрыт, а глаза невероятно выпучены. Руками он закрывает лицо, а рядом с его головой виден череп покойника.

— Давай руку! – говорю я, но он только смотрит без всякой реакции.

— Расул! Расул, давай руку!

Вдруг его сотрясает дрожь, и зубы начинают клцать.

— Ва-а-ай...

Опираясь на край ямы, я сползаю в нее. Под ногой у меня хрустят покойничьи зубы – звук отвратительный! Я хватаю Расула за руку, но всё его тело как судорога свела. Он дрожит, словно больной в лихорадке. Я беру его под мышки, и он пытается достать рукой до поверхности земли. Но рука его натывается на истлевшую кость, видимо, бедренную. Словно током ударенный, он отшатывается, но я опять пытаюсь поднять его. Фонари светят нам прямо в лица. Челюсти Расула сведены. Мы слышим голос Абдуллы:

— Да что там такое?

Наконец, несколько рук подхватывают Расула и вытаскивают наверх. Опять фонарик светит в могилу, и я вижу, что кости скелета совершенно перемешались. Поскорее выскочив наверх, я беру Расула за плечи и трясую:

— Да что с тобой? Ничего страшного ведь!

Он падает головой мне на плечо, и я усаживаю его поудобнее.

— Ничего страшного, подумаешь...

Подходит встревоженный Мехди:

— Что тут у вас?

— Не знаю. Я лежал, он позвал меня. Я встаю, а под ногами яма.

Расул разрыдался – его прорвало. Давит головой мне на плечо, а от слез оно стало мокрым.

— Да ничего страшного!

Я отрываю его от себя, держу его за руку. Но он вновь пытается прилепиться ко мне. Несколько человек собралось вокруг.

— Расходитесь все по местам! – командует Мехди. — По местам!

— Кто-то... Кто-то из могилы... Из могилы поднялся... — лепечет Расул. — Я так испугался... Звал вас, но вы не отвечали. Перепугался совсем – так страшно было! Голова его – ну прямо как...

— Всё в порядке, — отвечаю я. — Тебе сон приснился.

Я подтаскиваю его туда, где лежит Абдулла. Сажаю Расула так, чтобы он опирался спиной о могильный холмик. Он в ужасе смотрит на эту новую могилу. Абдулла всовывает ему в руку горсть изюма:

— Поешь... Поешь.

Расул бросает изюм в рот и с жадностью жует. Состояние его необычно. Вторую горсть изюма он жует медленнее. Абдулла ложится. Вдали опять грызутся собаки, а небо у горизонта начинает светлеть. Кто-то, стоя на высоком могильном холме, запекает утренний азан.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С земли поднимается дым цвета молока. Я пробегаю мимо насыпи, которая тянется вдаль до бесконечности. Передо мной бежит Али, и он весь в крови. Я кричу:

— Али, стой!.. Стой, Али!

Он останавливается и оборачивается, и смотрит на меня расширенными глазами. Лицо его красное-красное – цвета крови. И вдруг я понимаю, что лицо его не совсем красное: его лицо залила кровь, и теперь она свернулась. Не веря тому, что вижу, я бормочу:

— Али!

И, как только это слово слетело с моих губ, черты его лица рассыпаются, и кровь летит к небу. Руки его отделяются от тела, а тело рушится, превращаясь в очень мелкие частички. Одни кусочки летят к небу, другие падают на землю в кучу. Я оцепенел от страха. Мне кажется, что этот ужас меня убьет. И в уши мне бьет звук взрыва. Кто-то позади зовет меня. Это Али. Я хочу повернуться и убедиться: действительно ли это Али? И не могу. Боюсь. Мое тело не подчиняется мне. Рука берет меня за плечо, и сердце мое едва не разрывается. Рука толкает меня, и звучит мое имя. Я кричу во всю глотку...

Я просыпаюсь. Весь дрожу, а мое лицо мокро от пота. Хватаюсь за отвороты спального мешка и пытаюсь натянуть его на себя. Оглядываюсь вокруг. Надо мной в кошачьей позе сидит Расул и смотрит на меня во все глаза. Возбужденно дрожащим голосом сообщает:

— Мехди... Мехди-ага говорит, срочно к нему идите, дело к вам есть...

Страх заставляет меня прервать его:

— Где Али?

— Вон он, — Расул показывает в конец палатки. — Спит. Не проснулся еще... Вставайте, Мехди-ага сказал, срочно к нему. Как хорошо всё, грузовики...

Я сажусь. Всё тело в поту, а сердце всё еще колотится.

— Грузовики приехали... Три автобуса приехали! Мы уезжаем. Уезжаем отсюда...

Звон его голоса, словно рашпилем, дерет мои нервы.

— Где это? — спрашиваю я.

— Что? — переспрашивает он и всплескивает руками. — Грузовики?.. Там у палатки каптенармуса. Ага-Мирза и Ага-Абдулла тоже пошли сдавать вещи. Спальники свои...

Его многословие выводит меня из себя. Я раздражен, непонятно, чем, и во рту горечь.

— Не знаешь, что у него за дело ко мне?

— Думаю, и вас хочет отправить, — отвечает Расул. — Ведь знаете же, дело в том...

Хлопнув его по плечу, я останавливаю его:

— Беги скажи, что я иду.

Одним прыжком он покидает палатку. Я вылезаю из спальника. Мне не по себе, и всё тело словно избито. Холодно. Надеваю бушлат, скатываю и завязываю спальник и выхожу из палатки. Холодный ветер хлещет в лицо. Небо затянуто плотными тучами, и похоже, что пойдет очень сильный дождь. Дождь того типа, от которых сходят сели и которыми всё заливают и смывают прочь. Я вижу Мехди и Масуда. Масуд, склонив шею, умоляет о чем-то. Ветер доносит обрывки его слов:

— ...Я еду... лагерь... Прошу тебя...

Мехди, увидев меня, вяло улыбается. Ветер треплет его челку. Я подхожу, и он берет мою руку и объявляет:

— Выдвигаемся в тактический лагерь.

Он говорит это без всяких пояснений, видимо, желая смутить меня. Но я не смущаюсь, а безразличным тоном спрашиваю:

— Когда?

— Вы едете сейчас, — отвечает он удивленно. — С Абдуллой, Али и Мирзой. Поставите палатку, а батальон снимется после наступления сумерек.

Я не могу удержать зевок, потом спрашиваю:

— А этот тактический лагерь где вообще?

— Потом поймешь! — отвечает он. — Иди собирай вещи и сдавай каптенармусу. Только необходимое возьми с собой. Сюда больше не вернемся.

Масуд, который всё время молчал, добавляет:

— Да и я ведь с ними поеду.

Я делаю шаг в сторону палатки, и Мехди спрашивает меня вдогонку:

— Ты что такой? Что случилось?

— Только что проснулся, и всё, — отвечаю я.

Я возвращаюсь в палатку и вижу, что ребята еще спят. Открываю рюкзак, а Расул присаживается рядом. Всё, что в рюкзаке, вываливаю на одеяло. Расул головой водит, как маятником, потом спрашивает:

— А можно мне с вами поехать?

Если я ему отвечу, то начнется поток новых вопросов, поэтому я молчу. Кладу в свой мешок комплект нового белья. Расул негромко, но так, чтобы я слышал, бормочет:

— Как хорошо бы, если бы я мог с вами поехать!

— Так скажи это командиру взвода, — советую я. — Мехди-ага здесь рядом.

— Говорил, он не согласен, — Расул смотрит на меня исподлобья. — Но как хорошо было бы, если бы я мог с вами... Ведь вот Ага-Абдулла тоже из новеньких, а едет...

Вдруг он с оживлением восклицает:

— А хотите, я ваш мешок сдам? Отнесу — мне нетрудно. А вы тут занимайтесь своими делами.

Я опускаю голову, потом смотрю ему прямо в глаза. Неестественно улыбаюсь и говорю:

— Нет, я сам сдам. Спасибо тебе!

Те вещи, которые я не беру, я свалил в рюкзак и, не глядя на Расула, встаю и выхожу из палатки. И слышу у себя за спиной, как он возбужденно говорит кому-то, что пришли грузовики и что мы снимаемся.

Возле палатки каптенармуса несколько человек стоят в очереди. Тот пузатый сидит в палатке и принимает рюкзаки. Смотрит на меня хмуро

и, взяв мой рюкзак, кидает его на кучу других, сваленных позади него.

— Мой личный жетон готов? – спрашиваю я.

Повернувшись к следующему, он отвечает мне:

— Нет!

Я намеренно, чтобы досадить ему, продолжаю стоять перед ним, не сводя глаз с его пуза. И думаю о том, что, если бы не ремень, это пузо провалилось бы глубоко в его штаны.

— Следующий! Сдавай рюкзак.

Я возвращаюсь. Тучи еще больше сгустились, и издали слышен гром. Сильно пахнет росистая трава. Оглядываясь вокруг, я вижу, что лагерь изменился. Все взводы сворачивают палатки. Те, кто начали раньше, уже свернули брезент, и от палаток остались лишь металлические скелеты, выглядящие так, будто они стыдятся своей наготы. Громкоговоритель на хусейние передает быстрый бодрящий марш.

Пока я дошел до нашего взвода, свернули еще три палатки. Возле одной из снятых палаток стоит грузовик, и в него грузят вещи и амуницию. Ребята первого взвода отвязывают крепёжные веревки палатки, а Али, забравшись на нее, сматывает их. Расул, увидев меня, возбужденно и счастливо ко мне подбегает и кричит:

— Мы все уезжаем! Все уезжаем в новый лагерь, и мы вечером уезжаем!

Абдулла подходит к нему и, схватив его за ухо, тянет его к палатке.

— Ай-ай-ай-ай-ай!

— Паренек любезный! От работы не отлынивай!

Расул бежит за ним на цыпочках, но успевает сообщить мне:

— Ваш личный мешок я положил с моими вещами... Ай! Потише, прошу вас! Оторвете же... Ай!

Масуд инструктирует ребят насчет «можно – нельзя» и распределяет работу. Мехди ушел в палатку штаба роты. Расул шепчет мне на ухо:

— Совещание!

Видимо, командирам взводов сообщают важные сведения. Как бы мне хотелось тоже узнать их...

— Сворачиваем палатку, все вместе... А ну, давай оттуда! А ну, все вместе...

Абдулла приминает брезент палатки так, чтобы его можно было перетащить на пустое место перед ней. И нам вчетвером лишь с трудом удается это сделать. Теперь остался лишь металлический скелет, на котором сверху сидит Али.

— Али, спрыгивай! Будем разбирать...

Али встает на палаточных балках, рискованно балансируя, потом вдруг прыгает верхом на плечи Мирзы. Мирза чуть не падает под его весом.

— А н-ну с-слезай, г-гуль¹ п-пустынный!

Но Али плотно обхватил Мирзу за шею. И тот никак не может его сбросить, а мы все покатываемся со смеху. Масуд громко восклицает:

— Али, он тебе голову вскружил!

¹ *Гуль* — мифическое существо, оборотень в арабской, персидской и тюркской мифологии. Обычно изображается как существо с отвратительной внешностью и ослиными копытами.

Али ухитрился сунуть ноги под мышки Мирзы и говорит:

— А ну тащи меня к водяной цистерне и обратно! И там три раза должен подпрыгнуть и коснуться цистерны задом...

А Мирза вдруг падает на землю. И только так освобождается от Али и встает. Отряхнувшись, грозит Али пальцем:

— Н-ну я т-тебе т-такое ус-строю, что п-птицы неб-бесные з-заплачут. П-погоди у ме-меня!

Он возмущенно дергает носом. Мехди, возвращаясь из командирской палатки, кричит:

— Али, да осудит тебя Аллах!

Мы все громко хохочем. От моего утреннего раздражения не осталось и следа. Все развеселились. Али начинает петь, а кто-то стучит палкой по пустой банке из-под молока, отбивая ритм. Мы беремся за руки и устраиваем хоровод вокруг Али и этого барабанщика.

Райские гурии с неба летят!

Чадры золотые на солнце блестят!

Мы поем хором, как бы отвечая друг другу. Сводим и разводим руки, сужаем и расширяем круг.

Райские гурии с неба летят!

Чадры золотые на солнце блестят!

Мехди стоит здесь же, покачивая головой в такт пению. Почему-то лицо Расула сильно покраснело, и он опустил голову.

*Мирза возмущенный с неба летит,
Всех я вас выпорю! – громко кричит.*

Али показывает Мирзе язык. Тот весь пожелтел с лица, и руки его дрожат. А мы всё быстрее крутим хоровод и дружно поем:

*Муравчики райские с неба летят,
Сетары, дутары¹ в их лапках звучат!*

Мы теснее смыкаем круг. Али почувал нелад-ое и пытается вырваться. Но мы сжимаемся еще теснее и вдруг все вместе бросаемся на Али. Он вопит:

— Признаю ошибку! Пощадите, отцы...

Расул накидывает одеяло ему на голову. И мы, не обращая внимания на его крики, кулаками и пинками колотим его через одеяло. Мирза сбегал к цистерне и вернулся с рукояткой от лопаты. Первый же удар рукояткой по одеялу заставляет Али, словно наказанного кота, выскочить из-под одеяла и броситься прочь. Мирза, вращая рукоятку лопаты над головой, преследует его, а мы все падаем от смеха на палаточный брезент. Масуд кричит на нас:

— Разбирайте раму палатки, грузовик ждет!

¹ *Сетар, дутар* — разновидности восточных музыкальных инструментов, похожих на гитару, с тремя (сетар) или двумя (дутар) струнами.

* * *

Ребята, словно цыгане, сидят в куче своих вещей. В лагере почти все палатки сняты. Их упаковали, и весь лагерь стал похож на цыганский табор, готовый сняться с места.

— Ребята, грузимся! — кричит нам Мехди от палатки хусейние.

Мы встаем: я, Али, Абдулла и Мирза, который держится замкнуто. Двигаемся в путь, а Расул выплескивает нам вслед ведро воды, причем забрызгивает нашу одежду водой и глиной. Его лунное лицо краснеет, Мирза со злостью смотрит на него, а Али лишь хохочет. Подходим к автобусу, на ветровом стекле которого укреплен транспарант: «Экскурсия на южный фронт. Школа «Камали» из Исфахана».

— Это чтобы шпионов обмануть, — объясняет Мехди. — Готовьте там всё, а мы с наступлением темноты двинемся вам вслед.

Стоящий рядом с автобусом Хусейн добавляет:

— Там Хейдар, он вам скажет, что делать.

Садимся в автобус. И из других взводов и рот тоже садятся. Мехди через окно автобуса напутствует Мирзу и Али:

— Вы временно перестаньте драться. Не роняйте честь взвода.

Все заняли места, пришел Хадж-Носрат и объявил старшим по автобусу Гасема. Автобус тронулся. Расул машет нам и некоторое время бежит следом. Потихоньку начинается дождь, а в лагере суматоха: все бегут от дождя в палатку хусейние. А вот и небесная артиллерия дала залп...

* * *

...Проснувшись, я растерянно оглядываюсь по сторонам. Мирза спит, положив голову на плечо Абдуллы. Рот его приоткрыт, и слюна капнула на гимнастерку. Я протираю запотевшее окно автобуса. Мы застряли в пробке. Шоссе забито нескончаемой вереницей машин. Судя по лесу держи-деревя по обеим сторонам, это шоссе Ахваз – Хорремшехр, а стоим мы возле блокпоста.

Я встаю и, пройдя вперед, смотрю через лобовое стекло. На блокпосту много машин, из-за этого образовалась пробка. К некоторым грузовикам прицеплены орудия, в кузовах – полно снаряженных ящичков оливкового цвета. И артиллеристы кое-где притулились на этих ящиках, завернувшись в серые одеяла. Те водители, которые торопятся, выезжают из ряда и газуют вперед по песчаной обочине.

Наконец, мы подъезжаем к блокпосту. Смуглолицый военный в красном берете жестикулирует как профессиональный регулировщик и кричит:

— Отъезжай в сторону, в сторону! Эта машина не пойдет!

Наш автобус съезжает с шоссе. Тот же смуглый дежурный в красном берете подбегает и объявляет нам:

— Автобус не замаскирован. До темноты вам проезда нет...

Грузовик с тяжелым орудием на прицепе громко ревет мотором, и мы слышим лишь обрывки слов регулировщика. Всё сказав, он не ждет ответа, а бежит назад к дороге. Гасем выходит из автобуса, и мы в окно видим, как он говорит с дежурным

сначала уверенно, но потом сникает. Дежурный регулировщик стоит к нам лицом, и темный цвет его кожи делает красный берет более ярким. Грузовик с нашими вещами подъехал и остановился позади автобуса.

Мы не знаем, что делать, но возвращается бегом Гасем и объявляет:

— Я еду вперед на грузовике, найду другой, пустой, и вернусь.

Он уезжает. Автобус отъезжает чуть дальше и останавливается под большим держи-деревом. Мы выходим. Шоссе – незабываемое зрелище. Ряд машин стал длиннее, и дежурный в красном берете ни секунды не стоит без дела. Проверяет разрешения на проезд в запретную зону и пропускает закамуфлированный транспорт. Все проезжающие автобусы обмазаны глиной. В проделанных в слое глины окошечках я вижу глаза, наблюдающие за нами. Мы машем им и по мельтешению за стеклами понимаем, что нам машут в ответ.

Сидим возле автобуса. Некоторые ребята скрылись в лесу. Абдулла сидит вдали от всех, прислонясь к стволу, и смотрит на грузовики. Он старше всех нас. Я пытаюсь вспомнить имя его дочери и не могу. Обернувшись и поймав мой взгляд, он печально улыбается мне. А я, обменявшись с ним взглядом, поворачиваюсь опять к ребятам. Все болтают о том о сем, кроме Мирзы. Он молчит и на вид весьма мрачен. Али спрашивает его:

— Что с тобой? Ты понес большие убытки?

Мирза, опустив голову, отвечает:

— Вчер-ра в-вид-дел со-сон. Н-не знаю, в ч-чем его с-смысл.

— Переел просто, — смеется Али. — Меньше ешь за ужином, и не будет сниться!

Мирза, прямо не отвечая ему, чешет свою жесткую бороду и говорит:

— Во с-сне я т-теб-бя ви-видел.

Тут я вдруг вспоминаю собственный сон. А Али с интересом спрашивает:

— И что там случилось?

Абдулла явно заинтересовался разговором — я перехватываю его взгляд. Он ухмыляется с непонятным мне выражением. Мирза палочкой рисует на земле неясные силуэты.

— Н-не з-знаю, рас-рассказ-зывать или нет...

Теперь уже все заинтересовались и примолкли. Мы все слушаем Мирзу. Сощурившись, Мирза смотрит на Али:

— В-вчера мне п-приснилось, что мы все стали ш-шахидами. Потом кто-то з-затрубил, и мы в-встали из м-могил. Сначала г-голова к-круж-жилась, но п-потом п-постепенно мы в-все по-пошли в сто-сторону рая. У м-меня обе н-ноги от-оторваны, н-но к-кое-как та-тащусь вместе со в-всеми. И тут теб-бя виж-жу. Ты б-был ка-какой-то оч-чень с-ветлый, и все рас-с-ступ-пались, п-пропуская тебя.

Али смотрит на Мирзу так зачарованно, что кажется: он вовсе не дышит. Ребята, которые были вдали, подходят поближе, чтобы лучше слышать. А Абдулла снова смотрит на меня с ухмылкой.

— Я т-тебя п-позвал. Г-говорю: Али, эт-то я, М-Мирза. Ты по-подходишь, н-но ув-видев, что я без ног, хочешь уй-йти. Я те-тебя хватаю за н-ноги, но ты г-говоришь: как я т-тебя понесу? Я т-тебя за-заклинаю,

мол-лю: во им-мя н-нашей д-дружбы в том мире, д-донеси меня до ра-рая. Ты хо-хочешь уйти, но тут к-какой-то ур-родливый ч-человек тебя ос-станавливает и го-говорит: з-за то, что ты в том мире его м-мучил, в тот д-день п-прыгнул ему н-на плечи, те-теперь ис-скупи свой г-грех и до-донеси его до рая...

Из леса слышатся крики ребят, затеявших играть в жмурки.

— М-мы до-добрались до р-рая, — продолжает Мирза, — но д-двери его вдруг за-захлопнулись. Б-больше, го-говорят, н-не пускаем. Я раз-рыд-дался. Си-сичу у т-тебя н-на плечах и умоляю, ч-чтобы в-впустили м-меня. П-привратника умоляю. И т-так его ум-молял, что он со-согласился. Я т-тебя по-поцеловал и г-говорю: он со-согласился, Али! От-т-крывается д-дверь. М-мы х-хотим войти, но оп-пять н-не пускают. Г-говорит: куда? Я г-говорю: т-ты же сам д-дал ра-разрешение. Он отвечает: я да-дал раз-зрешение т-тебе. А т-твоему ос-слу я ра-разрешения н-не давал. П-привяжи т-твоего осла к де-дереву, а сам з-заходи!

Секунду мы растерянно безмолвствуем. Потом Али, бешено вытаращив глаза, бросается на Мирзу, и они катятся на землю. Мирза, хохоча, отбивается. Абдулла с ухмылкой объявляет:

— Ядовито Мирза отплатил!

Мирза вскакивает и бежит в лес, Али — за ним. Мы все не знаем, что и думать...

* * *

Над нашими головами скопились темные тучи, но горизонт горит красным: там умирает солнце,

и кажется, будто курице отрубили голову. На всем вокруг лежит красный отблеск. Стекла машин, там, где они не замазаны глиной, отражают солнце, и эти стекла тоже будто истекают кровью. Дует холодный ветер. Мы все укрылись в автобусе. И не смолкают людские споры на дороге и рев моторов. Все хотят проехать быстрее, но часовые требуют пропуска, и порой между ними и водителями вспыхивают ссоры с криками и хватанием друг друга за грудки.

Вот проезжают пикапы с укрепленными в кузовах зенитными пулеметами, вот один за другим – грузовики с боеприпасами. Солдаты скорчились на ящиках в кузовах, прячутся от безжалостно хлещущего ветра. Командирские машины, которые можно узнать по антеннам, обгоняют грузовой транспорт на скорости, и некоторые из них проезжают блокпост, даже не останавливаясь.

— Ребята, Гасем приехал!

Развернувшийся грузовик останавливается возле автобуса. С подножки соскакивает Гасем и бежит к нам:

— Вперед, ребята, вылезает из автобуса и перегружаемся в грузовик!

Мы берем вещи и выходим. Почти все недовольно ворчат:

— Вперед-то вперед, а где ты был всё это время?

— Стемнело ведь уже.

— Не лучше ли отложить до утра? В темноте разве палатки ставят?

Но начинают забираться в кузов. Вещи поднимаем над головой, и там у нас их принимают.

Я взялся руками за бортик кузова, чтобы забраться: железо холодное как лед! Но вот мы все сидим в кузове, плотно забив его, и грузовик двигается в путь. Холодный ветер пронизывает, и мы жмемся друг к другу, нахохлившись как озябшие птицы.

* * *

Ветряные смерчи закручиваются даже в кузове. Обхватив коленки и прижавшись друг к другу, мы стараемся сберечь тепло, но каждое резкое торможение встряхивает нас, и раздаются стоны. Иногда едущая сзади машина приближается, и свет ее фар, проходя сквозь прорези затемнения, падает на наши лица, и мы видим друг друга: озябших и усталых, взлетающих вверх и вниз на выбоинах. Грузовик замедляет ход. От долгой неподвижности у нас затекли ноги, и мы встаем и стоим, держась за передний борт кузова. У меня от холода течет из носа. По шоссе в обе стороны движутся грузовики и закамуфлированные автобусы. В косом свете месяца видны пальмы по бокам дороги. Фары освещают щит рядом с шоссе, с надписью «Район Эбрахим». Грузовик останавливается, потом сворачивает на грунтовую дорогу, идущую меж финиковых пальм. Эта дорога совсем новая, и на ней полно ям. Тут и там позади пальм мы видим свет фонарей в палатках. Уже совсем стемнело, и мы опасливо пригибаемся, чтобы не хлестнуло по голове пальмовой веткой. Грузовик останавливается. Гасем соскакивает и бегом скрывается среди пальм. Несколько человек шли мимо и теперь остановились возле грузовика и смотрят на нас. Гасем бегом возвращается.

— Выходим, приехали!

От холода руки ничего не чувствуют. Помогаем друг другу сойти.

— С этой стороны, принимай вещи!

— Хорошо, поняли, но дай нам слезть сначала.

— И-и-и... Ник-как оп-писался!

Сгрузив вещи, мы идем следом за Гасемом. Земля под ногами очень неровная, и я повыше поднимаю ноги, чтобы не упасть. Между пальмами возле палатки стоит человек с фонарем: он поднял фонарь, чтобы лучше нас видеть. Это Хейдар, его знакомая мясистая, толстая фигура. Фонарь осветил его лицо сбоку, и его щеки горят красным. Двойной подбородок вылез из воротника.

— Ну как, богатыри вы наши?

Он делает шаг вперед, и голова его закрывает часть луны, которая от этого стала похожа на надкушенное яблоко.

— Вот так приехали! К этому часу уже палатки должны были стоять!

Мирза ворчит – от холода он бесится по любому поводу.

— Заходи, заходи в палатку... А то замерзли совсем...

Гасем командует:

— Ребята, заходим!

Все заходят в палатку и, оставив там вещи, выходят обратно.

— А где туалет?

— Не построили еще, идите за пальмы!

Я стою возле палатки. Хейдар показывает ребятам пространство между пальмами. Подхожу к нему:

— Салам, Хейдар-ага!

В темноте он не узнает меня. Поднимает фонарь, и в вижу его толстые щеки, свисающие по сторонам лица.

— Вот это да, неужели и ты приехал!

Мы обнимаемся, и я буквально исчезаю в его объятиях.

— Куда же ты пропал, богатырь? Али извелся по тебе... Он тебя привез или сам приехал?

Хейдар не ждет ответа, а схватив меня за руку, тянет в палатку. В ней – полный хаос, вещи побросаны кое-как. Я ставлю свой рюкзак к стенке, а Хейдар командует тем, кто остается в палатке:

— Скорее читайте намаз, ужинайте, и работать начнем.

Эти его слова шокируют Мирзу, который сидит, полуобняв керосиновую печку. Мы подходим к нему, и Хейдар отпихивает Мирзу, освобождая место возле печки для нас двоих.

— Ну-ка расскажи, когда же ты приехал? – спрашивает он меня.

— Несколько дней уже. Примерно тогда, когда вы выдвинулись вперед.

Хейдар, вспомнив о своем, прерывает меня и спрашивает Мирзу:

— Кстати, как тот паренек? Поправляется или нет?

— Т-так т-точно! – отвечает Мирза, закатывая рукава. – П-поправляется б-быстро. Спас-сибо т-тебе за заб-боту.

Хейдар смеется, и его обширный двойной подбородок колышется волнами. Мы говорим о происшествиях последних дней.

* * *

— Поторопитесь, надо срочно поставить палатки! – объявляет Хейдар.

У нас куски в горле застряли. Мы с изумлением смотрим на Хейдара, но он вроде бы не шутит.

— К-как м-мы сей-сейчас пос-ставим па-палатки? – спрашивает Мирза, разведя руками. – Я в ту-туалет сходил – д-десять раз уп-пал в тем-нот-те.

Хейдар, не слушая его, вызывает по одному человеку от каждого взвода и выводит нас из палатки. Мы ждем, пока глаза привыкнут к темноте, потом идем следом за ним. Недалеко от грунтовой дороги он показывает нам выровненную площадку, на которую что-то навалено кучей.

— С грузовика всё сюда сгрузили, – объясняет он. – Времени не было разделять и разбирать. А меня здесь тоже не было в то время.

— Мы там вещи разделили, – говорит кто-то, – чтобы они здесь не смешались. Как мы их здесь разберем в темноте?

— Утром, когда рассветет, – отвечает Хейдар, – каждый взвод придет за своими вещами. Сейчас каждый взвод должен найти только свою палатку, и сразу надо начать их ставить.

— Сегодня ночью поставить палатки? – спрашиваю я с удивлением.

— А как же иначе? – отвечает он со смехом. – Надо поставить до того, как приедут остальные.

В тусклом свете луны мы пытаемся найти свои палатки. Но Хейдар ведет нас дальше:

— Пошли, я вам покажу, где их ставить.

Мы идем цепочкой следом за ним, то и дело оступаясь в оросительные арыки для пальм. Я в душе проклинаяю эти пальмы: все мои руки и ноги истыканы колючками. Хейдар, который уже знает местность, лишь посмеивается над нами. Бульдозерами земля между пальмами выровнена для палаток, и Хейдар каждому взводу показывает его место. Я остаюсь на месте, отведенном нам, а с остальными он идет дальше, потом возвращается. И мы вместе идем к той палатке, где остались ребята. Хейдар сначала молчит, потом говорит мне:

— Сегодня ночью начнется наступление, может быть, через час.

— Ты шутишь! – я не верю своим ушам.

Он берет меня под руку и указывает дорогу:

— А что ты остановился, богатырь? Принято решение через час начать наступление из района Шаламче. Утром мы в последний раз ездили на разведку. И вернулись незадолго перед вами, на закате уже.

— Нет, но правда через час начнется? – я всё еще не верю, но он не отвечает на мой вопрос.

— Сегодня ночью любой ценой вы должны поставить палатки. Понимаешь ты меня, богатырь? Через три-четыре часа сюда приедут все автобусы. Чует мой нос, дела так пойдут, что завтра нас введут в бой. И если сможете разбить палатки до приезда ребят, они хоть сегодня ночью чуть-чуть отдохнут.

Мы подходим к палатке, и он говорит мне:

— Бери своих ребят, и покажите, на что вы способны.

В палатке Абдулла собирает опорожненные банки консервов. Увидев меня, Мирза спрашивает с упреком:

— К-куда ты под-девал-лся, в-вообще? К-куда все дел-лись?

Хейдар коротко объявляет остальным то же самое, что сказал мне. Али опускает руки по швам, но так выпучивает глаза, что мы все смеемся. Однако ребята волнуются:

— Но как же мы в темноте будем их ставить?!

Мирза крутит головой от возмущения, а Али показывает ему язык.

— Идите и берите только свои палатки, — командует Хейдар. — И ставьте их. А вещи никому не трогать. Взводы сами завтра вещи будут разбирать, когда рассветет.

Мы берем свои рюкзаки и пускаемся в путь. Месяц серебрит землю, что внушает нам некоторую надежду. Тени пальм стали короче, но Мирза всё так же ворчит:

— З-знаете, ч-что я се-сейчас сделаю? Ув-видите!

Мы пришли на место, отведенное нашему взводу, и вешаем автоматы и рюкзаки на пальмы. Абдулла ногой пробует гладкость земли:

— Совсем неровно!

Хейдар кричит в темноте:

— Взводы, подходите за палатками! Эй, вы где?

— Да буду я твоей жертвой, Ага-Мирза, — говорит Али. — Зажги-ка ты нам три или четыре фонаря.

— А г-где я их в-возьму? — удивляется Мирза. — У п-покойного п-папаши?

— Где хочешь, там и раздобудь! – резко отвечает ему Али. – Вперед, ребята!

Мы бежим туда, где свалены вещи из грузовика, – все, кроме Мирзы. И Али говорит мне мимоходом:

— Ну вот, Мирза с самого начала с работы слинял!

Мы берем нашу палатку, и я слышу, как солдат из другого взвода, которого я не знаю, спрашивает у Хейдара:

— Хейдар-ага, а вы не ставите палатку?

— Мы ее уж поставили, богатырь! – отвечает тот со смехом. – Ты ведь в ней ужинал, не так ли?

— Как всегда, хитер! – замечает Али, кряхтя от тяжести палаточного брезента.

Мы с трудом поднимаем эту кипу брезента, Абдулла подлезает снизу и подставляет под нее спину, и так мы ее несем. Потом отсчитываем секции металлического каркаса, крепежные кольца, и тащим всё это на наше место, и тут из темноты появляется Мирза.

— С-спички есть у в-вас?

Абдулла достает коробок из рюкзака и отдает ему, а Мирза сует мне в руки фонари – целых три штуки.

— Ага-Мирза, фонари еще горячие, где ты их взял? – спрашиваю я.

— В-взял в-взаимы, — отвечает он, отряхивая руки. – З-завтра не з-забудь на-напомнить, ч-чтобы я их в-вернул!

Я зажигаю фонари и вешаю их на пальмы, как вдруг из тьмы доносится крик Хейдара:

— Кто взял фонари из нашей палатки? А?!

Мирза с удивлением спрашивает:

— Р-разве это б-была п-палатка Х-Хейдара?

— Но тогда вопрос, — говорит со смехом Али. —

У кого же ты взял их взаймы?

Внезапно земля содрогнулась под нашими ногами.

— Слушайте, слушайте! — говорит Абдулла. — Началось!

Мы все замолчали и слушаем то, что происходит вдали. Наши батареи начали артподготовку по противнику. Сначала огонь несильный, но постепенно он нарастает и ужесточается. Мы смотрим сквозь пальмы в сторону шоссе. Над Шаламче загорелся светящийся ореол. От орудийных залпов искажилось пространство и время. Мирза лег на землю и приник к ней ухом, и восклицает:

— Ог-го! В-вот эт-то да! Вот это вз-рыв-вы!

Среди басовитого гула орудий можно различить залпы «катюш». Их ракеты с воем уносятся в небо, как бы разрывая пространство. Постепенно начинают отвечать батареи противника. И теперь в Шаламче словно собрались тысячи тысяч барабанщиков, безумно колотящих в свои барабаны.

Мы соединяем секции палаточного каркаса. Абдулла выравнивает пол палатки. Он работает умело и практически молча. Холодный ветер леденит уши, но от работы мы все в поту. Ребята второго и третьего взвода развели у себя костры, пламя которых осветило пальмы красным. Пламя костров, разгораясь, взвивается вверх. Али залез

наверх каркаса и ждет, когда мы ему подадим брезент. Кто-то из парней третьего взвода кричит:

— Первый и второй взводы, идите получать горячий чай! Ого-го! Чаек с пылу с жару – налетай!

Али хватает подаваемый нами брезент и тянет его наверх. И вот брезент покрыл каркас. Вытирая пот со лба, Али говорит:

— Мирза-джан, приготовь-ка нам чайный столик!

— А где я возьму ча-чайник? – отвечает Мирза, расправляя низ брезента.

— Там же, где ты взял фонари! – отвечает Али с подначкой.

Мирза в ярости выкатывает глаза – пламя костра пляшет в его зрачках. Ворчит что-то и уходит. Мы засыпаем землей низ палаточных стенок, когда он возвращается. В руках его кувшин-«умывальник» из желтого металла, кажущегося апельсиновым в свете костра. Из широкого носика валит пар, Абдулла, изображая крайний испуг, поднимает руки как для сдачи в плен:

— Мы капитулируем! Если с нашей стороны были ошибки – приносим тысячу извинений!

Али снимает с пальм фонари и спрашивает:

— Не наигрался с кипятком?

Мирза, удивленный их реакцией, бормочет:

— Я-я ч-чай п-принес.

— В этой посудине? – восклицаю я невольно.

— Но он-на ч-чистая, — оправдывается он. — Н-не использовалась еще. Н-нич-чего д-другого н-не б-было – а что тут т-такого?

— А где чашки? – спрашиваю я.

— А з-зачем ча-чашки? – отвечает он. – Н-немного остынет – б-будем пить из но-носика. Чай с-сладкий. Ку-кускового не было – я са-сахарного песку за-засыпал!

Не знаю, что ему ответить. А он с невинным лицом вопрошает:

— Я что-то не-неправильно с-сделал?

Мы все смеемся.

* * *

Мы сидим в палатке вокруг фонаря и говорим о том, о сем. Чтобы согреться, я обхватил колени руками. Артиллерийский огонь, вражеский и наш, ни на миг не утихает. Началось ранней ночью, и всё продолжается. И вот мы то слушаем канонаду, то говорим между собой. В основном, говорим я, Али и Мирза, Абдулла немногословен. Сначала я думал, что он молчалив по причине того, что он семейный, что у него маленькая дочь, — а мы холостяки, да и моложе его. Но постепенно я понял, что он по характеру молчалив. Он рано стал отцом и рано остепенился...

— Кстати, Ага-Абдулла, — поворачиваюсь я к нему, — как твою дочь зовут?

— А почему ты вспомнил мою дочь? – спрашивает он, улыбаясь. Потом погружается в задумчивость...

Али произносит:

— Как же холодно все-таки, не можем ли мы достать печку и одеяла?

Мирза, который теперь в хорошем настроении, с подначкой говорит:

— В-вперед?

Али подмигивает нам и одобряет:

— Вперед!

— Куда это? – спрашиваю я.

Они оба встают, и я, хотя не понимаю, куда они направляются, тоже встаю. Абдулла пошел было с нами, но Мирза его остановил:

— Т-ты ж-жди нас. Это – дд-ело ос-собенное.

Воздух очень холодный, влажный, от реки Карун тянет стужей. Мы идем следом за Али – к тому месту, где свалены вещи с грузовика. Теперь я понимаю, на что они нацелились.

— Но ведь Хейдар говорил... – начинаю я.

— Ш-ш-ш!

На земле лежит свет луны. Мы ступаем осторожно. Вон рядом с вещами кто-то спит и храпит так громко, что, кажется, земля от его храпа трясется.

— Это Хейдар! – шепчу я.

Он растянулся возле ствола пальмы. Завернулся в одеяло, так что виден лишь круг его лица. Но изображенный на одеяле леопард уставился на нас и готов, если мы приблизимся, наброситься и растерзать нас. Он охраняет Хейдара. Мирза тихонько подходит к Хейдару и наклоняется над ним, потом возвращается.

— Всё с-спокойно. С-спит.

Мы верблюжьим шагом крадемся к сваленным в кучу одеялам. Приблизившись к Мирзе, я хочу шепнуть ему, чтобы он брал только заправленные керосином печки, но он наваливает мне на руки кучу одеял:

— Т-с-с! Н-неси!

Сам он хватает печку, но, когда поднимает ее, керосиновый резервуар падает с грохотом на землю. У меня будто сердце разорвалось. Мы все невольно смотрим на Хейдара. Он ворочается и как бы сильно сжимает в объятиях леопарда, не позволяя тому броситься на нас. Я приседаю в испуге. Мирза тихо ворчит:

— Ч-черт поб-бери...

А Али обеими руками бьет его по голове и негромко заявляет:

— Несчастный, ни одного дела ты...

Мирза, повернувшись к нему, вдруг говорит в полный голос:

— За-зачем бьешь? Ч-что я т-тебе с-сделал?

Хейдар вдруг садится. И мне вспоминаются сказочные джинны, мгновенно появляющиеся по приказу хозяина. Я уже не владею собой: обхватываю покрепче одеяла и бегу к нашей палатке.

— Что тут? Что происходит? Вы что здесь делаете?

— В-вот он м-меня за-заставляет во-воровать! Ага! Ты-ты куд-да?

Я слышу топот позади себя. Это Али. А за ним слышится неровный топот Мирзы. Я врываюсь в нашу палатку и бросаю одеяла. Абдулла в бушлате, сжавшийся в комок от стужи, удивленно на меня глядит. Слышится топот Мирзы, и вот они вбегают в палатку одновременно с Али. У Мирзы в каждой руке по керосиновой печке, а на лице победная улыбка.

* * *

Мы задремываем. Керосиновая копоть и резкий запах от фонарей и от печек терзают наши легкие и глаза, но мы не обращаем на это внимания. Усталый сон так навалился, что сил нет ни о чем думать.

Издалека слышно, как подъехали автобусы и как зашумели голоса – кричат словно в пустой комнате. Станным эхом эти крики отдаются в полусонном сознании, и Мирза говорит что-то, кажущееся мне очень растянутым:

— П-п-п-п-ри-и-и-е-е-е-е-хали....

Гул голосов приближается, к нему добавляются громкие команды. Ничего не соображая, я сажусь и оглядываюсь по сторонам. В палатку входит Расул, быстро осматривает ее и, завидев меня, улыбается и бежит ко мне:

— Салам! Ваш личный жетон, я его привез. Очень хорошо получилось, несколько раз я к ним ходил, спрашивал, и только вечером выдали...

Ребята окружают печку, а я пытаюсь снова заснуть. Накрываюсь с головой одеялом, чтобы никто меня не узнал. В полусне слышу, как Мехди зовет меня, но не отзываюсь, а падаю в какой-то темный тоннель.

* * *

Рядом с палаткой кто-то нараспев читает азан, и голос его сильно дрожит. Я открываю глаза. Чувствую себя усталым. Не знаю, сколько часов я спал, но из спального мешка вылезать очень не хочется. Среди ночи Расул уговорил-таки меня залезть в спальный мешок. Разбудил и втолковывал мне,

что привез мой спальник, а я всё не хотел просыпаться и слушать его, но он не отстал, пока я не сдался и не залез в этот спальник. Возле печки стоит Масуд, его рукава засучены, он греется, а с подбородка его капает вода и шипит на печке.

— Давай, вставай, — говорит он мне. — У меня во фляге есть вода.

Я встаю, беру его флягу и выхожу наружу. Очень холодно, и у меня начинают стучать зубы. Небо посветлело. Вдали всё еще слышна канонада с обеих сторон, эти звуки похожи на то, как лопаются пузыри на реке с быстрым течением. Я совершаю омовение и вижу, как еще несколько человек с флягами в руках выходят из-за пальм. Возвращаюсь в палатку, читаю намаз и вновь ныряю в спальный мешок. Только начал задремывать, как кто-то входит в палатку и громко объявляет:

— Господа Мехди и Масуд, военный совет роты начинается.

Это голос Асгара, батальонного связного. Я всё еще дрожу от холода, прячу голову в спальник и начинаю согреваться собственным дыханием. Али говорит в другом конце палатки:

— Аллах Всевышний, слава Тебе, что не сделал нас командирами!

Никто ему не отвечает – все спят как убитые. А я только начал задремывать, как слышу опять шаги – и опять Асгар, походку которого я ни с чьей не спутаю. Входной клапан отодвигается, и Асгар провозглашает:

— Насер, Насер, на совет роты! Сказали тебе быстро прийти!

Я вскакиваю, и zipper спального мешка царапает мой подбородок.

— Я?!

Он кивает:

— Да, вы! Хусейн-ага сказал: прийти вам срочно!

Я вылезаю из мешка. Надеваю бушлат, который я скатал и положил под голову. Расул так упаковался в спальник, что видна только часть лица, но я вижу, что он улыбается и поднимает брови. И говорю ему уныло:

— Ты прав, что улыбаешься! В такую холодрыгу...

Я потуже запахиваюсь в бушлат и выхожу наружу. И слышу сзади голос Али:

— О Аллах, сто тысяч благодарений за то, что мама не назвала меня Насером!

Среди пальм клубится туман молочного цвета. Он медленно обтекает их стволы. Перед палаткой второго взвода стоят командиры роты и взводов. Холод такой, что туман мгновенно оседает на коже, и потому все невольно дергаются и поеживаются. Уже рассвело, и я вижу всё вокруг. Землю покрывает роса. Абулфазл, командир второго взвода, увидев меня, восклицает:

— Ты где был, хаджи¹? Мы тут от холода помираем!

Его фигура массивна, лицо загорелое, смуглое, волосы всклокочены.

¹ Так называют того, кто совершил хадж, но в Иране это слово иногда используется при обращении к любому человеку.

— Все пришли?.. Давайте-ка сядем сюда... По крайней мере, не промокнем!

Хейдар указывает на покрытый росой полиэтилен. Мы садимся, и я движением головы спрашиваю Хусейна, какое у него ко мне дело.

— Останься, есть дело, — отвечает он.

Мы садимся так, чтобы все поместились на полиэтилен, и прижимаемся друг к другу. Хусейн объявляет:

— Поскольку Хейдар-ага находится в этом районе не первый день, он введет нас в курс дела.

Хейдар начинает говорить. Коленками я сжимаю свои руки, чтобы согреть их. Пар нашего дыхания смешивается с туманом. Хейдар расстилает на земле карту, на которой цветными линиями нанесены шоссе и позиции наши и противника. От влаги они быстро почти теряют цвет.

— Операция «Кербела-5» началась вчера примерно в десять вечера. Полоса нашего наступления, как вы все знаете, нацелена на Шаламче. Нас введут в бой сегодня или, самое позднее, завтра. Пока приказа не было, но, видимо, мы будем второй волной наступления.

Толстый палец Хейдара движется по карте. Под ним исчезают линии наших и вражеских позиций.

— Вот озеро «Рыбное». Противник, для того чтобы остановить наше наступление, затопил всю территорию перед каналом «Рыбный». Образовался водоем шириной два километра и длиной около тридцати километров. Вот шоссе, проходящее через водоем. Сейчас наши войска заняли позиции по ту сторону воды. По обеим сторонам шоссе

вода. Задача нашего батальона — продолжить наступление и выйти на асфальтовое шоссе Шаламче — Басра, находящееся здесь. От водоема «Рыбный» до шоссе три километра. А этот водоем называется канал «Зуджи», его ширина пятьдесят метров. В канал «Рыбный» поступает вода через канал «Зуджи». Двадцать пятая дивизия обходит канал «Зуджи». На этом канале два моста, и, вероятно, противник изо всех сил старается через них пройти. Теперь задача нашей роты. Сегодня противник в степи перед каналом сконцентрировал танки, и главный наш бой будет с танками. Приказано каждой роте сформировать специальную команду. Эта команда в ночь атаки двинется впереди батальонной колонны, и задача ее — вступить в бой с танками, чтобы остальная колонна безопасно прошла в укрепрайон на шоссе Шаламче — Басра. Командиром специальной группы нашей роты назначен известный нам всем Насер-хан собственной персоной.

Хейдар смотрит на меня исподлобья и таинственно улыбается. Абулфазл говорит мне с улыбкой:

— Дорогой хаджи, я знаю Хейдара. Он тебе на голову беду принесет, и у него из Колумба получится «полундра!»

Хейдар обрывает его:

— Скажешь тоже! У нас наоборот: не позволим из Аббасов сделать колбасы!

Все усмеваются, а Хусейн говорит с полной серьезностью:

— Каждый взвод должен выделить гранатометчика для специальной группы и как следует его подготовить.

Улыбки исчезают со всех лиц. Пальмы яснее выступают из тумана, а Хусейн говорит о том, что должен сделать каждый взвод и какие вещи следует взять с собой. Солнце поднимается над горизонтом и золотит самые верхушки пальм. И туман вдруг исчезает. Мы все встаем. Кто-то развел костер перед палаткой первого взвода и повесил над ним закопченный чайник. Я вхожу в палатку, где все еще спят. Но у меня сон из головы вылетел напрочь. Выхожу обратно и стою у костра.

* * *

Мы сидим рядом с палаткой, под той пальмой, на которой вчера были подвешены наши фонари. Одни чистят оружие, другие подгоняют амуницию. Во множестве перед палаткой лежат патроны и снаряды РПГ¹. И холодный ветер, словно игривый ребенок, забавляется с пустыми картонными коробочками из-под патронов. Кругом полно этих пустых картонок, а мы наполняем патронами магазины, Абдулла – пулеметные ленты. Каждому из нас выдали саперную лопатку, и штык тем, у кого его не было. Лопатка, которая никогда не была в деле, того типа, которая согнется и выйдет из строя, прежде чем ты выберешь из окопа земли в объеме одного мешка. Но приходится смиряться: лучше такая, чем никакой.

На грунтовой дороге меж пальм показывается автомобиль. Из большого громкоговорителя наверху его раздается военный марш, и диктор радио

¹ РПГ – реактивный противотанковый гранатомет.

с большим волнением зачитывает воинственный текст:

— Наши доблестные победоносные войска, нанеся удар по противнику, потерявшему в результате сотни убитых и раненых...

Расул, подпрыгивая, выбегает из-за пальм и кричит:

— Радио тоже объявляет, теперь все знают, что началось наступление, все поняли, что мы идем в атаку...

В его лицо лунного цвета бросилась кровь. С востока доносится гром вражеской авиации, перекрывающий голос Расула. Который раз уже с утра прилетают вражеские самолеты и бомбят там, вдали? Я встаю и прикладываю руку козырьком над глазами, чтобы лучше видеть их. Ранним утром, когда они прилетали впервые, все выскакивали из палаток, но теперь это уже не так волнует, и из палаток меньше выходят. Только те, кто снаружи, с любопытством смотрят в небо, и один показывает в сторону и кричит:

— Вон они... Вон!

Мои глаза бегают меж пальмовыми стволами. Белого цвета самолет рассек небо пополам и вот быстро проходит у нас над головами. Гром зениток оглушает. Появляется другой самолет с другой стороны. Теперь бомбят ближе: звук такой, словно самосвал вывалил целый кузов кирпича. Но вскоре этот шум стихает, и мы вновь слышим военный марш.

Лагерь вновь забурлил. По грунтовой дороге подъезжают грузовики. Они все для маскировки

обмазаны глиной, лишь на лобовом стекле на размер двух ладоней оставлено чистое окошко для водителя. Расул аж подпрыгивает. Он носится везде как ребенок и весело хохочет, совсем вернулся в детство – хотя сверстников его рядом нет.

Связные забежали туда-сюда. Заглядывают в каждую палатку и что-то сообщают. Вот бегом приближается Асгар. Переводя дух, объявляет нам:

— Будьте готовы к отправке... Сейчас отправляемся.

Он заскакивает в палатку, вновь выбегает из нее и бежит во второй взвод. Расул скачет как мячик и кричит:

— Выезжаем, отправляемся! Как хорошо получилось... Я так хотел попасть в бой... Так хорошо получилось: все вместе отправляемся! Мы все друг с другом... Я... Я вас не покину, до конца будем вместе. Как же хорошо...

Он быстро говорит, взмахивая руками, и лицо его прямо горит. Из палатки выходит Масуд, представляет рупором руки ко рту и кричит:

— Бойцы первого взвода... Срочно зайти в палатку! Первый взвод!

Расул раньше всех, бегом, выполняет этот приказ. Из палатки выходит Мехди, мы, кто сидели под пальмами, идем в палатку, но Мехди останавливает меня. Взяв меня под руку, неторопливо отводит прочь. Чуть отойдя, объявляет:

— Мы хотим Расула здесь оставить.

Смотрит мне в лицо, оценивая мою реакцию. Я ничем себя не выдаю, хотя чувствую, что сильно привязался к Расулу и что без него на передовой

мне будет трудно. Мехди дальше заявляет, как-то ожесточенно выговаривая слова:

— Ты ему скажи об этом!

— О чем?

— О том, что мы не берем его на передовую.

Я резко отвечаю:

— Нет, не буду. Ты сам скажи.

Он удивлен моим тоном и внимательно смотрит мне в глаза. Чтобы вырваться из силков этого взгляда, я бормочу:

— Я... не могу ему сказать... Ты сам – ведь ты командир взвода – прикажи ему.

Он растерянно пускает голову, и теперь уже я смотрю на него прямо и не отводя взгляд. Солнцем освещены его каштановые волосы, а одна прядь упала ему на лоб, закрыв лицо. Убрав рукой челку со лба, он объявляет:

— Хорошо! Сам скажу. Ты только ему передай, чтобы подошел ко мне. Я здесь подожду.

Я быстро отхожу от него. Перед палаткой пусто. Внутри Масуд с картой в руках стоит в углу и ждет, пока все соберутся. Ребята сидят перед ним в затылок друг другу, Расул и Абдулла рядышком. Вперед мне не пройти, и я говорю тому, кто сидит за Расулом, чтобы позвал его. Тот трогает его за плечо и указывает на меня, а, когда Расул оборачивается, я жестом зову его подойти. Он что-то шепчет Абдулле и быстро поднимается. Я говорю ему:

— Выйди наружу, у Мехди к тебе дело.

— Хорошо, — говорит недовольно, — позже выйду.

И хочет вернуться на место, но я беру его за запястье и настаиваю:

— У него срочное дело, быстро выйди, узнай и вернись.

Он закусывает нижнюю губу, мотает головой из стороны в сторону и выходит из палатки. Али как будто понял что-то и спрашивает:

— Что случилось?

Сев рядом с ним, отвечаю:

— Хотят его оставить здесь.

Мы вместе с Али выходим из палатки и видим, как Мехди и Расул уходят в сторону насыпи, окружающей наш лагерь. И скрываются за этой насыпью, на берегу реки Карун.

— ...Нам объявили, — говорит Масуд, — что после полудня выступаем на передовую. Приказано завтра вечером вступить в бой. Взять с собой только оружие, боеприпасы, спальник и ложку...

Я не могу сидеть в палатке — тяжело на душе. Выхожу и сажусь на землю под пальмой, гляжу на насыпь, отделяющую нас от реки Карун. Двое идут к лагерю, один несет пойманного осетра. Проходят мимо меня. Не знаю, почему у меня так муторно на душе...

* * *

Мехди возвращается, волоча ноги по земле. Лоб сильно нахмурен, что придает ему вид очень усталый и озабоченный. За ним идет Расул — он похож на раненого леопарда. Глаза налились кровью, подбородок выставлен вперед, и что-то бормочет. Идет прямо к умывальнику, шагая быстрыми мелкими шажками. Движением головы я спрашиваю у Мехди, как дела, он мне отвечает что-то непонятное

и заходит в палатку. Я немного отхожу от ребят, так как понимаю, что, если буду стоять со всеми вместе, Расул не подойдет ко мне. Он садится перед умывальником и моет лицо, а, когда поднимается, я вижу, что щеки его покраснели, блестят на солнце, а от лица поднимается слабый пар, точно и впрямь оно воспламенилось. Расул идет ко мне, и я ломаю голову над тем, как начать разговор с ним, и вдруг он проходит мимо, не обращая на меня внимания, и идет прямо в палатку. Меня это задело. Я слежу за ним взглядом, а он раздраженно отбрасывает входной клапан и входит внутрь. Мирза спрашивает меня:

— Что т-там у н-них?

— Не знаю, клянусь Аллахом, — говорю я и иду следом за Расулом. — Ни один ничего не сказал — сам же видишь.

В палатке Расул стоит на коленях и надевает свою амуницию. Он раздражен. Ремни портупей запутались, и он в них застрял, никак не может высвободиться, словно рыба, попавшая в сеть. Я подхожу к нему и мягким движением помогаю освободиться из ремней портупей. Он встает и поворачивается ко мне спиной: он как граната с вырванной чекой. Я подхожу к Мехди и Масуду, сидящим в конце палатки. Мехди искоса наблюдает за Расулом.

— Что случилось, Мехди? Почему парень так реагирует?

Мехди двумя пальцами трет висок и отвечает:

— Не согласился остаться. Я сказал, рота не допускает его на передовую. Он ответил: любым

способом пойду. Если не пустят, убью себя. Говорит, руки на себя наложу.

Чуть помедлив, Мехди понижает голос:

— Вообще не нужно с ним разговаривать!

Я смотрю на Расула. Он надел всю амуницию и сидит, глядя прямо перед собой. Он словно объявил войну всему миру. Я хочу подойти к нему и вывести его из этого состояния, и вдруг передумываю. Миновав его, выхожу из палатки.

* * *

Слышно радио: диктор с торжеством рассказывает о количестве сбитых вражеских самолетов. Все взводы выстроились в лагере, и везде слышны команды «равняйся – смирно». Все оставляемые вещи мы свалили в палатке, накрыв их брезентом. Али приподнимает его угол и забрасывает туда свой мешок. И произносит:

— Вперед!

— Ты иди, — говорю я, — я сейчас догоню. Переоденусь только.

Обернувшись возле выхода из палатки, Али говорит мне:

— Только хорошенько прикрой потом от дождя... Иду, ребята!

— Ого, каким красавчиком стал! – слышится снаружи.

— Д-да н-нет, это т-тот же сам-мый Ал-ли. Только се-седло на с-спине с-сменил!

Я надеваю новое белье. Беру письмо домой, которое недавно написал, надеясь с кем-нибудь отправить его с фронта. Всё ненужное складываю

в мешок и сую его под брезент. Палатка теперь пуста; совсем пуста... Фонари по-прежнему висят на балках; на полу набросали рваных бумажек и пустых коробок из-под патронов. Мне кажется, будто в мои вены вливают холодную воду, и этот холод постепенно распространяется по всему телу, вплоть до кончиков пальцев на ногах. Выхожу наружу. Ребята взвода уже построились в колонну по двое, и я занимаю место в ее конце. Али придиричиво спрашивает:

— Брезентом хорошо всё закрыл, дождем не зальет?

— Закрыл, закрыл, — отвечаю.

— Ох, плохо тебе будет, если мой мешок подмокнет! Я предупредил...

— Отстань, дружище...

Асгар бежит к нам от грунтовой дороги. Его длинные ноги одним шагом покрывают расстояние, равное двум обычным шагам.

— Мехди-ага! — кричит он. — Явись к Хусейну! Он покажет ваш грузовик...

Затем Асгар, не сбавляя скорости, бежит во второй взвод. Сквозь пальмовые стволы я вижу вдаль Хусейна, стоящего рядом с грузовиками в окружении связных и радистов. Диктор радио, голос которого разносится по пальмовой роще, читает фронттовую сводку. Не знаю, в состав какого батальона, полка или дивизии входит радиоустановка, но я знаю, что в этой пальмовой роще стоит лагерь много войск. Я видел, как колонна выходила из рощи и грузилась на обмазанные глиной грузовики.

— Взвод, смирно!

Мы пожираем глазами Мехди. Он так же, вытянувшись, стоит перед нами, на его шее – арафатка с белыми диагональными линиями. Командует нам перестроиться в колонну по одному и садиться в грузовики. Гром голосов бьет по ушам: каждый взвод скандирует лозунги:

— Сегодня – время подвига! Сегодня – время подвига!

Среди ребят я замечаю Расула. После того разговора с Мехди Расул ни с кем не сказал ни слова. В полдень он не притронулся к еде, лишь сидел, уставясь в угол палатки, кусая губы, а вены на его шее так напряглись, словно вот-вот лопнут.

— За ребят первого взвода – ура, ура, ура!

Это провозгласил второй взвод, идущий на погрузку параллельно нашей колонне. А Али, шагающий впереди, громко и протяжно выкрикивает:

— За успех храбрецов из второго взвода...!

Потом, помедлив, он чешет кончик носа и говорит негромко:

— Когда вернемся из боя, подумаю, что сказать!

Мы все громко хохочем. Мехди останавливает нас перед обмазанными глиной грузовиками и командует:

— Садимся, соблюдая порядок. Тот, кто первый сядет, принимай вещи следующего сзади и помогай ему взобраться.

С головы колонны начинается погрузка. Из-за грузовика появляется Хейдар. На нем его леопардово-пятнистые курдские шаровары, и при каждом шаге тела его качаются туда-сюда. Походка его

похожа на утиную. Расул повис руками на бортике кузова и ничего не отвечает тому человеку, который сверху спрашивает, нужна ли ему помощь. Хейдар хватается за голени и командует:

— А ну-ка, слезай, паренек!

Расул, повернув голову, смотрит себе под ноги, а Хейдар грубо стаскивает его вниз, повторяя:

— Куда? Ты что, во сне прогулку увидал?

Расул барахтается между небом и землей, а когда Хейдар отпускает его ноги, падает на землю. И, лежа на земле, испуганным взглядом впицается в мои глаза. Взгляд его умоляет о помощи, и я растерянно говорю:

— Ну а я-то что...

Хейдар, схватив Расула мощной рукой, ставит его на ноги и уводит с собой. Они стоят под пальмой, затеняющей палатку третьего взвода, Али говорит мне из кузова самосвала:

— Залезай наверх! Давай, я подтяну тебя!

Он протягивает руку, чтобы схватиться за мой автомат и втянуть меня в кузов. А мне не хочется садиться в машину. Мне всё кажется, что я что-то оставил в лагере. Но что именно? Не могу вспомнить. И я протягиваю вверх свой автомат, и Али тащит за него, а я хватаюсь другой рукой за бортик и запрыгиваю в кузов. Стою у бортика. Бойцы выходят из пальмовой рощи, окружают грузовики и залезают в них. Некоторые садятся на козырек кузова, находящийся поверх водительской кабины; таким образом, они будут ехать спиной вперед. В лагере суетятся, распоряжаются командиры, с ними посыльные, радисты. Громкоговоритель

передает теперь программу радио Тегерана, и все слушают диктора, сообщающего новости с фронта. Канал «Рыбный» захвачен нами целиком, и наши войска закрепились на другой его стороне. Сообщается и количество сбитых вражеских самолетов, но я не могу его уловить из-за криков ребят.

Водители садятся в кабины самосвалов и заводят двигатели. Тот толстый кадровик, теперь с военным рюкзаком за плечами, похож на коня, которого нагрузили тяжелым грузом. Он, переваливаясь, бежит от одной кабины к другой, ища там свободное место, наконец, садится в кабину одного из грузовиков, что стоит впереди нашего. Наш водитель включает передачу, и самосвал медленно трогается. Я поворачиваюсь к палатке третьего взвода: не могу поверить, что Расул не поедет с нами. Они стоят под пальмой, и Расул очень громко что-то говорит: я понимаю это по лихорадочным движениям его рук и губ. Хейдар стоит молча.

— Посмотри на них! – говорю я Али.

Хейдар не делает никаких движений, которые позволили бы понять, как он относится к ситуации. Но, когда он кладет руку на плечо Расула и что-то спокойно ему втолковывает, мне начинает казаться, что с делом покончено. Уныние овладевает мной. Они медленно идут в сторону грузовиков, рука Хейдара лежит на плече Расула, а тот как будто смирился. А не надо бы ему было так легко соглашаться... Я уверен, что, если бы он сильнее настаивал, ему бы разрешили поехать с нами.

Водитель прибавляет газу, и в лагере теперь никого не осталось, кроме тех нескольких человек, которые будут охранять палатки. Хейдар и Расул остановились лицом друг к другу. Хейдар протягивает руку, чтобы попрощаться с ним. Но Расул не обращает на его руку внимания и вдруг поворачивается и бежит к нам. Хейдар на миг замирает на месте, потом решительно шагает следом. А Расул бежит за нами, и я машу ему рукой и кричу:

— Расул! Расул... Мы здесь, мы здесь...

Ребята, которые сидят на полу кузова, не видят происходящего и спрашивают:

— Идет?! Что там?

Расул бежит к нам и протягивает свой автомат. Я хватаю его и втягиваю его наверх, и освобождаю ему место рядом с собой, чтобы он мог тут встать. Чувствую его горячее дыхание. Лицо его полностью изменилось. Губы совершенно высохли и расстресканы, и видно кровавое мясо на их бесцветной искусанной коже. Он дышит как загнанная лошадь, а крылья ноздрей то раздуваются, то сжимаются. Мирза в середине кузова громко провозглашает:

— С-слава рев-волюционер-ру Р-Расулу – ура, ура, ура!

И мы все из самой глубины души громко кричим «ура». Абдулла хватается Расула за подбородок и делает это так искренне, как мог бы сделать только отец, и говорит Расулу:

— Ну вот, парень, ты и сделал свое дело, добился своего?

Расул резким движением освобождает подбородок, и Абдулла смеется и рукой треплет его

волосы. Я прижимаюсь к железному борту кузова: я счастлив. Впереди раздается зычная команда Хадж-Носрата:

— Автоколонна – вперед!

Внезапно я вспоминаю о своем письме и обща- риваю взглядом лагерь. Достаяю письмо и машу им в воздухе, стараясь привлечь внимание одного из остающихся. Он понял меня и успел подбежать, и я отдаю ему письмо со словами:

— Очень прошу, отправь его!

Он кивает. Это мужчина средних лет с волосами с проседью. Самосвалы один за другим прибавля- ют газу. Я хватаюсь за железный бортик. Мы машем остающимся в лагере, и они машут нам в ответ. Гудки машин и рев моторов вздымаются к небу. Кто-то кричит:

— Давайте все вместе прочтем «Айат о троне»¹!

И мы читаем его – большинство по памяти, а остальные – подстраиваясь к ним:

— Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего...

В лица нам бьет холодный ветер. Расул повер- нул лицо к ветру, который треплет его тонкие пря- мые волосы. Али восклицает:

— Пусть Аллах твои руки сломает... — помолчав, продолжает: — Призовем Божью кару на голову Саддама!

Мы так и делаем, и смеемся. Я специально громко хохочу, чтобы и Расул разомкнул свои губы.

¹ «Айат о троне» считается одним из самых сакраль- ных (Коран, 2:255).

Но он не обращает на меня внимания. Один из тех, кто сидит на козырьке кузова над кабиной, парень, который держит в руках пулемет, вдруг громко восклицает:

— Эй, никто не видел мою чеку от гранаты?!

Мы все хором начинаем считать:

— 1001, 1002, 1003, 1004, 1005, 1006... Ба-ба-а-ах!

Валимся друг на друга со смехом. Расул не обращает на нас внимания. Он стоит, подставив лицо ветру, остужая свое внутреннее пламя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ледяной вихрь крутится в кузове. Холод пронизывает до мозга костей. Расул стоит лицом к ветру, и на щеках его – следы от слез. Из носа его течет, но он не обращает внимания. Словно нет вокруг него ни одного человека. У меня такое ощущение, что он с трудом не дает себе разрыдаться.

Я сажусь. Стоять на ветру больше нет сил. Засовываю ноги в спальный мешок и плотно кутаюсь в него. Уже темнеет. Большинство ребят дремлют: монотонное гудение мотора усыпляет. Те, кто поборнее, натянули спальные мешки до плеч и болтают группами в два-три человека. Мирза сидит напротив меня и полуприкрытыми глазами наблюдает за мной. Я прячусь в спальный мешок и стараюсь заснуть.

* * *

Вдали прогремел выстрел или взрыв, от которого я проснулся. Непонимающе смотрю на испуганные лица ребят в кузове и вдруг вспоминаю приснившийся только что сон: в нем мы играли в степи, и Ройя бежала за мной, и я хотел остановиться, но, как ни старался, не мог, и какая-то сила тащила меня вперед, в лес, утонувший в тумане. Схватившись за борт кузова, я встаю. По обеим

сторонам – земляные насыпи высотой с самосвал. Движение на дороге плотное. Встречные автобусы, грузовики светят фарами прямо в лицо и слепят. Впереди движение замедляется. Я с любопытством вытягиваю шею, стараясь разглядеть, что там. И вдруг снаряд со свистом пролетает у нас над головой. Я по свисту пытаюсь проследить его траекторию. В степи прямо перед моими глазами вырастает огненный гриб, а через мгновение долетает и грохот взрыва. Разбуженный этим взрывом солдат спрашивает:

— Где мы?

— Шоссе Ахваз – Хорремшехр, — отвечаю ему.

Я оглядываюсь на ребят в кузове. Выражения их лиц озадаченные и потерянные, а некоторые только проснулись и, по виду, вообще ничего не соображают. На западе – нимб из светящихся огней. Как только потухает один огонь, тут же на его месте вспыхивает другой. Впереди большинство машин сворачивает вправо. На зеленом щите крупно написано: «Шоссе Сефевии». Наш самосвал тоже сворачивает вправо. Его толчки бросают нас вверх и вниз. В свете фар я вижу то, что написали на придорожном щите: «Для подрыва духа противника двигайтесь с включенными огнями». Мой взгляд прикован к ряду машин, которые, словно светящееся копьё, вонзаются в сердце врага.

Мирза закутал голову своим белым платком с рисунком из черных волнистых линий, и видны только его большие глаза. Он натянул на себя спальный мешок, скорчился в нем, прислонившись к стенке кузова. Расул спрятался в спальнике

с головой, но его нервные движения и ерзанья туда-сюда показывают, что он не спит. Я трогаю его рукой за плечо, и он, вздрогнув, высовывает голову из спальника.

— Вставай, посмотри, что делается, – говорю я ему.

С воем над нашими головами проносится снаряд, и Расул бегающими глазами обшаривает черное, полное звезд небо. Я впиваюсь взглядом туда, где взрываются снаряды, освещая бескрайнюю степь; за вспышками следует период тишины, а затем долетает грохот взрыва, выделяющийся среди других шумов. Несколько грузовиков с боеприпасами, сигнали, обгоняют нас. Шоссе затянуто клубами пыли, и в сиянии осветительных ракет возникают причудливые силуэты. Еще несколько снарядов взрываются здесь и там, но в общей адской картине мы на них не обращаем внимания. По краю шоссе идет вперед цепочка бульдозеров и скреперов. Скрежет, с которым они снимают почву, увеличивая высоту насыпей, так оглушителен, что мы не слышим даже друг друга. Расул встал рядом со мной. Движение транспорта замедляется почти до остановки. Впереди на асфальтовом шоссе перевернулся грузовик, кабиной своей перегородив путь. Несколько человек стоят вокруг него. К нему подползает мощный погрузчик и своим ковшом подцепляет его колеса, и сталкивает грузовик с дороги вниз. Грузовик переворачивается, потом и сам погрузчик сползает вниз с шоссе и едет вперед. Движение возобновилось. Навстречу нам несутся санитарные

машины с включенными сиренами. Они либо окрашены в цвет хаки, либо обмазаны глиной. В них полно раненых, которые сидят даже впереди вместе с водителем. Взгляд Расула провожает их. Слева от шоссе начинается земляное укрепсооружение высотой с грузовик. Это как бы широкий капонир, в котором тут и там сделаны углубления, и в них прячутся машины, люди и боеприпасы.

Наш самосвал съехал с шоссе и встал в хвост другим самосвалам. Большинство ребят стоят в кузовах и оглядываются по сторонам. А движение ни на миг не замирает. Вдоль шоссе в сторону передовой идут танки, когда они прибавляют скорость, из-под гусениц летят ошметки глины и земля. Водители их высунули головы из открытых люков, и все их мысли – о том, что впереди.

Асгар бежит к нам от передовых самосвалов. Кричит нам что-то, но мы видим лишь, как он рупором ставит ладони. Тогда он знаками показывает нам спешиваться. Мехди командует:

— Ребята, спешиться! Всем спешиться и всё с собой взять, ничего не оставляйте!

Я отдаю свой автомат Расулу и спрыгиваю из кузова на землю, потом кричу ему:

— Передавай мне, вещи твои передавай мне!

Мой голос теряется в лязге танковых гусениц. Расул отдает мне автоматы, вещи и что-то говорит. Он похож на рыбу, беспомощно трепыхающуюся на отмели. Я знаком показываю ему, что ничего не понимаю. Он переваливается через борт кузова и висит на нем, и тут гремят несколько орудий,

и он отпускает руки и падает на меня. Я еле устоял на ногах. Помог ему подняться и кричу ему в ухо:

— Это наши... Свои орудия бьют!

Глаза его так выпучены, что, кажется, вот-вот выскочат из орбит. Руки его дрожат, и всё же он жестом спрашивает:

— Где они?

Я хочу указать ему на укрепсооружение, но в этот миг вспышка освещает его лицо и раздаётся такой грохот, что мы все валимся на землю. Невольно мы скатываемся вниз от шоссе и, скорчившись, ищем какое-нибудь укрытие. В ушах у меня звенит. Мирза присел возле самосвала и оглядывается вокруг с таким видом, словно ждет нового взрыва. Водители танков прячут головы в люки. Проезжают с сиренами санитарные машины. Сердце мое колотится быстро, хотя я еще не понял, что произошло. Расул, тронув меня, показывает наверх. Масуд с перекошенным лицом что-то кричит. И опять мне вспоминается рыба, разевающая рот насуше.

— Всем... Наверх... Поднимайтесь...

Мы поднимаемся и на четвереньках ползем на шоссе. Я вижу Абдуллу, который, держа свой пулемет, на корточках присел возле колеса самосвала.

— В колонну... Стройся...

Мы встаем, но еще не начали строиться, как вдруг пространство и время исказилось. Грохот одной за другой ракет бьет по моим барабанным перепонкам. И вновь мы с шоссе скатываемся вниз и напрасно ищем какое-то убежище. Убежища

для нас нет. Мы как испуганное стадо, в которое ворвался волк. Кто-то хватает меня за голень и сильно сжимает ее. Я прижимаюсь щекой к земле и жду, пока ракетный обстрел стихнет – после этого слышен лишь лязг танковых гусениц да команда, которая вновь зовет на шоссе.

— Наверх! Стройся...

Мы выбежали наверх и еще не успели сформировать колонну, как Масуд командует двигаться вперед. Мы бежим на ту сторону шоссе и там невольно приседаем под защитой укрепсооружения. Масуд кричит:

— За мной! Там не сидеть!

Отчасти мы присели инстинктивно, но и от страха тоже, от чувства безысходности. Приходится, однако, встать и, согнувшись в три погибели, идти за ним. Все взводы кое-как построились и перешли шоссе, но колонны их смешались. И Масуд очень громко кричит, чтобы восстановить порядок:

— Всем сюда! В щель! Первый взвод...

Мы все прыгиваем в длинную щель, являющуюся частью укрепсооружения. Все молчат. Мы все обливаемся потом, сидим, скрючившись. Я не знаю, почему мы так быстро вспотели, ведь не было ни долгого марша, ни бега. Мехди стоит наверху, собирая отставших, потом подходит к спуску в траншею и командует:

— Прижмитесь к тому концу, всем сдвинуться плотнее!

После этого в траншею вваливаются еще несколько человек, пытающихся отжать нас в ее конец.

Один из них бежит по головам и плечам сидящих в траншее и так добегают до ее конца. Никто не протестует, словно у нас вообще нет ни языков, ни умения говорить. Открывают огонь наши орудия: словно сотни фотографов быстро-быстро делают снимки со вспышками. В этих всполохах я всматриваюсь в лица ребят в траншее и вижу, что они все, как приговоренные к смертной казни, уставились на небо. Их выражение лиц потерянное, сбитое с толку, словно они попали в какой-то неизвестный, пугающий мир. Лишь грохот доказывает, что этот мир все-таки населен людьми. Мехди негромко командует:

— Ребята, читайте намаз!

Кто-то спрашивает, всё еще с дрожью в голосе:

— А где вода?

— Сухое омовение¹, — отвечает Мехди.

— А может, из фляги водой воспользуемся?

— Нет, — отвечает Мехди. — Воду беречь. Позволено сухое омовение.

...И при этих его словах мы как-то вдруг понимаем, что мы живы и что мы — друзья друг другу. И в этих всполохах взрывов, и в свете фар машин, едущих по шоссе, мы можем взглянуть в глаза друг

¹ Сухое омовение (таяммум) — в исламе очищение песком или специальным камнем, совершаемое в особых случаях вместо омовения водой, например, при отсутствии поблизости воды, при малом количестве питьевой воды, опасности заражения ран сырой водой, нехватке времени для чтения намаза. Для таяммума используют сухую землю, пыль, известь, гипс и т. п.

другу и увидеть товарища, и понять, что мы – спасение друг для друга.

— Двигайся сюда, я тебе место освободил!

— Чуть-чуть сдвинься, хорошо?

— Мирза! Мирза...

— Нет, ну ты видел? Ну и зрелище...

Я опускаю руки на землю для совершения сухого омовения. Свои солдатские ботинки, автомат и портупею я сложил в одну кучу, чтобы не потерять. Смотрю на небо, пытаюсь определить направление на киблу, и Мехди говорит:

— В сторону конца траншеи, чуть правее.

Перед моим лицом Расул встает на намаз. Я жду, пока он закончит. В этом незащищенном мире мы искали защиту, и вот нашли Его и положили голову на Его грудь, и Он окружил нас друзьями.

Я приступаю к намазу.

* * *

Мы потеснее расстилаем спальники и залезаем в них. С одной стороны от меня лежит Абдулла, с другой Расул, он ворочается и крутится в своем мешке. Машины со снарядами всё так же едут в сторону передовой, словно пытаются и не могут заполнить бездонную брешь. Санитарные машины едут в тыл и, попадая в заторы, включают сирены. Тут не город, где одна скорая на одного больного, тут напихивают столько раненых, сколько влезает, лишь бы дверь закрылась.

Перед траншеей слышится голос Мирзы:

— М-мое м-место в конце ок-копа – к-как мне

п-пройти туда?

Кто-то возмущенно ему отвечает:

— Не надо было выходить, а теперь, когда все легли, хочешь пройти?

— Эт-то ты м-мне? – спрашивает Мирза как бы с удивлением.

В спор вступает третий голос, и я узнаю Али – он только что пришел.

— Да, это он тебе! – подтверждает Али.

Тогда Мирза отходит на некоторое расстояние. В свете автомобильных фар он принимает картинную боевую позу, потом разбегается и прыгает на нас. Люди в окопе кричат единым криком и сжимаются. Мирза бежит по нашим головам в конец окопа. И громко кричит:

— Я не т-только вас по-поубиваю, я т-так это сделаю, что вы в м-могилах са-саваны об-бгадите!

Али отвечает:

— А я желаю тебе попасть в плен к такому человеку, который проткнет тебя насмерть своими усами!

— Н-не дож-ждешься! – ворчит Мирза, укладываясь в свой спальник.

Я вновь закрываю глаза, заметив перед тем, что Расул перестал ворочаться. Дует холодный ветер. Али – судя по голосу, он всё там же, в начале нашей щели, которую мы лишь из вежливости называем траншеей – говорит:

— Братец... Братец Насер, дорогой!

Он намеренно произносит это детским голоском.

— Что такое, я здесь, — отвечаю я.

Али осторожно ставит ноги так, чтобы ни на кого не наступить, и пробирается ко мне.

— Где ты, братец мой дорогой?

— Ага! Припекло тебя! – говорит Масуд.

Али подошел ко мне и продолжает:

— Пока у меня есть братец Насер, меня припечь ничто не может...

— Так что случилось-то? – спрашиваю я. – Чего вдруг «братец, братец»?

— Не слушай его, – говорит Масуд, – он совсем совесть потерял.

Внезапно прорезающие небо ракеты «катюш» своим воем перекрывают все прочие шумы. Земля со стенок осыпается нам на головы. Все высунулись из спальных мешков и провожают взглядами светящиеся в небе стрелы ракет.

— Братец мой, красавчик, дело такое: у меня спального мешка нет...

— Как нет? В такой холод?

Я невольно сажусь. А он продолжает:

— Братец мой! Одна ночь это ведь не тысяча ночей, поспим с тобой вдвоем в одном спальнике, а?

— В одном спальнике?! – переспрашиваю я.

— Ну да, – отвечает он. – А что такого?

Мне вдруг очень хочется его задушить. Расул быстро садится и спрашивает меня:

— А где батальонный каптенармус? Пойдем получим еще мешок и быстренько принесем.

— Спи знай, – говорю я ему. – Каптенармус тут мешки не выдает, ты забыл, где мы?

Али ложится рядом со мной, а я всё еще не верю ему:

— Дорогой мой, двоим ведь не полагается в одном мешке!

— Но ведь не все тут братья, как мы с тобой, — не сдается Али. — Мы-то вдвоем поместимся, разве нет?

И он залезает в мой мешок.

— Ну вот, — говорю я. — И как теперь застегнуть молнию?!

— Ты туда лицом ляг, я сюда! Ну вот... Ага-Абдулла, застегни молнию, будь добр.

Абдулла приподнимается, застегивает молнию и плотно нас упаковывает. И мне уже не пошевелиться.

— Да покарает тебя Аллах, — говорю я. — Что ты со мной творишь?

Он смеется, и я вынужден колыхаться в такт. Но веки мои постепенно тяжелеют. Артиллерия с обеих сторон ведет свою дуэль, но мы не обращаем внимания. Окоп дает нам безопасность, а спальники — тепло. Кстати, что сейчас там делают Ройя и Мустафа? Я согрелся, и вот все мысли исчезают...

* * *

Кто-то тихонько толкает меня и зовет. Я открываю глаза и пытаюсь потянуться, отчего молния мешка расстегивается. Теперь хоть вздохнуть можно. Таращась в темноту, спрашиваю:

— Кто это? Что тут?

— Ага-Насер... Насер...

Сонная одурь некоторое время довлеет надо мной, и всё же я узнаю голос Расула. Я сажусь и смотрю на него. Изо рта его идет пар, и в свете автомобильных фар это выглядит так, словно передо мной усталая лошадь.

— Давай... Выйдем! Прошу...

От холода я дрожу. Он хватает меня за рукав и тянет.

— Да что такое? Куда?

Всё же он меня поднял и тянет к выходу из окопа, причем я ясно чувствую нервную дрожь его рук. Говорю ему:

— Осторожнее, я иду... Э-э, не тащи так...

Он почему-то не слушает меня, но тащит изо всех сил. Мне приходится наступать на ребят, но они словно уже привыкли к этому и даже не высываются из спальных, кричат и поворачиваются на другой бок, и вновь засыпают.

И вот Расул вытащил меня из окопа.

— Ну? Что случилось, говори!

Грузовики всё так же едут в одну и в другую сторону. На передовой продолжается перестрелка, и издали слышны взрывы снарядов и ракет.

— Что-то... что-то... что... Страшно!

Его голос прерывается. Не понимаю, от холода его колотит или от страха, или еще от чего-то.

— Да что случилось-то, что? Почему страшно?

В свете фар я вижу напрягшиеся жилы его шеи; он дрожит словно ива на ветру. И вновь блик света. И я вижу еще и капельки пота, сверкающие на его коже, словно тысячи алмазов.

— Там... Что-то...

Но ему ничего не выговорить. У него начинаются судороги. Я усаживаю его, беру кусок мешковины и закутываю его. Вдруг страх его передался мне. Я спрашиваю:

— Да что с тобой? Ты заболел, наверное, а?

Он изо всех сил пытается что-то сказать:

— Та... та... Аллах свидетель... Аллах...

И голоса нет у него больше. Я плотнее заворачиваю его в мешковину, закутываю и голову его. Он обхватил кленки и весь сжался, он стал словно рука, сжатая в кулак. Я встаю и возвращаюсь в окоп, чтобы принести флягу.

— Что там? — Абдулла приподнимается со своего места. — Случилось что-то?

— Нет, спи себе. До утра далеко еще.

Я вновь вылезаю из окопа и подношу флягу к губам Расула. Он не пьет, отталкивает мою руку. Я говорю таким голосом, который ободрил бы его:

— Спокойно скажи мне: что случилось? — Он дрожит, и я сжимаю его плечи: — Всё в порядке, не бойся.

Постепенно он успокаивается, а я вдруг понимаю, какой именно сон ему приснился. Видимо, он вступил в новый для него мир, он впервые настоящему стал взрослым. Я заставляю его встать, но он не может идти. Ноги его будто свело. Однако я беру его под руку, и мы медленно идем с ним вместе. Не знаю, как мне объяснить ему то, что с ним произошло. Я веду его к цистерне с водой, которая находится подальше, возле шоссе. Я усаживаю его у стенки укрепления, нахожу пустую жестянку и наполняю ее водой. Зову Расула. Он подходит ко мне, и мы, обогнув укрепление, находим остатки дерева, которым укрепляли окопы, и разводим костер. Я грею воду. Не знаю, как начать разговор с ним...

* * *

Там, в отдалении, кто-то встал на крыше капонира и призывает к утреннему намазу. Огонь с обеих сторон утихает. И еще кто-то поет азан: их голоса сливаются. Мы с Расулом сидим недалеко от того окопа, где спят ребята нашего взвода. Расул сидит в своем спальном мешке, и я вижу, что он руками охватил сам себя за бока. Волосы его еще мокрые.

— Я пойду к цистерне, — говорю я, — совершу омовение и вернусь.

— Подожди, я тоже пойду! — он вылезает из мешка.

— А тебе зачем? Тебе не нужно омовение.

— Как это? — спрашивает он удивленно.

Я не знаю, как объяснить ему, что тот, кто совершил полное ритуальное омовение¹, не нуждается в омовении для намаза.

— Ведь я не делал сухого омовения! — настаивает он.

— Говорю тебе: не требуется! — в сердцах повторяю я и больше ничего ему не объясняю, ухожу к цистерне. Я слышу голоса ребят в окопе, они спрашивают, нужно ли омовение водой, и Мехди им отвечает, чтобы воду из фляжек берегли, а омовение делать песком. Я ухожу и вижу, как несколько ребят все-таки выскакивают из окопа с флягами в руках.

Когда я возвращаюсь, меня оглушают наши орудия, начавшие свою размеренную стрельбу. Слабая зоря сменяется рассветом. Но небо еще темновато;

¹ Омовение обязательно после полового акта.

можно сказать, что свет притемнен остатками ночи. Ребята нашего взвода читают намаз, голоса их дрожат, а слова выговариваются с трудом. Масуд – единственный, кто открыто стоит наверху, все остальные читают намаз в окопе. Мирза, увидев мои засученные рукава, спрашивает:

— Т-ты ом-мовение со-совершил?

— Ну да, вон там есть цистерна с водой.

Я указываю ему направление, но он отворачивается от меня.

— М-Мехди-ага с-сказал, песком п-позволяется.

Такое проявление лени заставляет меня улыбнуться. Стоя в окопе, Мирза начинает читать намаз. Я встаю рядом с ним. Несколько санитарных машин, с сиренами, едут в тыл. Мехди кричит:

— Далеко никому не отходить, всем иметь при себе противогазы! Никому без противогаза не ходить!

* * *

Небо закрывают облака, белые и пепельного цвета. Солнце только взошло и лишь изредка показывается, потом опять скрывается за облаками. Наша артиллерия работает безжалостно – а мы все уже привыкли к ее грому и понимаем, что эта стрельба для нас неопасна. Мехди посылает одного бойца за завтраком, а мы все сидим в нашем окопе. Он уже принял обжитой вид с оттенком беспорядка. Мы ждем: что же нам принесет первый фронтовой день?

Слышится гул самолета. Как по команде, мы все прекращаем разговоры, встаем и смотрим в небо.

Все смотрят в разные стороны, а самолетный гул то нарастает, то теряется в реве машин на шоссе. И вот кто-то кричит:

— Вон он! Вон...

Пытаясь проследить за направлением его руки, мы шарим взглядом по облакам. И вот ниже облаков появляется самолет и быстро проводит черту, отделяющую юг от севера. Гремят зенитки. Еще один самолет белого цвета появляется из одного облака и скрывается в другом. Зенитные снаряды взрываются в небе, испещряя его белыми клубочками. Несколько человек подбегают к окопу. Расул стоит в окопе, не отрывая от неба свои изумленных глаз. Его состояние непонятно мне, а зеленый цвет его глаз как-то помутнел.

Вражеские самолеты заложили в воздухе вираж и вскоре исчезли вдаль. Но несколько зениток всё еще продолжают огонь. Посланный за завтраком несет его бегом, и вскоре Масуд начинает передавать нам хлебные лепешки с сыром. Расул спрашивает меня:

— Как думаешь, сегодня пойдем в бой?

Не знаю, почему он это спросил.

— Неизвестно, — отвечаю ему. — Может, и пойдем.

Он жует лепешку. Перед нами проезжает санитарная машина с включенной сиреной, а Расул жует и жует, и никак не может проглотить.

Незнакомый военный подбегает к окопу и кричит:

— Всем иметь с собой противогазы! Без противогазов никому не выходить...

Вчера по радио объявили, что противник применил химические бомбы. Тот, кто объявил нам о противогазах, лишь на миг задержался у окопа и побежал дальше. Раньше я его никогда не видел.

— Химические бомбы – это как? – спрашивает меня Расул.

Звук самолета не дает мне ответить. И еда в глотку уже не лезет. Мы все проверяем противогазы. Один из парней, кто был наверху, спрыгивает в окоп и указывает в небо:

— Вон он! Вон...

Самолет пикирует на нас из-под облаков. Али кричит:

— Вон еще один. С другой стороны!

Действительно, мы видим еще один самолет. Он белый, и под его брюхом блестят бомбы. Он пикирует на нас с таким ревом, от которого захватывает сердце, мы невольно приседаем. Единственное наше укрытие – этот окоп. Самолет пролетает у нас над головами и сбрасывает бомбы дальше в тылу – земля содрогается от их взрыва. Чей-то голос слышится сверху:

— Ого! По шоссе попал!

Мы еще не остыли от прежнего самолета, как над головами у нас пронесется новый, с таким свистом, словно алмаз режет стекло. Мирза закрыл уши и сердито на меня смотрит. Эти бомбы упали впереди нас неподалеку и не взорвались: после их удара о землю грохота мы не слышали. Тишина, вернее, только шум машин, безостановочно едущих по шоссе. И вот мы выглядываем из окопа, словно мертвецы из могилы. Впереди

по земле расстилается облако молочного цвета, и ребята начинают высказывать догадки:

— Химоружие, газы.

— Нет, друг мой, это фосфорные. Ими показывает следующему, где бомбить.

— Но фосфор легче воздуха, поднимается, а это по земле ползет.

Из белого облака выскакивают люди и бегут прочь. Вдруг я чувствую сильный запах чеснока, и все вокруг кричат:

— Газы! Химия!

Начинается паника. Я задержал дыхание и достаю и надеваю противогаз. Плотно натягиваю его ремешки на затылке. Сердце бешено стучит. Оглядываюсь вокруг: в противогазах все стали неузнаваемыми. Некто, стоящий лицом к лицу ко мне, глухим голосом говорит:

— Не могу дышать!

Я открываю крышку его противогаза, и он глубоко вдыхает и пытается разглядеть, где было это закрытое крышкой отверстие. Нас накрывает белое облако, потом начинает редеть, а перед окопом появляется Хейдар. Он в противогазе, но я узнаю его по фигуре. Глухим голосом через маску он кричит нам:

— Никому не снимать противогазы без команды, ясно?

Мы киваем, и он уходит. Некоторые из нас сидят, другие стоят, все в ожидании. Мы не узнаем друг друга, разве что, если громко крикнуть свое имя. Расула я узнаю по тщедушной фигурке.

152 В маске жарко, лицо горит, и пот течет вниз и

просачивается на шею. Стеклышки запотели, и вокруг почти ничего не видно. Сижу, прислонившись спиной к стенке окопа.

Машины продолжают идти по шоссе, и водители их без противогазов. Масуд снимает свою маску. Мы ждем, что с ним будет, а он глубоко вздыхает и объявляет:

— Запаха нет!

Снимаем противогазы и наполняем легкие холодным свежим воздухом. Мне дышится легко, лицо мокро от пота, волосы слиплись и пахнут противогазной резиной.

* * *

На шоссе выстроились пикапы «Тойота». Их водители из разрезанных противогазов сделали себе очки. Асгар передает всем взводам команду приготовиться, и наш окоп приходит в движение. Под напускным спокойствием ребята прячут громадную тревогу. Некоторые раскраснелись. Один парень, уже в полной походной выкладке, стоит в окопе и грызет ногти. Мехди командует:

— Кто готов – строиться перед окопом. Ничего не оставлять!

Ребята второго взвода от своего окопа перешли к нашему и здесь строятся. Абулфазл бегаёт среди них как насадка среди цыплят, закрывая их то крылом, то грудью. Не слышу, что он говорит, видимо, командует готовность. Абдулла стоит с пулеметом на плече: совсем не смотрится пулемет в руках этого пузатого человека. А патроны в лентах, перебранных на его груди, ярко блестят на солнце.

— Всем, кто готов, — кричит Мехди, — строиться в затылок Абдуллы!

Я вылезаю из окопа. Али стоит в строю и ведет какую-то дипломатическую пикировку с Абулфазлом. Вот оба взвода стоят бок о бок и ждут команды, и из колонны второго взвода кто-то кричит:

— Для здоровья ребят первого взвода...

А дальше они продолжают хором:

— ...обратитесь к врачу-педиатру!

И хохочут все вместе. Это их ответ на ту шуточную молитву, которой мы их угостили в лагере. Они довольны, но Али и Абулфазл сходятся в поединке. Абулфазл, напрягаясь, так, чтобы все слышали, громко произносит:

— Эх, хаджи дорогой... Тебе и невдомек, что у меня пистолет – это 106-миллиметровая пушка!

Али, склонив к плечу голову, громко нараспев отвечает:

— А тебе и невдомек, что один мой глоток – это всё Каспийское море!

Чтобы унизить второй взвод, мы специально громко хохочем.

Абулфазл выписывает кистью руки замысловатую фигуру и отвечает:

— А тебе и невдомек, что мне задремать – это как семи спящим отрокам¹ проспать века!

Второй взвод громко хохочет, а Али делает вид, что не находит слов, и медлит. Потом вдруг заявляет:

— А тебе и невдомек, что танковая башня – это мой банный тазик!

¹ Семь спящих отроков упоминаются в Коране (18:22).

Абулфазл ни секунды не медлит:

— А тебе и невдомек, что пески пустыни Каракум — это я отряхнулся?

Второй взвод покатывается от смеха, держась за животики и указывая на нас пальцами. Тогда Али прибавляет своему голосу грубой басовитости:

— Дружище! Но тебе невдомек, что гром орудия — это ... мой свист?

Абулфазл, оглянувшись на своих, парирует:

— Может, и так, но ведь тебе невдомек, что Всемирный потоп — это я... плюнул!

Али делает вид, что сражен и не находит слов. Второй взвод уже задрал носы и смотрит на нас глазами победителей. Ждут, что мы признаем поражение. Но Али, подняв голову, вдруг смотрит на Хейдара, который подошел и слушает поединок. Одной рукой Али подбоченивается, другой указывает на Хейдара:

— Ну, получай! Ведь тебе невдомек, что шаровары Хейдара — это всего лишь мои трусы!

Взрыв смеха нашего взвода звучит одновременно с близким орудийным залпом. Хейдар мгновение медлит, потом бледная улыбка трогает его губы. А Асгар за его спиной беззвучно помирает со смеху.

Подбегает Гасем – батальонный связной – и передает Хейдару какую-то команду, указывая на «Тойоты». Первые три «Тойоты» — для первого взвода. И наш батальон колоннами переходит шоссе и садится по машинам. Мехди рассаживает нас: я хотел ехать вместе с Али и Мирзой, но Мехди остановил меня:

— Хейдар приказал тебе – в первую машину.

Я сажусь. Гром самолетов в небе заставляет всех поднять головы. Хадж-Носрат едет на машине вперед вдоль цепочки «Тойот». Волосы его сдувает назад ветер, а антенны раций торчат из его машины как копыя. Проезжая мимо нас, он кричит Хейдару: — Ехать за мной!

Хейдар садится рядом с водителем, а Асгар закидывает свои длинные ноги в кузов рядом со мной. Машины трогаются, и я вижу пузатого кадровика возле укрепсооружения, с банкой компота в руках. Он словно вовсе не интересуется тем, что его однополчане отправляются на передовую: вообще на нас не смотрит.

Мы едем вперед и проезжаем мимо орудий, выстроившихся вдоль дороги и стреляющих поочередно. А вот «катюша» выпускает в небо весь свой ракетный комплект – гром такой, словно кто-то бьет в гигантский барабан.

Движение на шоссе плотное в обе стороны. Грузовики везут боеприпасы, продукты, солдат, увешанных оружием и снаряжением. Некоторые поют хором, другие жадно смотрят по сторонам, вбирая в себя зрелища войны: картины убивающих и убиваемых. Наш батальон едет всё той же автоколонной, впереди – машина Хадж-Носрата. В нашей «Тойоте» тесно, и мы сидим чуть ли не друг на друге. Рядом со мной Асгар держится за борт кузова. Лицо его вдруг скривилось: в нос ударил запах гнилой рыбы. Воздух тошнотворен, и Асгар двумя пальцами зажимает нос и смотрит на меня. Я смеюсь, и тогда он еще сильнее морщится и отворачивается.

Сворачиваем налево, на шоссе, в котором полно выбоин. Справа от нас – укрепрайон, в котором мы видим много орудий.

— Откуда столько пушек повезли? – вопрошает Асгар.

Повсюду разбросаны пустые зарядные ящики, золотистые снарядные гильзы блестят на солнце. Каждый из артиллеристов занят своим делом. Они разделись до нижних рубашек, что удивляет меня в такой холод. Пушка стреляет, и ствол ее вибрирует. Тут же отдается приказ, и дергают за шнур другой пушки, и она тоже стреляет. От этого грома нас встряхивает с головы до пят. Мы еще не пришли в себя от этих выстрелов, а позади насыпи взрывается вражеский снаряд, и к небу вырастает гриб из огня и дыма. И ветер тянет на нас этот черный дым. Навстречу нам едет грузовик, осевший на задние колеса. Когда мы разъехались, я вижу, что он нагружен трупами. Из его кузова обильно капает кровь, разделяя проезжую часть надвое красной чертой. Он подпрыгивает на выбоине, и один из трупов наполовину выпадает из кузова, а солдат, лежавший на трупах, приподнимается и кричит. Я только сейчас понял, что это живой человек, распластавшийся на убитых для того, чтобы не выпасть из кузова. Грузовик поворачивает вправо, и труп все-таки вываливается. Двое возвращаются за ним и, подхватив его за руки и за ноги, уносят за поворот шоссе.

По обеим сторонам нашего шоссе теперь вода, и Хейдар говорит, обернувшись:

— Вот это и называют каналом, или озером, «Рыбным».

Из этой воды торчат электрические столбы. Рядом с дорогой много колючей проволоки и бетонированных окопов. Хейдар добавляет:

— Отсюда начали наступление.

Воздух так наполнен рыбной вонью, что она физически давит на тебя. От этого зловония мой желудок корчится в спазмах. Мертвая рыба плавает белыми брюхами вверх, и эти белые пятна уходят к горизонту, насколько хватает глаз. Воздух липкий, отвратительный.

Движение остановилось. Рядом с шоссе бульдозер сравнивает с землей окопы, чтобы расширить дорогу. И машины по одной проезжают мимо него. Когда мы минуем бульдозер, я замечаю торчащие из окопа ноги трупа, голова которого мне не видна. Бульдозер своим лемехом разравнивает окоп, превращая в месиво мешки с песком. И, сколько я ни вглядываюсь, не вижу, что стало с тем трупом. Шоссе поворачивает: оно теперь идет вдоль высокого укрепсооружения, в котором много окопов, а в них видны наши солдаты. На обочине шоссе – еще один труп, по остаткам его зеленой пятнистой формы я понимаю, что это вражеский солдат. Колеса машины столько раз переехали его, что от него мало что осталось. Я вздрагиваю, и меня тошнит. Рот наполняется слюной. Я зажимаю рукой горло и подставляю лицо ветру, чтобы не вырвало. Асгар, который думает, что это от рыбной вони, спрашивает меня:

— Что с тобой?

Ответив ему гримасой, я начинаю смотреть вдаль, на водную гладь и на летающих над ней птиц, пытаюсь отвлечься от того, что видел. Один солдат нашего взвода, парень с лицом в пятнах экземы, вдруг хватается за бортик кузова и свешивается наружу, чтобы его вырвало, но из внутренностей его ничто не выходит. Я хватаю его за плечи, чтобы не выпал из кузова. Лицо его пожелтело, а глаза вращаются в орбитах. Я и забыл о своем состоянии: втаскиваю его обратно в машину. Он обеими руками держится за живот и сидит, повесив голову. Сую ему фляжку:

— Выпей воды!

Он берет ее дрожащей рукой, пьет, и вода течет ему на шею. Теперь ему лучше, хотя лицо всё того же больного цвета.

В озере взрываются снаряды или мины, посылая к небу целые фонтаны. Колонна замедляет ход. Шоссе здесь узкое, а движение в обе стороны. Кое-где вода заливает шоссе. Вражеский обстрел усиливается: мины рвутся и в воде, и на дороге. И мы сидим, вцепившись в бортик кузова, беззащитные. Только сгибаемся больше и прячем головы, когда мина рвется близко. Я сижу спиной наружу, и при взрывах спину мою словно током пронзает: ведь случайного осколка достаточно... Вдруг из укрепления вырывается сноп пламени, один язык которого чуть не достает до меня; дым и взрывная волна едва не выбрасывают меня из кузова. Мы все валимся на дно кузова и друг на друга. Один боец, опершись на меня, ловко выпрыгивает из «Тойоты» и бежит к укрепсооружению. Там сидит раненый:

он двумя руками зажал лицо, и между пальцев его течет кровь, вся его гимнастерка окровавлена. Тот, кто выпрыгнул из машины, – военный медик, у него с собой медицинская сумка. И еще несколько человек подбегают туда, где прогремел этот взрыв. Медик отнял руки раненого от лица, наложил марлю и начал бинтовать. Из передней машины спешил Гасем и кричит нам:

— Выйти из машин! Выйти всем из машин!

Мы торопливо соскакиваем на землю. Еще мины рвутся в воде. Хейдар кричит:

— Стройся в колонну!

Мы как бы укрываемся между насыпью и теми машинами, которые нас привезли. Торопливо уносят раненых, и свидетельством их ран остаются лишь свежие пятна крови. Наш взвод пытается построиться, но мины рвутся одна за другой. Одна из машин загорелась. Мы в полной растерянности и уже не надеемся выжить. Без предисловий, внезапно на нас навалилась война, а мы словно связаны по рукам и ногам.

Бегом приближается Асгар. Его длинные тощие ноги сгибаются во все стороны, колени словно на пружинах. Кричит во всю глотку:

— Вперед! Не стоять на месте!

От его вопля делается еще страшнее. Мы – колонной – бежим бегом вперед, а Асгар передает мне приказ:

— Пробирайся вперед! Хусейн тебя вызывает...

Обгоняя колонну сбоку, я бегу вперед, тут взрывается еще одна мина, и я бросаюсь на землю, но, до того, как упал, вижу, как из окопа в воздух

вырывается дым и летят вверх земля, камни и какие-то обломки. Кто-то визжит. Не останавливаюсь посмотреть, что там. Бегу вперед. Вот я уже впереди колонны, Хусейн бежит таким образом, чтобы ребята от него не отстали. Я подбегаю к нему, чтобы он меня заметил. Между тем, он заводит нас всех сначала под укрытие насыпи, а затем мы все вваливаемся внутрь укрепсооружения. Но дорога нам видна, вода ее размыла, и машины буксуют. А дальше вообще дорога ушла под воду, однако здесь поставили два гусеничных бронетранспортера таким образом, чтобы из них сделать мост. По ним солдаты перебегают туда, где опять шоссе выходит из воды. А дальше шоссе тянется по озеру, и кружат белые птицы в небе, и то и дело взрываются в воде мины. На броне одного транспортера стоит Хадж-Носрат, на голове его – черная головная накидка. Потное его лицо блестит на солнце. Он трет виски, ожидая, пока мы подбежим к нему. Вокруг него – связные и радисты. Он командует:

— Хусейн! Поставь тут одного из взвода, пусть за руки ребят тянет наверх. Колонне на шоссе не стоять, бежать бегом в следующее укрепление.

— Понял, что делать? – говорит мне Хусейн. — За руки тащи своих наверх, когда подойдет второй взвод, скажешь, чтобы делали так же, и догоняй своих.

Хадж-Носрат наблюдает, а я, встав на броне, хватаю за пулемет Абдуллу и втаскиваю его наверх. Следующий – Расул. Схватив его за запястье, я вытягиваю его наверх, легкого как соломинка. Он весь в смятении, но старается не отстать от Абдуллы.

С шелестом над головой у нас пролетает ракета. Мы все пригибаемся, но она падает в воду вдалеке и не взрывается, а как бы пускает пузыри, словно вода закипела. Расул на четвереньках догоняет Абдуллу. Потом я хватаю за руку Масуда и тащу его наверх. Так по одному проходят все, и вот уже появляется первый боец из второго взвода, которому я говорю:

— Хватай своих ребят за руку и тащи наверх.

Не дожидаясь его ответа, я сам пробегаю по этому мосту из двух бронетранспортеров и спрыгиваю на шоссе, которое тянется дальше посреди воды. Наша колонна рысцой убежала далеко, и я бегу, догоняя. Чуть отбежал от транспортеров – новая мина, и я падаю плашмя. Вновь вскакиваю и бегу, что есть сил. Наша амуниция так бренчит по телу, что это похоже на цоканье копыт лошадей на всем скаку. Навстречу, сигналив, едет пикап «Тойота». Колонна берет в сторону, пропуская ее. Я вижу, что кузов полон раненых.

От бега воздух кажется горячим и словно дерет легкие. Я задыхаюсь. Добегаю до бойца, лежащего, прижав к груди автомат. Думая, что он ранен, присаживаюсь рядом, но вижу, что он просто выдохся от бега. Ноздри его трепещут, а грудь ходит вверх-вниз, как у раненой птицы. Схватив его за шиворот, я ставлю его на ноги и кричу ему в лицо:

— Беги бегом, здесь не оставайся! Дорогу простреливают!

Он смотрит на меня умоляюще, а я тащу его за собой. Пробежав несколько шагов, отпускаю его и вижу, что он, как машина, которую завели

«с толкача», побежал вперед сам довольно ходко. И я бегу и молюсь, чтобы не попало миной.

Я пробежал с полкилометра. Вдали показалось следующее укрепление, вижу в укрытии насыпи окопы, и в них сидя наши пехотинцы. Наша колонна из последних сил бежит по шоссе. Я уже так выдохся, что понимаю: головы колонны мне не догнать. Особенно выдохлись те, кто несет тяжелое оружие: пулеметчики и гранатометчики. Они шагаются на бегу как пьяные и, подняв головы к небу, будто хотят заглотить весь кислород вселенной. Падает мина, и они валятся на землю. А встают потом не все: некоторые остаются лежать, чтобы отдышаться.

Я весь мокрый от пота и не знаю, добегу ли до укрепсооружения, прикрывающего шоссе. Впереди стоит Хейдар, выглядящий так, будто искупался в озере: мокрый насквозь, и с носа капает. Обес-силенно указывает нам на укрепсооружение и говорит, чтобы обогнули его справа и двигались дальше. Если бы не было этого свиста мин, то мы могли бы даже почувствовать себя в некоторой безопасности. Но мы так выдохлись от этого бега, что плохо соображаем, а к тому же и свист всё новых мин рвет душу на части. Голова колонны сворачивает вправо. В окопах полно солдат, все они смотрят на нас. Вдоль насыпи интенсивное движение взад-вперед превратило почву в болото, и мы еле вытаскиваем ноги. Те, кто сидит в окопах, пытаются нас подбодрить:

- Ура добровольцам!
- Не унывай, ребята!

- Добро пожаловать вновь прибывшим героям!
- Звони в колокола!
- Дружище, не упави только! Пусть лучше враг упадет к твоим ногам!
- Давай-давай, герои, немного осталось, Аллах поможет!

Наша рота вся перемешалась и стала похожа на раскатившиеся бусинки разорванных четок. Я никого из своих не вижу. Вроде бы теперь мы добежали, и можно бы найти своих, но не нахожу. Иду вперед и вижу, что там стоит Мехди. Ребята нашего взвода начали копать окопы, и Мехди говорит мне:

— Нам надо вырыть здесь окопы, мы пока здесь остаемся.

Али втыкает штык в склон укрепсооружения и выворачивает землю. Увидев меня, восклицает:

— Иди сюда! Иди окоп копать.

Рядом с ним копают свой окоп Расул и Абдулла. Я подхожу к ним, но они не обращают на меня никакого внимания. Словно кроме этого окопа для них ничто не существует. Пот льется с них, а Расул прямо в безумной ярости взрывает своим штыком каменистую землю. Я снимаю амуницию и начинаю копать свой окоп. Обманываться затишьем нельзя: противник начинает стрельбу внезапно. Я выбрасываю землю из ямы так, чтобы сделать из нее бруствер. Выкопал всего ничего, а уже задыхаюсь, и пот течет из малейшего отверстия в моем теле, но я не прекращаю работу. Ни секунды не стою без дела. Нельзя медлить. Поднимая штык, вздымаюсь всем телом и всем телом же налегаю

на штык, помогая ему вонзиться в твердую почву. Но так долго не выдержать, мой окоп едва до половины выкопан, а я уже совсем выдохся. Очень твердая земля. Я склоняюсь лбом на штык как бы в молитве и чувствую запах этой свежевыкопанной почвы. Пот течет со лба на руки, потом на штык и в землю, и она становится мокрой и коричневой, словно кофе. Встаю на ноги. Потеплело в воздухе, а кругом, сколько хватает взгляда, везде вода. Рядом с укрепсооружением – заросли тростника и рогоза.

— Не устал еще? А вот и я!

Ко мне подошел Масуд, смотрит и ждет, приглашу ли я его разделить со мной окоп. Я вылезаю из окопа и всё не могу отдышаться, говорю ему:

— Сам докапывай!

Он кладет свою амуницию рядом с моей и ловко и весело атакует твердую почву на дне окопа. Я сажусь на коленки неподалеку и наслаждаюсь тем, как со всего моего тела течет пот. Говорю:

— Масуд! Мы с тобой навсегда стали одноокопниками!

Он ничего не отвечает, только улыбается. В один присест доделал окоп до конца. Размеры позволяют двум людям укрыться в нем от безжалостных минометных осколков. Вот он выбрасывает последнюю лопату земли и падает на дно окопа. И я, не торопясь, спускаюсь вниз и сажусь рядом с ним.

* * *

Пониже нашей линии окопов проходит дорога тех, кто идет к укрепсооружению или выходит из

него в сторону передовой. Бойцы тащат вперед боеприпасы и еду в мешках, взгромоздив их на плечи.

— Враг контратаковал, 32-я дивизия их остановила...

— Положение опасное, у ребят боеприпасы кончаются...

— Мы их отбросили, с утра бой ведем...

Двое несут на носилках раненого, который весь залит кровью. Иногда он приподнимает голову и диким, непонимающим взором смотрит вокруг. В живот попала пуля или осколок. Среди кровавой красноты еще можно видеть кусочки марли и белого бинта, которым его перевязали. Те, которые его несут, так взмокли, словно искупались в озере. Головы, лица их мокрые, а глина, которой перемазаны их лица, стекает вниз с их подбородков. На шеях – глиняные русла, и ноги их с трудом выдираются из глины. Они проходят мимо нас. Расул так странно на них смотрит, что это само по себе остановило мой взгляд на нем. Он так вытянул губы, словно сам – этот раненый, мучающийся от боли.

— Расул-ага! – говорю я ему. – Ты не очень голову из окопа высовывай!

Тут только Расул меня заметил и перевел взгляд с раненого на меня, ядовито улыбаясь. Масуд в это время толкнул меня в бок и указал взглядом на дальний конец укрепсооружения.

— Похоже, там у них плохо дело. Посмотри-ка!

Я вижу, что в конце укрепрайона всё затянуло серый дым. Несколько человек бегут сюда от

перекрестка через заросли рогоза. Рогоз высотой в их рост. Они тащат в мешках гранаты для РПГ, груз тяжелый. Вот добежали до нас, и я восклицаю:

— Аллах в помощь!

Не поворачивая головы, вздымают вверх руки, отвечая нам этим безмолвным приветствием. С тех пор как мы тут закрепились, мы всем невольно говорим эту фразу. Просто, наверное, хочется подбодрить ребят.

Еще несут раненых с того же, дальнего конца укрепрайона. А двое раненых обнялись и помогают друг другу идти. Один, у которого забинтован верх бедра, говорит:

— Впереди патронов мало, патроны вперед доставьте!

Мы никак не реагируем на его слова. Видя наше равнодушие, он повторяет:

— Во имя Аллаха, помогите ребятам там, впереди, им стрелять нечем!

Потом он вновь обнимает за шею своего спутника, и у каждого окопа они повторяют ту же самую просьбу.

Раненых несут столько, что мы уже перестали любопытствовать, куда ранило, осколком ли или пулей. Только Масуд всякий раз толкает меня в бок и говорит:

— Еще один!

Я лишь слегка поднимаю голову посмотреть, потом вновь просто сижу в окопе.

Я наблюдаю за какой-то фигурой, показавшейся от перекрестка. Это старик, приближающийся

к нам. Вначале я вижу его седую голову меж стеблей рогоза примерно на половине длины укрепления, потом белое пятно его седых волос возникает ближе, и я вижу, что он прижимает к груди противотанковую ракету «Малютка»¹. Он так медленно и осторожно идет, словно ступает босиком по разбитому стеклу. Белые волосы и белая щетина бороды делают его похожим на птиц, что кружатся там, в небе. Кожа его темная от солнца, и кости скул сильно выступают. Он присел возле нашего окопа и тяжело дышит. Ракету он держит в руках, словно грудного ребенка, и взгляд его следит за кружащимися в вышине морскими птицами. В воде взорвалась мина. А когда я поднял голову и вновь взглянул на старика, то увидел, что он не обращает внимания ни на что вокруг и по-прежнему смотрит куда-то вдаль. Словно он живет в каком-то ином мире, полном тишины и покоя.

— Отец, дорогой! – говорит ему Масуд. – Там впереди боеприпасов нет, ты поскорее бы отнес им.

Старик улыбается доброй улыбкой и говорит спокойно и размеренно:

— Несу... Несу.

¹ «Малютка» — противотанковая ракета советского производства, весом около 10 кг, показала себя весьма эффективным средством борьбы с танками. В настоящее время всё еще находится на вооружении в 31 стране мира. Во время арабо-израильской войны 1973 г. было зафиксировано несколько случаев, когда один арабский оператор подбивал такими ракетами более 20 израильских танков американского производства.

Масуд повторяет громче, с начальственной ноткой в голосе:

— Там впереди стрелять нечем. Это ребята из твоей же дивизии, такая ракета им очень нужна!

Старик вытирает рукавом пот со лба, кивает утвердительно и тяжело вздыхает. Его взгляд неподвижно застыл на нас с Масудом.

— Огонь сильный, — говорит он. — Откуда взялось столько пушек и ружей?

Масуд смотрит на меня вопросительно: мол, к чему это? И опять повторяет:

— У твоих ребят боеприпасов нет, поскорее отнеси им.

Кто-то бежит сюда от передовой части укрепрайона. Подбежав, восклицает с отчаянием:

— Боеприпасы... Все кончились!

Наклонившись к старику, он хочет забрать у него ракету, но тот крепко держит ее и сердито отвечает:

— Иди-ка на перекресток да возьми сам!

Солдат бегом бежит к шоссе. Старик еще помедлил, шумно выдохнул, потом, опершись рукой о землю, приподнялся. Постояв немного, чтобы удержать равновесие, шагает вперед и идет — медленно и размеренно ступая — к концу укрепсооружения. Масуд наблюдает за ним, потом ложится в окопе. А я не отвожу взгляда от седых волос старика, пока они не исчезли в тростниках и розоге.

* * *

Это укрепсооружение было отвоевано у противника, который нарыл в нем окопов, и теперь по нужде ребята ходили в эти окопы. Побегали

в них, как правило, в интервале между двумя взрывами. Залегали возле мешков с песком, спрашивали громко: «Там никого нет? Свободно?» Потом спрыгивали в эти окопы. Некоторые, правда, как я видел, не спускались в них, а возвращались назад – от страха ли, или еще почему-то. Потом мыли ботинки...

...Мехди идет от окопа к окопу, с полным мешком еды на плече. Дошел до нас, обрадовал вестью:
– Это на четверых!

Дал нам клеенчатый мешок с вареным рисом и рыбных консервов, указал на наш окоп и окоп Абдуллы и Расула.

– Сами тут действуйте, но осторожно: из окопов не вылезать!

Он какой-то грустный, и Масуд спрашивает его:
– Что-то случилось?

Мехди, оглядываясь на Расула и Абдуллу и видя, что они не слушают, сообщает нам:

– В Абулфазла попало!

– То есть? Как попало? – спрашиваем мы в один голос.

– Мина взорвалась перед самым окопом. Осколками угодило прямо в лицо. Теперь и не узнать его.

– Значит, первым стал Абулфазл, – сказал Масуд как бы себе самому.

Мехди встает и, поднимая мешок на плечо, говорит нам:

– Пока молчите об этом.

Мы зовем Абдуллу, но он отвечает, что есть не хочет. Зову Расула, и тот запрыгивает к нам.

Одновременно позади укрепсооружения взрывается мина, вздымая фонтан воды и грязи. Масуд открывает мешок с вареным рисом:

— Я и не завтракал сегодня!

Мы сели поплотнее. Я открыл рыбные консервы, а Масуд расстелил свой платок вместо скатерти, поставив на него рис, рыбу и флягу. Достаем ложки из карманов и набрасываемся на еду. Расул отправляет ложку еды в рот, быстро-быстро жует и спрашивает:

— Сколько мы тут пробудем?

— До вечера, — отвечаю ему.

Он всплескивает руками, указывает в сторону передовой и восклицает:

— Раненых видели – как страшно! Как хорошо, когда солдат не видит своих раненых...

Отправив в рот еще ложку, продолжает:

— Вы всегда говорили, в бою нужны окопы на двух человек делать. А я не прислушивался. Но с тех пор, как сюда попали, я вдвое повзрослел. Каждая мина летит – мне кажется: это в мой окоп. Всё хочется куда-то убежать, а куда? Теперь никогда одиночных ячеек не буду рыть. Вы вдвоем: и поговорить можно, и отвлечься от этих раненых, что несут в тыл. Но если бы вы знали, что я пережил!

Я понимаю его страх и вспоминаю, что сам впервые чувствовал под обстрелом.

— Ешь знай, — говорю ему.

Но он тарахтит без передышки:

— Ага-Абдулла, ему что: накрыл лицо каской и спит себе...

Я не отвечаю, и Расул чувствует свободу говорить, о чем хочет. И о чем он только не болтает: о раненых и минометах, о людях и морских птицах, о нас и обо всех прочих. Словно разом хочет наверстать всё свое молчание.

После обеда я чувствую тяжесть в кишках. Поглядываю наверх, на тот окоп, куда ходят по нужде. Хочу туда перебежать, когда он освободится. Вижу, как очередной боец перелез оттуда через мешки и бежит вниз. Я, в свою очередь, вылезая из окопа.

— Ты куда? – спрашивает Масуд.

— Нужда есть! – отвечаю.

Али, развалившийся в своей ячейке, громко говорит мне:

— Спрыгивай осторожно: там мин наложили!

Я не забыл свою флягу. Дождавшись промежутка между взрывами, бегу к брустверу того окопа. На всякий случай громко кашляю.

Никто не отвечает, и я заглядываю внутрь. Везде кучки. И наступить-то почти некуда: всё заминировано! Осторожно перелезаю через мешки внутрь: прямо парашютный спорт какой-то! Уже нашел было чистое место, и тут свист новой мины сверлит мне мозг. Невольно в полусогнутом положении хватаюсь за мешки наверху... Взорвалось совсем рядом, и в окоп летит земля и валят клубы порохового дыма. Заколебавшись на миг, я хочу вернуться: боюсь, что меня здесь ранят. Вот стыд-то будет! Однако я не возвращаюсь: знаю, что отныне таков будет мой быт на войне каждый день. Присаживаюсь и вспоминаю слова Масуда: мин здесь столько, что шагу не ступить. От резкого

кислотного запаха приходится задержать дыхание. А зрелище тут! Еще одна мина взорвалась, чуть не подбросив меня в воздух. И я бегу восвояси, закончив свое дело. Подбегаю к нашему окопу и вижу, как Масуд и Расул дают мне место спрыгнуть. Валюсь на них сверху и в полете слышу голос Али:

— С благополучным тебя!

* * *

— Давай поспим, — говорит мне Масуд. — Начиная с сегодняшнего вечера, кто знает, когда еще поспать придется.

— Да, — смеюсь я, — если с нами не сделают то, от чего мы уснем навеки!

Ухмыляясь, он ложится во всю длину окопа, и я тоже, валетом. Окоп узкий и сырой. Эта сырость проникает в грудь. От холода не можем заснуть. Я сгруппировываюсь, и всё равно без толку. Ворочаемся, наконец, Масуд говорит:

— Есть что-нибудь, чем можно накрыться?

Подумав, я отвечаю:

— Арафаткой давай.

Я снимаю платок, и мы накрываемся ими сверху. Прячем под них головы и прижимаемся друг к другу. От дыхания под платками согреваемся. Я чувствую приятное тепло, и веки мои тяжелеют. Не знаю, когда заснул Масуд.

* * *

Я просыпаюсь и вздрагиваю от холода. Открываю глаза и вижу, что небо подернулось пепельным

цветом, начинаются сумерки. Сажусь. Масуд спит, скорчившись, зажав руки коленками. Сам еще не проснувшись, бужу его:

— Масуд! Масуд!

Открывает глаза и смотрит на меня, будто не узнавая. Не сразу отводит от меня взгляд, садится, оглядывается по сторонам. Я жалею, что не проснулся раньше. Сумерки полны печали, и, если просыпаешься в сумерки, эта печаль надолго остается в душе.

— Салам, салам, Ага-Насер! Удивительно: проснулись? Кто вы, вообще?

Это Расул начал свою щебечущую болтовню. Он сидит в окопе, а Абдулла рядом с окопом. Издали к нам идет Али. Я его не вижу, но слышу те шутки, которые он отпускает, проходя мимо каждого окопа – и сам же хохочет над ними. Перемахивает через склон и, увидев наше состояние, с удивлением восклицает:

— До сих пор дрыхли? И не лопнули?

Я отвечаю ему улыбкой и спрашиваю:

— Какие новости?

— После намаза выступаем. Сегодня вечером дело будет.

Расул аж подпрыгивает от радости:

— Как хорошо получается, здорово получается!

Уже выступаем!

Али, придав своему лицу насмешливое выражение, отвечает:

— Хорошо получается, говоришь? А если завтра тебя забинтуют как мумию и отправят в тыл – это как, хорошо будет? Вот уж хорошо – прямо здорово!

Улыбка преобразует целиком всё загорелое, мужественное лицо Абдуллы:

— Тогда давайте намаз быстрее прочтем!

Он глазами что-то ищет в небе и добавляет:

— Уже можно читать намаз, вот вечерняя звезда!

Указывает на звезду, мерцающую в сумеречном небе невысоко над горизонтом, и шагает куда-то прочь. Я сажусь на бруствер окопа. Вдали ведут огонь орудия и минометы, и мигают оранжевые сполохи. Абдулла, уходя, бросил нам через плечо:

— Пойду посмотрю на другие окопы

— А я думал, ты намаз читать пошел! – говорю я ему.

— Я с утра в этом окопе гнию, — отвечает он. — Подлецы, в свой бывший сортир нас загнали!

Удаляясь, он грозит кулаком куда-то в небо и кричит:

— Ну, трусливые души! Выходи все на одного! Выходи по одному – из вас котлеты буду делать... Салам, брат! Как дела?!

* * *

Али ходил к Мехди, теперь вернулся и говорит мне:

— Ступай, у Мехди к тебе дело.

— Какое дело? Он не сказал?

Али, не отвечая, ощупью ищет что-то в темноте.

— Снаряжение брать с собой? – спрашиваю я.

— Вообще-то не надо, но... Темно, думаю, если возьмешь, не ошибешься.

Он опять уходит. Я спрашиваю, куда, и вернется ли он. Али отвечает:

— Пойду Мирзу позову. Ты иди к Мехди, мы сейчас с Мирзой подойдем. Масуд уже там.

Я вижу фигуру Расула, наполовину выползшего из окопа и внимательно слушающего нас. Навьючиваю на себя всё мое снаряжение, Расул спрашивает:

— Ты куда? Вернешься еще?

Хотя он и слышал весь наш разговор с Али, я объясняю ему:

— Я иду к Мехди-аге.

И я иду – в темноте, осторожно. Слышу голоса ребят в окопах. Кто-то беседует, кто-то читает молитву. Вдали в небе горят несколько осветительных ракет, но они неяркие. Волосками света отражаются в воде.

— ...Я был с тем парнем из нашего квартала, мы сдавали экзамены...

— Далеко от меня не отходи, пулемет тоже берем...

— Максимум три-четыре дня, всё, что будет, оно именно в эти дни...

Возле каждого окопа я окликаю Мехди, и всякий раз мне отвечают, что он – дальше. Тростник хлещет меня по лицу, я весь искололся. Чтобы спастись от него, стараюсь идти вплотную к насыпи укрепсооружения. Нахожу Мехди. Он снаряжен к бою, сидит, обхватив руками колени. Похож на сжатый кулак.

— Садись, — говорит мне. — Сейчас остальные подойдут.

— А где Масуд? — спрашиваю я.

— Сейчас подойдет.

Тон Мехди необычен. Он словно сдерживает рыдания. Я сажусь рядом. Масуд пикирует на нас с верха насыпи, и я протестую:

— Дорогой, ты что?

Он встает на ноги, застегивает пуговицы брюк.

— Темно, что ты хочешь: ничего не видно.

Подходят Мирза и Али, и я спрашиваю у Мирзы:

— Куда ты подевался, Ага-Мирза? Весь день тебя не видел!

Он садится и обнимает меня за плечи.

— Р-раз-зве эти по-подлецы по-позволят? Из окопа не вы-высунешься!

И тут он осекается. Мы все сидим молча, и он понимает, что разговор серьезный. Молчание обнимает всех пятерых.

— Ребята, сядьте потеснее, — говорит Мехди.

Мы садимся одной кучкой. Пять человек. Пять человек выживших, оставшихся от самого первого набора. Прибывали новые люди и убывали, и вот опять мы пятеро, как в самом начале: я, Мехди, Масуд, Мирза и Али. Прохладный ветерок играет с моими волосами. Слышен говор ребят в темноте. Теперь я понял, что хочет сказать нам Мехди и зачем он нас собрал, но почему так быстро? Настоящая война для нас уже началась? Мы так близко сдвинулись, что каждый чувствует плечо другого. Кажется, что этот круг никогда не разорвется. Мехди медленно, размеренно начинает говорить:

— Итак! Мы выступаем. Приказ: отсюда двинуться к следующему укреплению. Там начнется бой. Сообщается, что враг там дальше сконцентрировал восемьдесят танков. Мы должны их сбить

и двинуться дальше. Позже объяснят всю операцию, пока надо выполнить этот приказ.

Он замолчал. Рыдания kloкочут у него в горле. Голос стал более басовитым. Каждое слово выдирается из глотки словно бы с болью, раяя его.

— Мы снова идем вперед. Что случится до утра – неизвестно. Перед боем всегда говорят такие слова, и, раз теперь я их должен сказать, я их говорю. Ребята! Кроме вас во взводе только новички. Некоторые уже были на фронте, но друг друга они не знают. И вы сегодня постарайтесь их понять. Вы будете крутить барабан сегодня. И не дайте им отчаяться. Не дайте им сломаться в разгаре боя.

Над перекрестком зажигается осветительная ракета. Мехди опускает голову, точно избегает смотреть нам в глаза.

— Перейдем к сути дела! Сегодня ночью может произойти всё, что угодно, любая беда, с каждым из нас. Давайте сейчас поклянемся... Пока мы живы, будем держать эту клятву! Поклянемся, что до конца боя, что бы ни случилось, пусть хоть небо рухнет нам на головы, хоть все беды вселенной наваялятся на нас, хоть на куски нас порвет – но с этой секунды плакать мы не будем. Поклянемся, чтобы до конца боя ни одной слезы не упало. После боя те, кто вернутся в лагерь, пусть плачут сколько угодно, но в бою – перекрыть этот канал слез!

Я вдруг расчувствовался. Опять нужно выполнять договор. Проклятый договор! Опять клянемся и заключаем соглашение, как было уже много раз. Мы уже не раз соединяли руки, хотя я знаю, что

придет минута, и ты не сможешь совладать с собой, слезы — это ведь жизненная необходимость... Но мы опять соединяем руки. Пять рук сцепляются вместе. И Мирза вдруг всхлипывает:

— П-помните? М-мы си-сидели под на-насыпью «Ашура»...

Да, мы помним. Мы ничего не забыли. Можно ли забыть? Тогда соединились вместе одиннадцать рук, и вблизи от нас разорвалась мина, и одного мы потеряли прямо там. В тот день нас было одиннадцать. Одиннадцать молодых ребят, у самого взрослого из которых на лице едва пробивался мягкий пушок. Теперь нас всего пять. С того дня прошло 7 месяцев и 18 дней. Быстро пролетели, и быстро наше число уменьшилось...

Появляется Асгар и громко кричит в темноте:

— Бойцы роты «Гейс»! Приготовиться! Ребятам роты «Гейс» — быстрее читайте намаз, надеть всё снаряжение и быть готовыми в окопах! Бойцы роты «Гейс»!

Мехди негромко говорит:

— Ребята, вперед! Быть в готовности.

Наши руки расходятся — словно клубок разматывается. Мы расстаемся. Темнота не позволяет видеть, кто куда пошел, но я остаюсь сидеть на месте. Холодный ветер дует со стороны противника. Мне холодно, и я сижу, скрючившись.

* * *

Впереди, на передовой — тишина. Ребята дремлют в окопах и ждут приказа. Все шумы прекратились. Хусейн передал мне распоряжение явиться к нему.

Он возле перекрестка, и я должен взять всё свое снаряжение. Объясняю Мехди ситуацию, чтобы меня не искали. Иду в темноте. На шоссе что-то горит, и, когда это пламя вспыхивает ярче, я вижу всё укрепление до конца. Край насыпи в результате передвижения войск превратился в жидкую глину. Надо хорошенько смотреть, чтобы не плюхнуться в нее. Не хочется последние минуты перед боем посвятить чистке и отмывке от грязи. Через каждые несколько шагов я окликаю:

— Хейдар... Хусейн...

Отвечают:

— Дальше... Иди дальше.

Тишина действует на нервы, а сильнее всего то, что молчат все ребята. Продираюсь сквозь камыши.

— Хейдар... Хусейн...

— Еще чуть дальше.

— Иди сюда! Сюда.

Я их нашел. Они оба возле насыпи, не доходя до перекрестка. Вокруг них – радисты и посыльные. Хейдар дремлет, растянувшись на пологой насыпи. Хусейн освобождает мне место возле себя:

— Или сюда... Садись!

Хейдар бьет меня по плечу и восклицает:

— Повезло тебе! Посылаю тебя вперед пустить их на колбасу!

— Посмотрим! – ехидно говорю я ему.

— Уж посмотрим! – отвечает он. – Ночь длинна...

Хусейн расстилает на земле карту и включает фонарик, стекло которого он заклеил синей лентой.

И карта освещается синеватым светом. Этот бледный отсвет падает на его лицо, окрашивая его красный шрам в цвет ржавчины.

— То, о чем говорили раньше, утверждено, — сообщает мне Хусейн. — Каждый взвод выделяет гранатометчика с помощниками, и эти три гранатометчика образуют спецгруппу. Ты — командир группы. В восьмистах метрах от следующего укрепления враг сосредоточил до восьмидесяти танков. Спецгруппа наша и спецгруппа роты «Абес» движутся впереди батальонной колонны. Задача обеих групп — сжечь эти танки. Спецгруппа нашей роты действует влево, их спецгруппа — вправо. Вы должны пробить брешь, достаточную для наступления батальона с минимальными потерями, с выходом на шоссе Шаламче — Басра. Командиры взводов выделяют для этого своих лучших людей. Также для связи тебе выделяется Таги из службы связи батальона.

— Что нам делать после того, как сожжем танки? — спрашиваю я.

— Немедленно двигайтесь в направлении шоссе Шаламче — Басра, — отвечает Хусейн. — Занимайте высоту 270. От той зоны, где противник сосредоточил танки, до асфальтового шоссе расстояние два километра двести метров.

— Как быть с ранеными? — спрашиваю я. — Что с ними делать?

— Переноска раненых — не твоя задача, — отвечает он. — Те батальоны, которые будут действовать в этом секторе, проходить через него, отправят твоих раненых в тыл. Сразу за вашей спецгруппой

двинется батальон. Так что об этом ты не беспокойся.

— Не забудь передать мой привет колбасе! – добавляет Хейдар.

Я натянуто улыбаюсь и думаю о том, как буду действовать и какие обстоятельства возникнут. Раньше я не раз бывал в бою, но сейчас – дело особенное. Восемьдесят танков! Мой мозг подает мне сигнал, и я спрашиваю:

— Итак, перед нами восемьдесят танков?

— Не верь сказкам, – говорит Хейдар. – Их не меньше восьмидесяти, а может, даже и больше.

Вместо того, чтобы ободрить меня, его слова лишь усиливают мою тревогу.

— Эти танки с утра контратакуют, останавливают ребят, – добавляет Хусейн. – Когда стемнело, они чуть отошли и сейчас встали в оборонительную линию.

Хусейн постоянно говорит по радиации кодом, я ничего не понимаю, и меня это раздражает. Отхожу к Асгару. Он прилег на насыпи.

— Не спишь? – спрашиваю его.

— Так точно! – отвечает он, повернув ко мне голову. – На таком холоде разве заснешь?

На голову он повязал красную повязку, выше ее торчат его волосы. Я вижу это в пламени того, что горит на шоссе. Его лицо кажется мне покрасневшим, и он не отводит глаз от этого пламени.

— Что это горит? – спрашиваю я.

— В санитарную машину попали. Она везла раненых в тыл.

Мне вдруг показалось, что я чувствую запах горелого мяса. Но я намеренно не спрашиваю, что стало с ранеными в этой машине. Не хочу сейчас слышать ответ. Пламя вновь вспыхивает ярче, и оранжевый его всполох отражается в воде и окрашивает насыпь и фигуры бойцов.

— Ты в головном отряде? – спрашивает Асгар.

— Так точно!

— Ну, береги себя.

Я вспоминаю первый его день в батальоне. Он пришел длинным юношей, похожим на молодого жеребенка, взбрыкивающего ногами по всем направлениям. И я сразу заметил его крупные карие глаза на костистом розовом лице – это тоже выглядело необычно.

— Асгар, ты уже сколько на фронте? – спрашиваю я. – Два года, да?

Отрешенно улыбнувшись, он отвечает:

— Два года и два месяца.

— Брат Хусейн! Хейдар!

Со стороны насыпи подходят бойцы и повторяют в темноте имена командиров, пытаюсь их найти. Вот они собрались. Это гранатометчики второго и третьего взводов. Двое гранатометчиков и шестеро помощников, чья задача – таскать гранаты и помогать главному стрелку. Подходит и Али – он гранатометчик первого взвода. Его помощники – из новеньких. Я отвожу их всех в сторону и ставлю перед ними боевую задачу. Гранатометчик первого взвода пойдет впереди всей нашей маленькой колонны, гранатометчики других взводов – за ним. Я специально ставлю Али впереди: он мужественен,

и я больше уверен в нем. Они все теперь сидят рядом вдоль насыпи. Подходит Таги. Рация у него за спиной, наушники выглядывают из-под желтой вязаной шапочки. Я с ним уже знаком и ему тоже объясняю задачу. Мы готовы выступить.

По рации передают какой-то приказ, и Хусейн в темноте кричит:

— Асгар! Асгар!..

— Я здесь, — отвечает тот.

— Беги по взводам, передай, чтобы выдвигались. Командирам взводов передай: поднимать ребят. Скажи, чтобы первым выступил первый взвод, за ним второй и третий. Вперед!

Асгар закидывает за спину автомат и убегает. Хусейн говорит мне:

— Строй своих ребят и веди на перекресток. Ждите, пока соберутся взводы, и будьте готовы выступить, когда мы подойдем.

Я строю спецгруппу и веду ее вперед. Окопы почти опустели, а если кто-то в них и остался, то ободряют нас:

— Аллах да пребудет с вами!

— Во имя имама Али! Задайте им жару!

У перекрестка я командую нашей колонне сесть. Здесь – груды ящиков пустых и полных боеприпасов, здесь еда, и тут же трупы. Несколько трупов сложены в ряд и покрыты полосатыми бело-зелеными одеялами, короткими, поэтому ноги и головы торчат. Я говорю громко:

— Ребята! Вы с помощниками добейтесь такой слаженности, чтобы каждый из вас, гранатометчиков, этой ночью был как целый взвод.

Никто ничего не отвечает. Я сажусь впереди колонны, и Таги присаживается рядом. Он худой, лицо бледное и как бы светящееся, борода не настолько отросла, чтобы прикрыть этот цвет его кожи. Глаза его словно два черных угля. Спрашивает меня нарочито басовитым голосом:

— Что это там горит?

В его зрачках отражается догорающая санитарная машина.

— Не знаю, — отвечаю я. — Тут много всякой техники было, что-то, наверное, загорелось от взрыва.

Оглянувшись на трупы, он спрашивает:

— Это наши ребята?

— Не думаю, — отвечаю я. — Скорее всего, они из тех, что с утра воевали за это укрепление.

— После полудня было прямое попадание мины в окопы роты «Абес». Двое парней стали шахидами.

— Да? — говорю я. — Не знал.

— Кстати, — спрашивает он, — один из ваших также погиб, как его звали?

Голос Таги похож на голос молодого петушка, впервые пробующего петь: корябает уши.

Мы слышим приближающийся шум пехотной колонны. В бликах огня вижу Хейдара, а за ним, между камышами и насыпью, выдвигается колонна. Он твердо командует:

— Двигайтесь вперед, выдвигаемся.

Встав, я командую своим:

— Внимание, спецгруппа... Шагом марш!

Наша маленькая колонна встает и идет следом за Хейдаром. Вокруг шеи его завязан платок. Он идет впереди, твердо ставя толстые, мясистые ноги.

Я следую ему в затылок. И мы проходим мимо трупов. Догорающая машина вдруг вспыхнула ярче, осветив их. Мой взгляд рассеянно скользит по ним и вдруг натывается на старика и останавливается. С усов старика свисают капли свернувшейся крови, глаза его открыты и как бы смотрят на меня, равнодушно. На виске его рана...

Навстречу едет пикап, в кузове его стоит боец и кричит сверху водителю:

— Стой, вот они!

Машина остановилась, и приехавшие на ней хлопочут вокруг трупов.

— Бери за ноги!

— Раз-два, взяли! – отвечает другой.

И слышен стук тела о дно кузова.

— Еще раз – взяли!

— Осторожно, осторожно... Вся его кровь на меня льется, эй! Чего ты делаешь?

Хейдар идет небыстро, размеренно. На озере поднялись волны, и отражения огней раздробились. По обеим сторонам от нас – вода. Сзади слышен шум: бежит колонна. Кто-то, видимо, командир, кричит:

— Ускорились, строй не ломаем!

Они нас обгоняют. Другая колонна догоняет нас шагом. В темноте ее бойцы – как призраки, и постоянно слышно глухое бряцанье и стук оружия о тело.

— Бери вправо! – командует Хейдар. – С ними не смешиваемся!

Мы идем по правой стороне шоссе, другая колонна – по левой. Навстречу едет машина, как

раз между двумя колоннами. Всё накрыла пугающая тишина, рождающая тяжкие мысли. Иногда выстрелы разрывают тишину, и над водой летят красные трассирующие пули. Вдали слышен гул танковых моторов.

— Ребята, держимся плотнее к шоссе.

Мы пришли полкилометра. В лицо мне дует холодной влагой, а тело покрыл холодный пот. Кто-то бегом догоняет нас. Это Асгар. Говорит что-то на ухо Хейдару.

— Ребята, будьте осторожны!

По ту сторону фронта блеск минометного выстрела освещает небо, и у меня падает сердце. Невольный страх давит меня. Я весь обращаюсь в слух, и вдруг слышу свист подлетающей мины. Хейдар кричит:

— В сторону от шоссе!..

Я бросаюсь на землю. Красный быстрый свет летит ко мне из воды, но, не успев достигнуть меня, исчезает. Грохот взрыва бьет по барабанным перепонкам. Вода фонтаном поднимается вверх и льется на нас. Я уткнулся лицом в шоссе и закрыл обеими руками голову. Всё стихает, я в изумлении и страхе гляжу на воду и слышу как бы шум дождя, постепенно переставшего. Поднимаюсь на колени, но мужества встать прямо не хватает. Сзади кричат:

— Носилки! Санитары!

— Есть потери, давайте носилки!

— Дай мне медицинскую сумку, быстрее!

Впереди меня поднимается с земли фигура Хейдара. В нос бьет запах гнилой рыбы. Я хочу встать, опершись рукой о землю, но рука попадает

на что-то скользкое. Оно дергается, и я отдергиваю руку. Существо это прыгает, и я сталкиваю его ногой в воду. Хейдар командует:

— Вперед!

Я не знаю, столкнул ли я в воду это существо, но я встаю на ноги... Однако чувство такое, будто на мне тяжкий груз, я не могу выпрямиться. И так, в полусогнутом состоянии, гляжу вокруг и в сторону противника...

— Насер, шагай вперед!.. Спецгруппа – вперед!

Мы выбираемся на шоссе. Нас обгоняет машина с выключенными фарами – скрывается в той стороне, где передовая. Мы идем медленно. Нас две колонны, по обеим сторонам шоссе. Ноги месят песок и глину. Шоссе всё тянется вперед. Глаза наши следят за передовой, за вспышками выстрелов. Пока дошли до конца шоссе, выдохлись полностью. Сбоку от шоссе горят несколько машин, и иногда в них взрываются боезаряды, пламя разлетается в стороны. Перпендикулярно шоссе – новый укреп-район, войдя в который, мы больше не видим воды. Кругом сухо. Кто-то кричит издали:

— Здесь не останавливайтесь, скорее уходите.

Пристреляно!

Воздух наполнен вонью сгоревших шин. А землю словно вспахали.

— Быстрее отсюда! — командует Хейдар.

Вслед за ним мы сворачиваем налево. Здесь множество окопов, кругом навалены боеприпасы для гранатометов. Движемся дальше вперед. Здесь тоже окопы, в них много бойцов, они вглядываются в нас:

- Ребята, какой батальон?
 - Этого нельзя говорить!
 - Аллах в помощь, мы с утра с ними сражаемся!
 - Этой ночью вы должны их сделать!
- Моя нога погружается в жидкую глину.

— Дальше не идите, остановитесь здесь. Разобраться по окопам, но ненадолго, самим не окапываться!

Эти приказы отдал Хейдар. Наша колонна оставалась. Ребята разошлись по окопам, а кому не хватило в них места, сидят на их краях. Я тоже присел и вдруг чувствую, что нога моя уперлась во что-то мягкое. Трогаю рукой: непонятно. Похоже на пластиковый пакет с водой.

— Это один из наших водолазов, вчера убит. Не смогли его тело отправить в тыл. Убитых не выводили: со вчерашнего утра такой бой был – просто ад. Огонь шквальный...

Я вновь трогаю рукой: это мертвец, раскинувшийся в стороны руки и ноги. Он наполовину в воде. В небе зажглась осветительная ракета, и я вижу, что лицо убитого вымазано глиной. Вытаскиваю его из воды: похож на статую из глины. Водолазный костюм местами порван, и оттуда течет свежая кровь. Таги помогает мне и говорит:

— Вдвоем донесем его до дороги.

Мы берем его за руки и за ноги и относим к следующему окопу. Таги старается держать его так, чтобы не перепачкаться кровью и глиной. Положив его на землю, возвращаемся.

— Мы вчера здесь заняли позиции и уже потеряли половину батальона...

— С утра до заката тут был ад кромешный. Даже раненых не могли в тыл отправить.

— Один парень из нашего взвода был в соседнем окопе. Утром был ранен осколком в горло, а часа два назад умер. На закате умер. Не удалось отправить его в тыл.

— На перекрестке два пикапа, полные людей, попали под обстрел. Мы отсюда видели. Клянусь Аллахом, мы все рыдали. Видели бы вы эту сцену! На одном загорелся человек и побежал в тыл по шоссе. Отбежал немного и упал...

Невидимые в темноте, эти бойцы рассказывают нам о бое, о том, что пережили за прошедший день. Я поднимаюсь и подхожу к Али. Он сидит, держа на коленях гранатомет, словно младенца. Говорит мне с улыбкой:

— Негодяй, ты неплохой окоп себе выбрал!

— Что ты имеешь в виду?

— Имею в виду «окоп учения и науки». Сравни его с нынешним окопом. Покажется, что тебе это снится, не так ли?

Он хватает меня за шею и валит на землю, и мы лежим на спинах бок о бок. Странное чувство овладевает мною. В высоте мерцают звезды. Безмолвный метеор прочертил небо и исчез.

— Али, ты первый в колонне, — говорю я негромко. — Что бы ты ни сделал, этой ночью мы все будем смотреть на тебя.

— Это так, — тоже негромко отвечает он.

Я жду продолжения, но он ничего не добавляет, и мы просто молчим. Мы скорбим в молчании. Не знаю, почему, но, чем крепче становится наша

дружба, тем меньше у нас серьезных бесед. Беседуют, в основном, наши глаза...

— Насер! Насер!

Меня зовет Хусейн. Я откликаюсь и иду на его голос. Увидев меня, он командует:

— Давайте, будьте готовы выдвинуться. В ста метрах насыпь. Выдвигаемся к ней, а оттуда – на врага.

Справа, со стороны перекрестка, слышится крик Хадж-Носрата:

— Батальон «Салман», вперед! Командиры рот! Ведите своих вперед! Вперед! Соседи уже двинулись...

Я командую:

— Спецгруппа – шагом марш!

Ребята построились и двинулись. Впереди всех Таги, за ним Али. Я иду впереди Таги. Обороняющие эти позиции бойцы сидят в окопах и смотрят на нас. На перекрестке горят машины. Подходя к следующей насыпи, видим на небе месяц, похожий на половинку дыни. Возле насыпи, вдоль шоссе, торчат танки и БМП. Вокруг земляного холма стоят санитарные машины, но, приглядевшись, я понимаю, что этот холм – врытый в землю мини-госпиталь. Из грузовика сгружают шпалы. Мы достигли следующей насыпи, и я сажаю свою колонну на землю. Всё вокруг свидетельствует о прошедшем здесь жестоком бое. Я командую ребятам собраться теснее и обращаюсь к ним с таким выступлением:

— Парни! Сегодня всё зависит от вас. Если сможете пробить брешь в танковом строю, батальон

пройдет, если нет – враг уничтожит батальон. Каждый из вас должен работать за десятерых. Как только начнем, бросайтесь на танки и не давайте им пощады. Помощники, ни на миг не отходите от стрелков. Сегодня это поле боя ждет мужчин, и мужчины этого поля – вы. Сегодня мы должны положить врага на лопатки. Сегодня никто из вас не должен замарать свою честь. Этой ночью мы все или погибнем, или пробьем коридор.

Ребята хватают друг друга за руки и сжимают их, а потом поднимают руки. Эти поднятые сцепленные руки похожи на выросшие вдруг на насыпи зубцы и бойницы. Мы все чувствуем одно и то же и в едином порыве обнимаемся. Али целует мои плечи, я беру его голову обеими руками и целую его в лоб. Сжимаем друг друга в объятиях. Он говорит:

- Завтра утром встретимся на том шоссе.
- Али! – говорю я. – Сегодня что будет ночью?
- Война будет! – отвечает. – Война, понял?
- Береги себя! – говорю я.
- Помнишь, как было за насыпью «Ашура»?

Я отрываю голову от его плеча, а он ерошит мне волосы. Принужденно смеется и, скривив рот, спрашивает:

- Куда ты возьмешь моего брата? А?

Он говорит, как Ройя. Я смеюсь. Таги тут же, возле, и я говорю ему:

– С этой секунды от меня ни на шаг. Куда я, туда и ты.

– Слушаюсь! – говорит он твердо, чтобы придать мне уверенности.

Батальонная колонна в бледном лунном свете ползет вперед как извивающаяся змея. Во главе колонны Хадж-Носрат, я узнаю его по походке. Еще издали он спрашивает у меня:

— Вы готовы?

Свой черный головной платок он обвязал вокруг пояса, что придает его облику еще больше мужественности.

— Так точно, — отвечаю.

— Вам всё понятно?

— Так точно.

— Вы бьете танки только с левой стороны, — повторяет он. — Рота «Абес» бьет по тем, что справа. Они идут сразу за вами.

Он скользнул как стрела и взбежал на насыпь в самой низкой ее части. Следом за ним и мы переваливаем через насыпь и бросаемся в объятия пустыни. Увидев эту голую каменистую пустыню, объятую тьмой, я чувствую невольный ужас. Оборачиваюсь. За мной Таги, потом Али и вся колонна, переходящая через насыпь. И вдруг я в душе ощущаю себя очень маленьким, всё во мне как бы рушится. Я превратился в крохотную частицу, и если порвется моя связь с другими, то у меня не будет ничего, вообще ничего.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я иду не очень быстро. Таги идет плечом к плечу со мной. Он натянул на уши свою вязаную шапку, под которой наушники. Повернувшись ко мне, сообщает:

— Хейдар передал привет, говорит: храни вас Аллах!

Я киваю. Ноги я поднимаю чуть выше, чем обычно, как если бы идти приходилось по осколкам стекла. Вокруг тишина. До врага еще далеко.

— Садись!

Мы все садимся, и я смотрю назад. Наша длинная тень тянется назад до самой насыпи. Еще не вся колонна перешла через насыпь. Смотрю вперед. Противник делает несколько минометных выстрелов, и мины летят над нашими головами и взрываются позади насыпи. Справа и слева от нас колонны идут в сторону противника. Они идут медленно, в полном молчании, и растворяются во тьме.

— Вперед!

Я поднимаюсь, и мы все идем следом за Хадж-Носратом. Вся земля испещрена следами танковых гусениц: словно тысячи гигантских дождевых червей отпечатали повсюду свои тела. Али трогает меня за плечо и указывает на землю, я киваю.

Говорить ничего не хочется. Я знаю, что, если я произнесу хоть слово, у него на душе станет нехорошо. Таги приближается ко мне и тихо спрашивает:

— Досюда доходили их танки?!

Кивком отвечаю утвердительно. Пересекающиеся следы гусениц везде – справа и слева. Вдали вспыхивает осветительная ракета, и мы приседаем. Она не столь близка, чтобы ради нее ложиться пластом. Слышно несколько выстрелов, а впереди вдали виднеются какие-то холмики.

— Это их танки! – говорит мне Али.

Ракета потухла, мы встаем и продолжаем путь. Я смотрю во все стороны и не вижу ни одной из колонн, которые должны двигаться параллельно нам. Чувство одиночества охватывает меня.

Внезапно один из вражеских танков открывает пулеметный огонь. Трассирующие пули, подобно цветным градинам, пролетают у нас над головами и встречаются с землей где-то в конце колонны. Мы бросаемся на землю и вжимаемся в нее. Лежим неподвижно, и сердце мое стучит бешено. Неужели они нас заметили? У меня похолодели кончики пальцев. Если нас видят, то это конец. Ни вперед нет пути, ни назад. Я с усилием проглатываю слюну и боюсь того, как бы этот звук не услышали враги... Али сзади меня сжимает мой ботинок, а с конца колонны доносятся шум и крики. Таги подползает ко мне, а я прислушиваюсь, затаив дыхание. Приподняв голову, смотрю назад и ничего там не вижу. Молюсь, чтобы эти крики прекратились, но кто-то очень громко стонет, и слышна возня, а потом голос звучит задушенно и всё тише. Мое лицо

скривилось гримасой, и я как бы сжимаю сам себя. Словно это я ранен, я кричу, и я должен замолчать. И голос в тылу колонны действительно звучит всё глуше и стихает. Теперь кругом полная тишина, и ко мне возвращается спокойствие. Луна стоит над врагом и с безразличием смотрит на нас.

Хадж-Носрат приподнимается и садится, следом за ним сажусь и я, и вся колонна встает на колени. Хадж-Носрат рукой командует движение вперед. Мы прижимаем к груди оружие и, пригнувшись, идем вперед. В свете луны всё довольно хорошо различимо. Вражеские танки стоят правильным строем, и их безмолвие невыносимо давит на меня. Ей-богу, что же это происходит?

Вдалеке слышен гром выстрела, и почти одновременно со стороны врага взлетает осветительная ракета и освещает пустыню. Мы бросаемся пластом на землю. Яркий свет ракеты режет глаза. Они всё еще не обнаружили нас. Но почему?! Почему до сих пор они не видят нашу колонну и не стреляют по ней? Внезапно я вспоминаю тот день, когда мы сидели вдоль насыпи «Ашура», очень близко к вражеским танкам, а они притворялись, что нас не видят, а когда мы подобралась совсем близко, они вдруг включили фары, прожектора, и... Мне становится страшно, и все мои мышцы как бы теряют силу и ослабевают. Эта ракета всё еще висит над нами, издавая скулящий свист, похожий на вой побитой собаки; она словно бы хочет кинуться на нас и вцепиться нам в ноги... Я поворачиваюсь к Али и хочу сказать ему, что враг, наверное,

заметил нас, но Али делает вид, что не понимает меня. Прижимаюсь виском к холодной и влажной земле. Таги смотрит на меня, и в его глазах отражается осветительная ракета. Я через силу улыбаюсь ему, и он улыбается мне, но его улыбка не преобразует всё его лицо, а лишь изгибает щель его рта. Лицо его очень бледно, и мое наверняка тоже. Но я не подаю вида, что что-то не так.

Ракета над нами гаснет, и глаза теперь ничего не видят. Зажмуриваю их, чтобы приучить к темноте. А мысль о танковых фарах преследует меня как кошмар.

— Вставай! Вперед!

Я открываю глаза, и мы все гуськом идем вперед. Строй колонны нарушился, а самоуверенная неподвижность танков сводит нас с ума. Хоть бы они открыли огонь и взломали эту мертвую тишину! Хадж-Носрат оборачивается и раздраженным жестом приказывает нам восстановить строй. Теперь мы уже так приблизились к вражеским танкам, что я легко различаю все их детали: пулеметы, гусеницы, мощные фары. И никакого движения возле этих танков! Неужели они наблюдают за нами в свои приборы ночного видения и смеются? Неужели они ждут, а мы сами идем в их западню? О Аллах, почему эти последние минуты так тянутся? Зачем мой ум атакуют все эти разноречивые мысли? Неужели они там просто спят? Разве это возможно? Разве это не они с утра непрерывно атаковали нашу передовую линию? Но разве они не люди? Разве они не могут устать, уснуть, разве они не нуждаются в отдыхе, сне и пище?

Хадж-Носрат останавливается и жестом подзывает меня. До танков осталось лишь пятьдесят метров. Я подползаю, и он говорит мне на ухо:

— Подберитесь еще как можно ближе и бейте в левую сторону. Прodelайте такую брешь, чтобы батальон прошел...

Я киваю, показывая, что понял.

— Йалла! – восклицает он, хлопнув меня по плечу.

Жестом я показываю Таги и Али следовать за мной, и они это делают. Али уже поднял к плечу свой гранатомет и готов палить из него. Хадж-Носрат восклицает:

— Во имя Али!

— Во имя Али! – невольно повторяю я негромко.

Али прицелился в танк, стоящий прямо перед нами. Таги едва не прилип ко мне и впился глазами в танки. Оглянувшись, я вижу, что наша небольшая колонна, изогнувшись, приближается. Все невольно пригнулись. Теперь до танков всего тридцать метров. Мы идем, согнувшись в три погибели. Мое сердце чуть ли не выскакивает из грудной клетки.

Ни на чем не могу сосредоточиться. Приседаю и дрожащей от возбуждения рукой хватаю руку Али, тяну его к себе и говорю:

— Стреляй, Али!

Али всё так же, пригибаясь, отходит от меня еще дальше, его помощники – справа и слева от него. Али выпрямляется и наводит гранатомет. Щекой прижимается к его трубе, медлит. Мне кажется, что

все волоски моего тела ошетинились. Откровенно дрожащим голосом я командую:

— Стреляй... Огонь!

Он говорит что-то глухим голосом, неразборчиво для меня. Чуть сдвигается и встает на оба колена, и из зева гранатомета, как из драконьей пасти, вырывается пламя и на миг освещает всё перед нами. Граната с жужжанием летит к танку и бьет ему прямо в корпус. Танк вспыхивает костром.

Вскочив на ноги, я хватаю за руки Таги и поднимаю его на ноги. И кричу:

— Вперед, во имя Али! Вставайте!

Вражеские танки стоят в ряд, и я командую гранатометчику второго взвода:

— Бей следующий! Выдвинься вон в то пространство и выстрели!

Он выбегает на ту площадку, которую я ему указал, встает, расставив ноги, и прицеливается. В пламени горящего первого танка его лицо отливает красно-желтым. Он рычаще вскрикивает и стреляет. Граната рассекает воздух и пролетает почти вплотную к танковой башне. Не медля, я кричу гранатометчику третьего взвода:

— Стреляй ты в него!

Он выбегает вперед, и я вижу, что ребята роты «Абес» подожгли два танка в своем секторе. Гранатометчик третьего взвода ложится на землю и целится. От выстрела пыль и земля перед его лицом вздымаются облаком. Его граната поджигает второй танк.

Я бегу вперед между двумя горящими танками, как сквозь некие пламенеющие ворота... Мы словно

попадаем в какой-то новый неизвестный нам город. Ребята бегут за мной следом. Оглянувшись на миг, я замечаю, что Али перезарядил гранатомет и догоняет меня.

— Али, вон тот! Вон тот подожги!

Остановившись, он стреляет. И граната его с силой ударяет прямо в брюхо следующего танка. Таги в восторге прыгает и размеренно кричит:

— О Аллах!.. О Аллах!..

Один из танков стреляет из пушки. Автомат скользит у меня во вспотевших руках, и я чуть не роняю его. Таги забирается на танк и бросает гранату в его люк, потом спрыгивает и ложится. Из танка слышен глухой взрыв, а потом человеческое рычание, точно раненый медведь заревел. Таги поднимается и, оглядываясь назад, бежит к нам. Мы бежим к следующим танкам нашего сектора. Теперь уже несколько танков открыли огонь, вспахивая пустыню своими снарядами. Сбитые с толку, их экипажи стреляют как-то бесцельно. Мы подбежали к следующему танку в тот самый момент, когда он завел свой двигатель. Гранатометчик третьего взвода стреляет и попадает в него. А один из помощников гранатометчиков забирается на следующий танк и бросает гранату в люк. Когда он спрыгивает, танкист выглядывает из башни, но раньше, чем он заметил нас, из башни вырывается снап огня, и танкист, крикнув что-то по-арабски, падает на броню своей башни. Всё пространство теперь прорезано трассирующими пулями и выстрелами гранатометчиков. Я кричу Таги:

— Сообщи, что путь открыт! Хусейну радируй, что путь открыт, пусть выдвигаются...

Таги сдвигает наверх свою шапочку и возбужденно кричит в микрофон:

— Хусейн, Хусейн, я Таги, прием! Хусейн, Хусейн, я Таги, прием!

— Хусейн слушает... Таги-джан, слышу тебя, говори!

— Мы вошли в крысиную нору! Хусейн-джан, мы перешли на следующую улицу. Мы в крысиной норе: вам есть проход!

И я смотрю в степь и вижу: черная змея вытягивается, огибая костры горящих танков, уползает и теряется во тьме.

Вражеские танки завели двигатели и газуют, они едут в разных направлениях и стреляют каждый в свою сторону. Но мы уже прошли сквозь их строй. Один из танков крутится на месте. Из его башни высовывается танкист и рукой указывает на нас. Гранатометчик второго взвода выбегает вперед и, присев, стреляет. Танк вспыхивает костром. Тот, кто высовывался из башни, с воплем вылезает из нее: его комбинезон горит. Спрыгнув на землю, он бежит туда-сюда, потом падает. Мы несемся к следующим танкам. Два из них на полном газу уезжают в тыл. Один из наших гонится за ними, но я кричу ему:

— Оставь их, оставь... Вот в этот стреляй!

Али отделился от нас и побежал к тому танку, который уже завел двигатель, но стоял, не уезжая, нацелив орудие на нас. Я кричу:

— Не ходи дальше, отсюда стреляй!

Али присел. Танк дает газу и едет прямо на него. Один из парней стреляет в танк из автомата, и пули искрами отскакивают от брони. Я выскакиваю перед ним, не давая ему стрелять, и кричу:

— Попадешь в Али – прекрати!

Обернувшись, я вижу, что Али всё еще не выстрелил, а танк несется на него.

— Стреляй, Али! – кричу я. – Не медли!

Я бросаюсь к Али: почему же он медлит? Я уже был в нескольких шагах от него, когда он выстрелил, и обратная струя воздуха от гранатомета сбила меня с ног, но я успел увидеть, падая, что граната Али ударила о башню танка, но, отрикошетив, ушла в небо... И я падаю на землю, но еще до того, как упал, успеваю прореветь во всю силу своих легких:

— Али, в сто-о-о-орону!

От падения у меня перехватило дыхание. Подняв голову, я вижу, что Али бросился влево. Но и одна гусеница танка на миг замерла, и танк повернулся в ту же сторону. Али как будто остолбенел. Какой-то миг он стоял беззащитно, глядя на танк в упор. Я успел встать на ноги и восстановить дыхание. Сложил руки рупором и крикнул:

— Али, в сторону! Кто-нибудь, подбейте этот танк!

Танк, как взбесившийся зверь, ринулся на Али, тот наискось переступил несколько раз, а горящие другие танки освещали ночь своим пламенем, и тень Али, танцующего танец смерти, падала на лобовую броню этого танка. Из глотки Али вырвался такой рев, на который – я думал – человек

неспособен; в тот же миг гусеница наехавшего танка измочалила Али, затянув его под себя. Когда танк проехал, мы увидели, что он горит, а он так и неся вперед по прямой, своим факелом как бы рассекая надвое пылающую пустыню.

Я, как безумный, побежал к Али: такое впечатление, что я бежал не по земле, а по облакам, не чувствуя ног, и страшно медленно. Мне казалось, что до него очень далеко, а, добежав до него, я был без сил и задыхался, словно пес, который долго неся куда-то по степи; и вот я стою над Али. И взгляд его, не верящий и страшный, остановился на мне. Я присел: танк переехал его прямо по животу. Его шейная вена всё еще ритмично пульсирует, а левый глаз дергается. Но он разрублен гусеницей напополам; ровно напополам. Я приподнимаю его голову. Всё, что от пояса и выше, я обнимаю, а всё то, что ниже пояса, вдавлено в землю. От этой нижней части его тела идет запах крови, и ее пар, клубясь, поднимается в небо. Чистого цвета кровь пролилась на землю. Мне не оторвать взгляда от его лица: на нем запечатлелась страшная боль; великая, словно целый мир, боль. Я подношу руку к его лицу, его губы раскрываются, и изо рта вываливаются осколки зубов. Мне хочется крикнуть, потому что, если не крикну, я задохнусь.словно целая гора застряла у меня в горле.

— Хадж-Носрат приказал: подбить столько танков, сколько сможем, и двигаться вперед!

Я поднимаю голову: ребята собрались вокруг. Опускаю глаза: блестит ручеек крови, стекшей изо рта Али на землю. Вытираю эту кровь тыльной

стороной руки. Таги хватает меня за руку и сильно тянет:

— Вставай!

Я бережно кладу на землю голову Али и встаю, но взгляда мне от него не оторвать. Два человека несут кого-то в тыл, держа за руки и за ноги. Это раненый. Остальные наши ребята рассыпались по степи, не слишком далеко. Танки противника бежали в разные стороны, вокруг нас пылают их костры, бросая в небо свои пляшущие блики. Несут еще одного раненого – ему попало в ноги. И еще одного ведут: ребята говорят, он был рядом, когда танк взорвался, и у него обгорело всё лицо. Таги спрашивает:

— Что нам теперь делать?

— Давай собери ребят, — говорю я ему.

Таги бежит в степь и своим звонко-хриплым голосом, похожим на голос молодого петушка, кричит ребятам и машет руками, собирая всех. Кругом нас голая безжизненная пустыня, в которой горят танки, освещая всё неровным светом. Кто-то еще раз спрашивает:

— Что теперь делать?

Не поворачивая головы, я указываю рукой и говорю:

— Возьмите его тело и отнесите в тыл.

— Но как? – спрашивают ребята.

Я гляжу на них молча. Тот, чье лицо обгорело, спрашивает:

— Как можно его нести?

Я все-таки вынужден опять посмотреть на след танковой гусеницы: вон там танк повернул, а здесь он настиг Али и отправил его в вечность.

— Подождите немного, — говорю я, — приедет санитарная машина, там есть носилки. Положите его на носилки и отвезете.

И тихим голосом, словно для того, чтобы Али не услышал, я добавляю:

— Если сможете... Если можно, соберите всё, что осталось от него...

Конец фразы я проглатываю. Строю ребят в колонну. Оглядевшись, вижу, что по всей степи наши колонны идут вперед. Словно змеи, извиваясь, они проползают между горящими танками.

Мы шагаем вперед. Теперь мне и компас не нужен, чтобы определить направление на высоту 270: все колонны – батальонные, ротные и взводные – идут в одну сторону. Оборона врага прорвана, и мы выдвигаемся на новые рубежи.

— Спроси у Хусейна, что делать, — говорю я Таги.

Вызвав Хусейна по радиации, Таги задает ему вопрос кодом, и тот отвечает: собери цыплят и веди на место.

Артиллерия противника обстреливает нашу бывшую передовую линию. Ракеты «катюш» через равные промежутки времени взрываются на шоссе. Их взрывы словно кулаком бьют по моим нервам. И по сторонам от нас взрываются минометные мины, но обстрел не сильный. Оборона противника прорвана, и пройдет какое-то время, пока его войска закрепятся на новых позициях. Сейчас они отстреливаются, но вялость их огня показывает, что они разбиты.

Рация начала шипеть: Хусейн нас вызывает. Таги отвечает, и Хусейн распоряжается:

— Скажи хозяину, пусть за раками гонится. Сколько сможет, надо поймать.

Таги оглядывается на меня, и я отвечаю:

— Скажи: все раки разбежались, нет ни одного.

Хусейн рад донельзя, это я чувствую по его тону.

— Таги-джан спроси хозяина: кто-нибудь пошел в гости к Абулфазлу? Тебе понятно, о чем я спрашиваю?

Не дожидаясь слов Таги, я говорю ему:

— Скажи, только Али. Скажи: двое-трое из моих людей охраняют тело героя.

Когда Таги это передал, рация замолчала, потом Хусейн медленно спросил:

— Это правда?

— Да, — отвечает Таги глухо и медленно. — Он сцепился с одним раком, и тот слетел с колес.

Рация прекратила шипеть, и теперь слышны только наши шаги. Да по-прежнему взрывы снарядов и мин на нашей бывшей передовой, от которой мы всё больше отдаляемся. Я взмок, пот течет по спине. Таги идет плечом к плечу со мной, не отходя ни на миг. Вдали слышен рев танковых моторов и звон гусениц, но мы уже не обращаем на это никакого внимания. Я иду вперед, словно оглушенный. Всякий миг лицо Али вновь возникает передо мной: морщины на его вытянувшихся щеках, его закрытые глаза, струйка крови, стекшая из угла рта внутрь воротника.

— Вон колонна нашего батальона, — говорит мне Таги.

Мы медленно сближаемся с ней, и я веду своих ребят так, чтобы встретиться с головой батальонной колонны. Впереди нее идет Хейдар, переваливаясь по-утиному. Мы встречаемся, и он заключает меня в объятия, в которых я тону. Хлопает меня по спине и, в своей обычной манере, спрашивает:

— Не суждено тебе было уйти в мир иной?
А, здоровяк?

Я отвечаю ему ядовитой улыбкой и сухо вато спрашиваю:

— Что нам теперь делать?

Он отвечает тоном, в котором я чувствую уважение:

— Ваша работа закончена, отправляй ребят по взводам.

— Ребята, разойтись! — команду я коротко.

Наша спецгруппа рассыпается, и все расходится во взводы. Батальонная колонна медленно движется вперед. Перед нами не осталось преград. Тут и там, нечасто, в степи падают минометные мины и взрываются.

— Пойду найду Хусейна, — говорю я Хейдару. — Может, у него ко мне поручения.

— Давай, он в середине колонны, — отвечает Хейдар.

Я стою и жду, пока батальон пройдет. Из темноты меня окликает Мехди. Я подхожу к нему, и мы обнимаемся. У меня такое ощущение, будто мы не виделись целые годы, и теперь, когда мы вновь встретились, в груди горит дружеское пламя такой силы, точно оно охватывает тысячи других ребят.

Может, только я так чувствую, но мне кажется, что так же чувствуют и другие. Мехди негромко спрашивает:

— Али пуля убила?

— Нет! Его танк задавил насмерть.

Не знаю, почему я говорю об этом с такой грубой прямоотой. Мехди отводит меня от колонны и шепчет:

— Ты это пока держи в секрете.

— Его помощники уже сказали всем, — отвечаю я.

Он молчит. Мы держим друг друга за руки и идем в том же темпе, что и вся колонна. В темноте я не вижу его лица, но думаю, что на нем незаметны никакие чувства. Мехди всегда сдержан, спокоен и доброжелателен, хотя я знаю, как он переживает и грызет себя, и мучается в душе.

Мы с ним возвращаемся в строй. Я знаю, что ни выражением лица, ни тоном голоса я не должен показывать слабость. А у меня такое чувство, что множество глаз ребят смотрит на меня печально и изучающе. Я спрашиваю сдержанным тоном:

— В нашем взводе потерь нет?

— Один раненный в руку, — отвечает Мехди. —

В других взводах убито четверо или пятеро.

Я высвобождаю свою руку из его руки и отхожу от него, сказав:

— Я — к Хусейну.

* * *

— Садитесь, — говорит он.

Я сажусь. Впереди видна насыпь, перпендикулярная нашему движению. Наши войска пока

не пересекают ее. Хейдар обнимает меня за шею, притягивает к себе и говорит:

— Это – укрепление при асфальтовом шоссе... Иди глянь, есть за этой насыпью войска или нет.

Я встаю, и он вместе со мной отправляет еще и Асгара. Вначале мы идем быстро, но, чем ближе к насыпи, тем больше замедляемся. Ночь совсем темная. Танки горят далеко от нас и ничего осветить здесь не могут. Я тихонько говорю Асгару:

— Смотри под ноги внимательнее.

Он кивает: дескать, понял. На насыпи я вижу какие-то тени. Асгар указывает мне на них. Дальше мы передвигаемся ползком. Я пристально смотрю на них до тех пор, пока не вижу, что одна из теней пошевелилась, теперь ясно, что это человек. Я жестом команду Асгару возвращаться. Назад мы тоже ползем на брюхе. Я передаю Хейдару то, что мы видели, и он собирает командиров взводов и отдает им приказ. Рота рассыпается в цепь и готовится к бою. Отдан приказ «вперед», и мы идем, но осторожно и пригнувшись. Задерживаем в груди воздух и выдыхаем его медленно, ожидая, что будет дальше. За насыпью слышна суматоха и громкий говор и крики врагов. Они бегают туда-сюда и перекрикиваются, словно почуяли что-то. Хейдар посылает одного из гранатометчиков вперед на открытое пространство и приказывает ему:

— Стреляй!

Степь вдруг освещается, и его граната летит в насыпь, взрывается оглушительно и страшно, и наш задержанный в груди воздух выходит наружу...

Вражеский пулемет бьет по нам с насыпи. Вначале он стреляет наугад, но затем словно бы увидел нас и уже поливает наши ряды вдоль и поперек.

— Вперед! – кричит Хейдар. – Всем на насыпь!

Поднявшись на ноги, я бегу, как вдруг огонь пулемета обращается в эту сторону, и мы падаем. Мне кажется, что красные трассирующие пули так близко пролетели от моего лица, что меня обожгло их жаром. Я вжимаюсь лицом в землю. Справа и слева от меня ребята стонут от боли, а Хейдар надывается криком:

— Вставай! Вперед, на насыпь!

Опершись на руки, я приподнимаюсь и говорю тому, кто лежит впереди меня:

— Вставай! Вперед!

Он не реагирует, и я хватаю его ногу и толкаю ее, и вдруг чувствую, что вся моя рука намочла. Он дрожит как ивушка, и я больше не медлю, встаю и бегу к насыпи. Пулеметчик врага ведет огонь по степи, где несколько наших гранатометчиков бегают туда-сюда и стреляют по насыпи с разных точек, меняя местоположение. Я одним броском достиг насыпи. Несколько наших бойцов прибежали сюда до меня и теперь поливают огнем ту сторону. Я взбираюсь на гребень и вижу, как за насыпью несколько вражеских солдат-пехотинцев выскакивают из своих ячеек и бегут в тыл. И все наши разом начинают стрелять по ним, так что все они падают.

Наш гранатометчик всадил гранату прямо в пулеметное гнездо, и пулемет, и все, кто были

при нем, взлетели в воздух. Хейдар – уж не знаю, как при такой массе он добежал сюда столь быстро – кричит:

– Первый взвод – направо... Второй и третий взводы движутся влево!

Я иду в цепи первого взвода. Продвигаемся осторожно, бросая гранаты во вражеские окопы. Вражеская пехота, видимо, при первых же выстрелах боя бежала в тыл. Перед нами никого нет, лишь несколько изувеченных трупов валяются на шоссе. Это асфальтовое шоссе настолько размочалено танками и бронетранспортерами, что на нем почти не осталось целого куска асфальта.

Навстречу нам идет наша цепь: это рота «Абес». Асгар подбегает с тыла и приносит весть:

– По эту сторону насыпи ройте окоп.

Это уже следующая насыпь после той, которую мы взяли штурмом. Я уже совсем без сил. Мехди приказывает копать окопы, а я сижу на земле и пытаюсь отдышаться. Ребята начали вгрызаться в склон насыпи и закапываться в землю. Я лег спиной на эту насыпь, и тут подошел Мехди. Он обходит нашу цепь и вот дошел до меня.

– Вставай, рой окоп, закапывайся. Не обманывайся этим затишьем. С рассветом знаешь, что тут будет? А здесь кто копает?

Я слышу голос Расула:

– Это я здесь, и Ага-Абдулла.

– Парень, и ты здесь? – восклицаю я с усталым удивлением.

– Да! Мы тут с Ага-Абдуллой! – отвечает Расул. – Так хорошо получилось, мы вдвоем с ним...

Кто-то бегом приближается. Это Асгар – несется во весь опор.

— Что там? – спрашивает его Мехди. — Куда ты?

— Ребята! – сообщает Асгар счастливым голосом. – Наша 25-я дивизия тоже подошла! Всё идет, как надо!

Не добавив больше ничего, убегает. Мехди встает:

— Пойду посмотрю на другие окопы. Ты давай, вставай! Вставай, копай...

Он идет к следующему окопу, который роет Мирза. Тот настолько устал, что даже разговаривать сил у него нет, он, как робот, долбит штыком землю и выбрасывает ее наверх. Окоп он делит с одним из новых парней во взводе, которого я не знаю. Я снимаю всё свое снаряжение и тоже начинаю копать. Слышу голос Мирзы, говорящего напарнику:

— Д-давай, т-ты за-заканчивай. Я уже вы-выдохся.

Он вылезает из полуготового окопа и, обессиленный, ложится на спину. Я весь углубился в работу: выбрасываю землю наверх, потом вгрызаюсь в дно окопа штыком, держа его обеими руками. Обливаюсь потом. Остановился передохнуть и вижу Масуда.

— Ты один? – спрашивает он.

— Да, подключайся!

Вылезаю из окопа и протягиваю ему штык, он берет его и начинает копать. Мы достигли такой глубины, чтобы окоп наш, в положении «сидя»,

прикрывал нас по плечи. И без сил падаем на его дно. Во рту – горечь, и я спрашиваю Масуда:

— У тебя вода есть?

— Нет, кончилась, — отвечает он словно бы через силу.

Я прислонил голову к стенке окопа. Стрельба слышна, но вдалеке. Прижимаю колени к груди. Масуд вдруг как будто вспомнил о чем-то и спрашивает:

— Где те ребята, которых вражеский пулеметчик положил?

— Позади той, короткой насыпи, — отвечаю я. — Метров на пятьдесят к тылу.

Он выпрыгивает из окопа.

— Я сейчас вернусь.

Уходит прежде, чем я успел спросить его, куда он идет. Места стало больше, и я могу растянуться в полный рост. Та часть неба, которая видна мне, осветилась бледным лунным сиянием. Слышу голос Асгара, но не различаю слов. Потом его голос приближается:

— Кончайте окапываться и будьте готовы. Время читать намаз.

Я совершаю сухое омовение, и, в то время, как я читаю намаз, возвращается Масуд. Он ждет наверху, пока я закончу, потом спрыгивает ко мне.

— Держи, вот вода.

— Откуда? – изумленно спрашиваю я.

Впрочем, ответа я не жду, а схватив флягу, выпиваю из нее всё до капли. Он достает и целлофановый пакет с финиками, и мы, без лишних

слов, начинаем их поглощать. Их очень много, и настроение мое улучшается.

— Откуда ты это взял? – спрашиваю я.

— У тех, кто погиб в атаке на пулемет. Они там и лежат, убитые.

Впрочем, мне теперь безразлично, у кого это взято. Я ложусь на дно окопа, а Масуд говорит мне:

— Пойду проверю, хорошо ли ребята окопались. Сейчас вернусь.

Вражеский обстрел усиливается. Противник постепенно разобрался, до какого рубежа мы дошли, и вот уже вся степь вокруг нас покрылась взрывами. Но я настолько хочу спать, что ни на что не обращаю внимания. Помню только, как Масуд толкал меня, чтобы я немного ужался и дал ему место. Полуоткрыв глаза, я еще заметил, что наверху нашего окопа появились мешки с песком, и на миг мне подумалось, что этот окоп – лучшее спальное место в мире.

* * *

Взрывается мина, и мне на голову и на лицо падают комья земли, камни и горячая земля. Открываю глаза. Солнце бьет прямо в лицо. Голова тяжелая. Поворачиваюсь и понимаю, что Масуда в окопе нет. Руками и головным платком очищаю лицо от грязи и сажусь, с любопытством осматриваюсь. Передо мной пустыня с растрескавшейся землей, близко насыпь, а сзади, поодаль, параллельно ей, еще одна насыпь. Не видно, чтобы кто-нибудь ходил в полный рост вдоль нашей насыпи.

Присмотревшись, вижу тут и там головы ребят, высывающихся из окопов, осматривающихся и опять исчезающих. Выше меня двое наших на насыпи сделали себе защиту целиком из мешков с землей и иногда высываются оттуда и стреляют. А в окопах справа и слева никого не вижу. В надежде, что кто-нибудь откликнется, громко спрашиваю:

— Сколько сейчас времени?

Из соседней ячейки слышен голос Мирзы:

— А, вот на-наш зе-зеленщик п-пришел? Д-де-вять т-тридцать.

Расул и Абдулла из своей ячейки выглядывают вместе. Увидев их, улыбаюсь и киваю приветственно. Из-за роста Расула вижу только его волосы и чуть-чуть глаза. Он внимательно осматривается вокруг и похож на пугливую косулю, которую жажда выгнала из леса, и она всякий миг ожидает нападения охотников. Вот его взгляд остановился на чем-то, и, проследив за ним, я вижу бегущего сюда Масуда. Добежав, он ныряет в наш окоп, прямо на меня, больно ударив меня в ребро.

— У-у-у... — восклицаю я протестующе. — Что это с тобой?

Он устраивается рядом со мной и спрашивает:

— Когда проснулся?

— Только что. А какие там новости?

— Мы в окружении, — сообщает он. — Иракцы со всех сторон.

Потирая ребро, я ухмыляюсь и говорю, как бы повторяя его слова себе самому:

— Ага... Значит, мы в окружении!

Как-то подобравшись, он отвечает серьезным тоном:

— Наша десятая дивизия отступила... Той насыпи, что есть на карте, в реальности не оказалось, и вот они на рассвете ушли.

Я невольно смотрю на небо. Всегда самый надежный выход из окружения давала ночная тьма, но этим утром и подумать страшно, как далека ночь. И все-таки я не принимаю его слова всерьез. Я не раз бывал в окружении, и каждый раз ощущение было совсем иным. Никогда не было так тихо и спокойно. Правда, вот просвистела мина и взорвалась за насыпью... Расул высунулся, испуганно огляделся и спрятался. Масуд оперся затылком о мешок с песком и вытянул ноги. Чтобы оглядеться получше, я выбираюсь наверх и сажусь на эти мешки. Вон несколько человек бегут, согнувшись. Те, кто вели огонь выше нас, спрятались. Абдулла полулежит в своем окопе и смотрит на меня с удивлением. И вдруг вражеский пулемет дает по мне очередь, и пули летят перед моим лицом и вгрызаются в насыпь, обдают меня фонтаном сухой земли. Нырять вниз на Масуда. От грома этой очереди у меня чуть барабанные перепонки не лопнули, и я непонимающе таращусь в небо.

— Говорил я тебе, — замечает Масуд.

Мое сердце учащенно бьется. Я неторопливо устраиваюсь рядом с Масудом. Мне кажется, что всё мое тело потеряло чувствительность и как-то онемело. Прислушиваюсь: очереди и взрывы звучат вначале далеко, а потом постепенно приближаются. Теперь я верю, что мы окружены.

* * *

Наш левый сосед – десятая дивизия – отошла в тыл, и ее место заняли танки врага. Половина насыпи в наших руках, остальное – во вражеских. Ребята из роты «Абес», немного отступя от насыпи, окопались в степи и караулят эти танки. Я вижу вдаль ребят из этой роты: их силуэты то появляются из кучек земли, то опять скроются.

Наш сосед справа – 25-я дивизия. Они держат фронт вправо до канала «Зуджи», который идет перпендикулярно той насыпи, по которой проходит наш рубеж и линия обороны 25-й дивизии. Канал, в свою очередь, образует прямой угол с шоссе Шаламче – Басра. По ту сторону канала – противник, по эту – наши войска, 25-я дивизия. Через канал проходит мост, который весь в дыму и огне; противник пытается преодолеть его и перейти на эту сторону канала. Но наши вцепились в этот мост и сопротивляются изо всех сил. Это мне понятно по интенсивности боя, который там идет.

У нас за спинами – пустынная степь до предыдущей параллельной насыпи, взятой нами раньше. Гладкая земля, пропеченная солнцем и растрескавшаяся.

* * *

Я с тревогой наблюдаю за Мехди, который выскочил из своего окопа и бежит к нашему. Падает плашмя вплотную к мешкам с песком. Я подвинулся, чтобы дать ему место, и говорю, хотя не вижу его за мешками:

— Мехди, прыгай вниз!

Смотрю на него, чуть выглянув, а он смотрит на ту насыпь, что осталась у нас в тылу.

— Хорошо! Так хорошо, как сейчас.

Мирза высовывается из своего окопа и приветствует нас, сжав кулак над плечом:

— П-привет зе-зеленщ-щикам!

Неожиданно пули летят в нашу насыпь, и мы все приседаем и прячем головы.

— Ша-шайтан в-вашу м...! – говорит Мирза.

Абдулла откликается:

— Ага-Мирза, ошпарь его «умывальным кипяточком»!

Мирза смеется:

— Хо-хорошо с-сказал!

Мехди, слабо улыбаясь, сообщает:

— По рации передали: к нам едет пара машин с боеприпасами и продовольствием. Аллах помоги им добраться успешно!

Я слежу за его взглядом, который направлен на вражеские танки. Вон они, красуются вдали! Спрашиваю:

— С теми танками, слева... Надо бы что-то сделать с ними!

— Штаб дивизии сказал: ждать, — отвечает Мехди. – Выдвигают против них батальон за той насыпью.

Расул выглядывает из своей ячейки. Вид его испуганный, оглушенный, непонимающий. Слышен крик:

— Пикапы, пикапы... Две «Тойоты»!

Машины проехали сквозь «ворота» в тыловой насыпи и на полном газу мчатся к нам. Танки

выпускают снаряд, другой, а потом вдруг открывают ураганный общий огонь по тому участку степи, по которому едут машины. За пикапами бурно клубится пыльный шлейф, как бы делящий степь надвое. Мы все смотрим на эти машины с болью и надеждой и вдруг видим, как танковый снаряд взрывается перед одной из них, и эта машина оливкового цвета вдруг сбавляет скорость и начинает вилять туда-сюда, а проехав сквозь клубы дыма от этого взрыва, и вовсе сворачивает в сторону. Словно она хочет развернуться, и в этот момент рядом с ней взрывается еще один снаряд. Пикап остановился, водительская дверь открылась. И вдруг – в мгновение ока – машина исчезает так, словно ее и вовсе не было, а на ее месте поднимается в небо гриб из дыма и огня, и потом с неба валятся части этой машины, рассыпаясь по степи. У меня прямо сердце остановилось. Всё, что осталось от машины – это ее обгорелый металлический скелет, из которого поднимается густой дым. Танковый снаряд не попал в нее, но взорвал те боеприпасы, что были в ее кузове. Дружный крик боли вырывается у всех нас: они сожгли машину нашей надежды. Второй пикап, прыгая на ухабах, прорывается-таки к нам и врезается прямо в насыпь. А всю степь затащило дымом и клубами взметенной взрывами земли.

Ребята начинают стекаться к этой машине, и отовсюду слышны возгласы благодарения. Но и танки дружно концентрируют огонь на нашей насыпи. Они, кажется, воспользовались тем, что мы от них отвлеклись, и выдвинулись дальше в степь

между двумя насыпями: оттуда им лучше обстреливать нас. Мы, в общем-то, оказались беззащитными. Спрятались в окопы, а снаряды рвутся на насыпи, и вот один из них попадает в чью-то ячейку, и тот, кто был в ней, оказывается засыпанным по пояс. Он лежит недвижимо, и лицо его бело как мел. Мирза и его напарник выпрыгивают из своего окопа и подбегают к нему. С трудом вытаскивают его из земли, и тут напарник Мирзы сам падает, а на гимнастерке его расплывается красное пятно, всё увеличиваясь...

Огонь ведут прямо по нам. Мы скрючились на дне окопа, и вот снаряд взрывается совсем близко. Отовсюду несутся крики:

- Санитаров, санитаров...
- А-а! Я горю весь... А-а...
- Медики... Носилки бы сюда...

Я слышу, как кто-то подбегает, но вот еще один взрыв танкового снаряда, и мне в лицо летят раскаленные комья земли. Обеими руками я закрываю лицо, но вижу, как кто-то в падении прячется за мешки с песком и часто дышит. Но, задышавшись, успевает ругать врага. Я вижу, как он крепко ухватился за мешок с песком, и на тыльной стороне его кисти читаю татуировку: «Я люблю тебя, мама». Он уползает от нас на четвереньках, всё так же поливая врага отборной руганью.

Пули летят над самым нашим окопом и бьют в мешки с песком. Я втягиваю голову в плечи. Запах взрывчатки становится всё сильнее. Снаряд ударяет в насыпь, и слышится душераздирающий крик. Осторожно смотрю поверх мешков с песком.

Тот окопчик или сооружение, которое выше нас было сделано из мешков, разметало прямым попаданием. И из клубов пыли неподалеку кто-то встает в полный рост, смотрит непонимающе на эту воронку, потом в ужасе поворачивается и бежит, спрыгивает в одну из ячеек.

И вдруг Расул тоже в своей ячейке встает в полный рост. На его лице – ужас, а зеленые глаза потемнели, как темные оливки. Его руки словно перестали работать и висят вдоль тела. Жилы на шее отвердели. Белки глаз покраснели, как в ту ночь, когда он на кладбище упал в могилу и на него светили фонариком. Абдулла хочет схватить его за руку и утянуть назад, но Расул вырывается и совсем вылезает из окопа. Он кричит что-то нечленораздельное, бежит мимо нашей ячейки, и тут я обеими руками хватаю его поперек туловища и изо всех сил затаскиваю в нашу ячейку. Он визжит, молотит руками и ногами и вцепляется мне ногтями в лицо. Масуд схватил его за шею, а я пытаюсь обуздать его молотящие конечности. И тут над нашим окопом взрывается еще один снаряд, и его пламя и взрывная волна сплющивают нас о стенку окопа. Я валюсь на Масуда и Расула, задыхаюсь. Мне действительно забило горло землей, и я с трудом откашливаюсь и восстанавливаю дыхание.

Расул вдруг как бы отключился. Он недвижим словно мертвец и плотно прижал коленки к груди, а головой уткнулся в коленки. И я обнимаю его и Масуда, и так мы все трое лежим без сил на дне окопа. Только уши мои еще работают. И они слышат со всех сторон стоны и оханья, и крики о помощи,

обращенные к санитарам. Расул дрожит, и я плотнее прижимаю его к себе. Обстрел этот, кажется, никогда не кончится.

...Не знаю, сколько часов прошло, прежде чем обстрел пошел на убыль. Всё это время слышались лишь взрывы, стоны и крики «на помощь». Медики, впрочем, бегали от окопа к окопу... Набравшись мужества, я, наконец, поднимаю голову над окопом и осматриваюсь. Всё кругом засыпано слоем потемневшей и как бы закоптившейся земли. По-прежнему едкий тротильовый дым дерет носоглотку. Каждый вздох вызывает боль в легких и некое чувство страха, смерти или войны. Может быть, все эти три – и есть одно чувство.

Масуд заворочался, отнял от лица руку, которой закрывал его, и смотрит на меня, как бы не веря тому, что видит. Его взгляд – как у человека, пробудившегося от долгого сна и внезапно видящего перед собой старого, полузабытого друга. Опираясь руками о землю, он приподнимается и осматривается вокруг. И я смотрю на насыпь – в ту и другую сторону. Окопы разбиты, мешки порваны и разбросаны. Санитары бегают туда-сюда со своими сумками, от окопа к окопу и от раненого к раненому. Перевязанных ведут, поддерживая, в отведенные для них, тоже полуразрушенные окопы. Приводят в порядок брустверы из мешков с песком. Я пытаюсь разглядеть танки врага и не могу. Кругом висит неподвижная, безмолвная завеса пыли и всё скрывает. Хоть бы чуть-чуть ее шевельнуло ветерком и отодвинуло... Минометные мины продолжают взрываться тут и там в степи,

и дымные их грибы поднимаются над землей, потом вновь опадают, и дым расплывается в стороны. Звук их взрывов похож на звук воды, бьющей по мокрому лицу: какой-то растянутый, резкий, мелодический. Я прямо засмотрелся на эти взрывы мин посреди затянутой пылью степи. Вот из дымного гриба вырывается огонь, после чего напряжение падает, но дымный гриб еще растет и становится похож на шутовской колпак с несколькими языками, затем мягко распространяется в стороны и вниз, растекается в пыльном киселе и сам становится частью этой пыльной взвеси.

Всё успокоилось. Нечастые выстрелы и взрывы создают мелодию, вовсе не действующую на нервы. Словно негромко бьют в какие-то барабаны, но совершенно понятно, что это мнимое затишье таит в себе смерть. Танки с их черепашью упрямством никуда не делись и иногда стреляют, и, уже только услышав звук танкового выстрела, еще даже не дождавшись разрыва снаряда, мы чувствуем, как нас бросает в жар. В своей полной беззащитности перед танками мы как малые соломинки, которые вихрь может мгновенно взметнуть в воздух. И Аллах один знает, не будет ли этот танковый выстрел последним для любого из нас.

Мирза высовывается из окопа, и его сердитое лицо напоминает мне кипящий самовар. От пыли волосы его побурели. Увидев меня, раскрывает трещину рта:

— В-вот по-подлецы, что н-над-делали!

Его губы так пересохли и рот открывается с таким трудом, что мне кажется: челюсти его вот-вот заскрипят.

— Ты жив? – спрашиваю его.

Он выше поднимает голову и с изумлением осматривается. Чешет за ухом.

— Эх, д-друг м-мой! Н-не дождутся, п-подлецы!

Масуд встает так, чтобы лучше видеть Мирзу.

А тот говорит:

— М-Масуд, клян-нусь Аб-басом, этот раз со-со-всем п-по-д-друг-гому... Эт-то уже не-не ш-шутка.

Я смотрю в глаза Мирзе и понимаю, что он шутит, но шутит как-то серьезно, что ли. Масуд тоже не находит, что ответить.

— Аллах свидетель, не знаю, что и сказать, — говорит Масуд.

Та машина, которая добралась до насыпи и стоит, воткнувшись в нее носом, вся изрешечена. Я вижу задний борт ее кузова, на котором написано: «Господу нравится, когда богатых потрошат».

— Посмотри, Масуд! — указываю ему на машину.

Он смотрит на надпись с безразличием и замечает:

— Издырявили как решето!

Появляется голова Аабдуллы, он тревожно смотрит на меня и спрашивает:

— Расул у вас?

— Так точно, — отвечаю я и смотрю на дно окопа, где Расул скорчился, как бы вбуравившись головой в окопный угол. Из-за Абдуллы высовывается кто-то незнакомый. Он повернулся к нам затылком и смотрит на «Тойоту».

— У-у, погляди только! Погляди, что сделали. Машина была, как невеста, чистенькая, а сейчас? У-у, дырка на дырке, вот негодяи!

Голос его кажется мне каким-то манерным, при этом знакомым, но в смятении чувств после боя память не работает. Его лохматые длинные волосы всклокочены и забиты землей. Он поворачивается, и я вижу его костлявое лицо, опять эти перепутанные волосы и гимнастерку, расстегнутую до половины груди. Нагнувшись, он ищет что-то в окопе, потом громко восклицает:

— Клянусь праведным Аббасом, я их на куски порублю! Машина ведь была – загляденье! Клянусь Абулфазлом, пока не отомщу им, не успокоюсь. Они думают, они с кем дело имеют?

Он складывает свой головной платок и повязывает его на шею. Лицо его кажется мне очень знакомым, но не могу вспомнить, откуда я его знаю. Он вылезает из окопа и садится на бруствер, изумленно осматривает машину. Подбоченивается, и я вижу татуировку на его руке и вдруг вспоминаю, как эта рука стучала по рулю машины. Это тот самый водитель, который вез нас троих.

— Салам! – говорю я ему, и он смотрит на меня искоса.

Почесав нос, говорит с сомнением:

— Клянусь праведным Аббасом, я им портки на голову натяну – чалму сделаю! Так с моей невестушкой?! Скажи своему высокочтимому другу, пусть тоже придет посмотрит, что сделали эти негодяи с моей якобы «частной собственностью»! Из невесты – решето!

И вновь лицо Али всплывает в моей памяти. Вспоминаю его напряженные щеки и размолотое гусеницами тело ниже пояса.

— Вчера он погиб, — говорю я.

— Да помилует его Аллах! — отвечает водитель совершенно автоматически.

Он подходит к машине, бормоча что-то, наверное, ругательства, может, грязные, а может, замысловатые. Не слышно отсюда... Абдулла говорит мне:

— Скажи Расулу, пусть идет в этот окоп.

Расул всё еще лежит как больная пташка и словно бы вообще не дышит. Пыльная завеса постепенно отплывает в сторону канала «Зуджи», и теперь нам видны танки противника, выдвинувшиеся в степь. Ребята из своих жалких ямок в земле стреляют по ним. Чем это всё кончится — Бог весть.

* * *

— Г-где Масуд? — спрашивает Мирза.

— Пошел посмотреть, как дела у ребят, — отвечаю я.

— Время ли для этого? — негромко ворчит Абдулла и взглядом указывает в небо. Над нами кружит вертолет. Не боевой штурмовой, а скорее посланный для разведки. Некоторые из наших стреляют по нему, но толку нет: как слону комариные укусы. Зениток у нас нет. Стреляют по нему и со стороны Рыбного канала — с таким же успехом. А вертолетчики совсем обнаглели: кружат всё ниже и ниже. Расул сидит рядом со мной на корточках и смотрит прямо перед собой ничего не выражающим взглядом. Мирза громко говорит, так, чтобы все слышали:

— С-сделайте ли-лица, он сним-мает.

Водитель «Тойоты», который теперь в одном окопе с Абдуллой, тоже комментирует действия вертолетчиков:

— Щас небось помощник шофера выпрыгнет и побежит за нами?

Мы все смеемся. Я толкаю Расула в бок и смеюсь намеренно громко, но на его спекшихся губах лишь коротко появляется тень улыбки. Его волосы всклокочены и полны землей, и он вообще не высывается из-за мешков с песком. Да и я стараюсь не высывать голову: мало нам артиллерии, еще и снайперы бьют.

— Клянусь Аллахом, — продолжает свою речь водитель «Тойоты», — если собьют вертолет, я их уши порежу и на ладонь их положу!

Он ножом отмеряет ноготь своего большого пальца – лезвие ножа, сверкнув на солнце, слепит мне глаза.

— Масуд идет, — говорит Абдулла.

Я замечаю при этом напряженный и тревожный взгляд, которым Абдулла меряет всю протяженность насыпи. Словно он беспокоится за всех нас. Масуд ныряет в окоп, и почти одновременно пули ударяют в насыпь и в мешки с песком. Масуд втискивается между мною и Расулом, и я говорю ему со смехом:

— Ну, брат... Если и они нас не убьют, так ты убьешь, падая так нам на головы! Скажи, Расул?

Но Расул на мои слова вовсе не реагирует. Шутка моя не оценена. Масуд тоже угрюмо молчит, а земляная пыль, которой целиком покрыто его лицо, делает его вид вовсе несчастным.

— Случилось что? – спрашиваю я.

Масуд встречается взглядом с Расулом. И с трудом проглатывает слюну так, будто и слова какие-то удерживает в себе.

— Что случилось? – опять спрашиваю я.

Он отвечает тоном намеренно мягким, словно желая уменьшить для нас удар:

— В Мехди попало...

Я на миг замер, вглядываюсь в его глаза, быстро спрашиваю:

— Как попало?

Масуд прислонился затылком к мешку с песком и смотрит вверх, словно беседует с небом.

— Танковый снаряд взорвался рядом с окопом. Осколком в голову.

Новость словно ошпарила меня. Расул смотрит на меня, и я не могу ничего прочесть в его взгляде. С утра его взгляд стал таким бессмысленным. Я встряхиваюсь и собираюсь вылезти из окопа, но Масуд хватает меня за руку и угрожающе спрашивает:

— Куда это?

— Сейчас вернусь! – отвечаю я, вырываю руку и выпрыгиваю наверх, бегу и слышу вслед его крик:

— Сейчас не ходи туда – обстрел, позже сходишь!

Я бегу вплотную к насыпи. Возле ног впиваются в землю пули – я не обращаю внимания. Состояние мое таково, что всё уже мне стало безразлично. Вот окоп Хейдара и Асгара. Я падаю ничком и подползаю к ним. Толстое лицо Хейдара при виде меня

озаряется улыбкой. Он расселся в окопе, и его телеса растеклись и заполнили почти весь объем окопа без остатка, включая углы. Асгар при этом прижат к стенке.

— В каком окопе Мехди? – спрашиваю я.

Улыбка исчезает с мясистых губ Хейдара, и он говорит мне холодно:

— Зачем ты вылез вообще, вернись в свой окоп!

Но Асгар указывает мне на следующую ячейку, и я ползу к ней. На месте ее бруствера зияет большая воронка, и у меня не хватает воли поднять голову и заглянуть туда. Я помню Мехди таким, каким он был: прямые волосы и рыжеватая борода, волоски которой блестели на солнце. Поднимаю голову и заглядываю: Мехди сидит, привалясь к стене. Голова упала на плечо, и во лбу с правой стороны дыра. Тянется ручеек крови, стекшей за воротник. Я переваливаюсь в окоп и вижу, что его рот весь в пене. Пена белая, но от примеси земли побурела. Пены много, и она пузырится – неужели он жив? Жив?!

Я прикладываю ладонь к его рту, и он вздыхает. Очищаю его рот от пены. Зрачки его как будто остановились на мне, и я зову его:

— Мехди... Мехди!

И отшатываюсь, потому что его зрачки опустились вниз. Он теряет сознание или просто в коме. Я кричу:

— Асгар! Асгар!

Асгар высовывается из своего окопа, и я кричу ему отчаянно:

— Асгар, Мехди ведь жив!

Но Асгар только молча смотрит на меня. Да, Мехди жив и дышит, но в пробоине в его лбу виден мозг. Асгар наклоняет голову в мою сторону так, что практически лежит щекой на мешке с песком, и говорит:

— Бесплезно, ничего не сделать.

Опять вокруг рта Мехди набралось пены. Я беру его голову двумя руками так, чтобы он смотрел на меня. И он смотрит на меня, и я впиваюсь взглядом в его зрачки. И состояние его кажется мне странным: он словно глядит на меня очень издалека, с расстояния во многие километры. Я аккуратно прислоняю его голову к стене и вытираю окровавленную руку о собственные брюки. Вылезаю из окопа и вижу, как на кровь Мехди сел слепень.

* * *

Слева и сзади, под прикрытием той насыпи, что осталась у нас в тылу, выдвинулся наш батальон и открыл огонь по танкам. Пытаются не дать их танкам окончательно нас отрезать. Мы видим, как там, на насыпи, появляются черные точки и от них летят в сторону танков ракеты. Вся насыпь в дыму, но мы видим красные огненные стрелы ракет. Танки, однако, открывают ответный огонь по насыпи, и она совсем пропадает в дыму и огне. Танковый огонь столь плотен, что ракетные выстрелы почти прекращаются. По каждой новой черной точке, появляющейся на насыпи, танки работают в десяток стволов, однако все наши надежды – на это подкрепление. Я высунулся из ячейки и, положив подбородок на мешки с песком, смотрю туда

во все глаза. Если эта отчаянная атака захлебнется, то и по нам можно будет читать отходную.

Я совсем забыл о вражеских снайперах. Все мысли о том тяжелом бое, который ведут ребята на той насыпи. Танки при этом глубже вдвинулись в промежуток меж двух насыпей, они теперь лучше видят нас и легче могут обстреливать наши окопы. Но и черные точки не исчезают с той насыпи, сделавшейся похожей на лицо внезапно возмужавшего юнца, чью зрелость демонстрируют появившиеся прыщи.

Танки между тем приближаются, а мы лишь наблюдаем за ними и только. Действенных средств борьбы у нас нет, и враг это знает. Ребята из роты «Абес» держатся из последних сил. Они окопались там, в голой степи, у них нет насыпи, чтобы укрыться за ней. Стреляют по танкам из гранатометов, но мажут, а мы молим Аллаха, чтобы помог им.

Один из танков отделился от колонны и, обогнув эти холмики земли, за которыми прячется рота «Абес», на полном газу мчится к нам. За ним поднялся шлейф пыли, отделившей нас от тыловой насыпи и ясно показывающей нам, что мы действительно отрезаны, окружены. Вдоль нашей насыпи раздаются отчаянные крики:

- Танк! Танк идет!
- О, праведный Аббас...
- Гранатометчики, танк... Танк идет, гранатометчики!

Волна ужаса захлестнула наши окопы. Глаза Расула едва не выпрыгивают из орбит. Абдулла схватил пулемет, вылез из окопа и побежал в степь.

Еще один танк отделился от их общей группы и газует к нам вслед за первым. Водитель-щеголь рванул свою гимнастерку, и пуговицы ее оторвались с треском пулеметной очереди. Потом он и вовсе сорвал с себя гимнастерку, и я увидел на его груди татуировку, изображающую льва с пышной гривой. Смуглая кожа его блестит на солнце, он хватает гранатомет, лежащий возле тела убитого, и бежит в степь. Я тоже выскакиваю из окопа, но Расул в последний миг хватается за ногу обеими руками. Я оглядываюсь на него, и его склоненная набок голова напоминает мне какого-нибудь последователя индуистского культа, в исступлении что-то вымаливающего у своих богов, конкретно – у моей ноги. Лицо его побелело, как у мертвеца, и он не хочет выпускать ногу. Я все-таки отпихиваю его и, освободив ногу, бегу в степь.

Все гранатометчики покинули окопы и стреляют по танкам. Первый из них продолжает ехать на полной скорости. Не знаю, откуда появился Хадж-Носрат, он энергично трясет в воздухе обеими руками, как бы стуча кулаками по врагу, и кричит гранатометчикам:

– Целься лучше, стреляй! Не подпускайте их ближе...

Первый танк встал в точности посередине между нами и тыловой насыпью. Асгар выхватил гранатомет у одного из тех, кто стрелял неудачно, и бежит на открытое пространство. Выпущенные по танкам гранаты продолжают лететь мимо, и Хейдар ревет, как бешеный бык:

— Стреляйте, но цельтесь же лучше! Не тратьте зря боеприпасы... Сожгите этих ублюдков!

Лицо его красно, и с каждым выкриком его зоб надувается и опадает. Абдулла поливает танк из пулемета, но пули рикошетят от стального корпуса. Хейдар ревет и в бешенстве топчет землю. Он выхватывает гранатомет у одного из тех, кто стрелял неточно, и бежит к насыпи за гранатами. Я слежу за ним и вижу, что возле насыпи в окопах никого не осталось, все в открытом поле. Водитель-щеголь присел на одно колено и, с гранатометом на плече, тщательно целится во второй танк. Стреляет, и облако дыма и поднявшейся от земли пыли закрывает его. Красная черта гранаты летит в корпус второго танка, который вспыхивает как костер.

Передовой танк от нас в двухстах метрах. Хейдар с той же поспешностью, с какой бежал к насыпи, бежит обратно и, остановившись, из положения «стоя», целится в танк. Стреляет, и я вижу, как его телеса вздрагивают, словно желе. Я вспоминаю праздник разговения и то желе, что готовила мама: оно вот так же тряслось, когда я стучал по столу, что заставляло Ройю хохотать до упаду. Граната Хейдара режет воздух и, словно комета, улетает ввысь и теряется в небесах. Хейдар ищет ее взглядом и, не найдя, приходит в бешенство и швыряет гранатомет на землю. А танк, словно только и ждал этого яростного жеста Хейдара, вдруг останавливается. Мы все поражены. На миг вся стрельба прекращается, не слышно ни звука, кроме тех очередей и артиллерийских залпов, что звучат вдали. Да еще слышна ругань водителя «Тойоты», который,

с гранатометом на плече, возвращается к насыпи. Мы все застыли недвижимо, а экипаж танка выглядывает из люков. Такое ощущение, что война вдруг прекратилась.

В сторону Рыбного канала летел белый баклан, и вот он вдруг разворачивается и летит обратно. Мы, задрав головы, следим за ним. Он облетает танк и проносится над нами, и реет там, вверху, между нами и танком. А ветер доносит до нас голос водителя-щеголя:

— Клянусь Аллахом, она красавица была. Мы с ней не расставались, были как муж и жена. И вот негодяи расстреляли, уничтожили ее. А как красиво написано сзади: тегеранский каллиграф писал! Всего несколько слов, а надо же... тьфу! Тьфу на вас!

Экипаж танка осторожно вылезает на броню, и вот мы оказываемся лицом к лицу, и неподвижно стоим, и разглядываем друг друга. И только баклан снижается зигзагами по направлению к нам. Впрочем, вот танкисты уже спрыгнули на землю и побежали, чтобы спрятаться за небольшим холмиком, и мы вспоминаем, что мы на войне и что белая красивая птица не может отменить этого факта. Последний танкист спрыгивает с брони и бежит, сломя голову, куда-то в открытую степь. Он перепуган и не видит, как товарищи машут ему руками из-за холмика, подсказывая, куда бежать. Опомнившись, мы целимся и стреляем по нему. Кто-то попадает, и он вздрагивает на бегу, хотя продолжает свой бег.словно, даже убитый, он хочет удрать от нас. Но вскоре он падает лицом в землю.

И белый баклан напугался и замахал крыльями, улетая, миновал этот труп и быстро набирает высоту. Мы опускаем оружие, а потом вспоминаем о том, что мы окружены. И вновь на нас давит страх. Танковые снаряды, один за другим, начинают взрываться среди нас, и возобновляется пулеметный обстрел. И мы бежим к окопам, как вдруг в степи слышится чей-то крик:

— На помощь, на помощь!.. Носилки! Асгар...

Я ныряю в окоп, чуть не задавив Расула, который свернулся калачиком и смотрит в небо. Потом, держась за мешки с песком, я выглядываю из окопа. Вижу, как двое тянут кого-то за длинные ноги – похоже на то, как волокут жертвенного барана. И сзади по земле тянется след крови, быстро впитываемой этой землей. В том, кого волокут, я узнаю Асгара: затылком голова его стучается о камни, подпрыгивая. Они дотащили его до насыпи и бросили тут, а сами укрылись в окопах. Я начал вылезать из нашей ячейки, и тут Расул опять вцепился мне в ноги. Враг между тем обстреливает нас из пулеметов. И вот я вырываюсь, а он держит меня мертвой хваткой и хрипит:

— Не ходи... Прошу, ради Аллаха, не ходи!

Я сдаюсь и сажусь на корточки, и обнимаю Расула за плечи. Мы сжимаем друг друга в объятиях. Танки сильнее начинают обстреливать нашу насыпь, перепахивая ее. Расула бьет дрожь, а тротильный запах становится удушающим. Хоть бы с Масудом ничего не случилось...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Огонь противника ослабевает. Я понимаю это хотя бы по тому, что немного свежего воздуха попало в легкие, и резь в груди от тротиловой вони слегка отпустила. Поднимаю голову, которую прижимал к плечу Расула, и затравленно осматриваюсь. Найдется ли хоть кто-то живой вокруг? Тогда я поверю, что и сам я жив, что есть и другие, которые всё еще дышат. На всем теле Расула лежит слой темной земляной пыли.

— Ты жив? – спрашиваю его голосом, выходящим из моего горла, словно из глубокого колодца.

Он медленно поднимает голову и кивает, смотрит на меня так, будто видит нечто удивительное. Во рту – горечь, похожая на змеиный яд, на душе – скверно. Словно я что-то дорогое потерял...

— У тебя поесть найдется? – спрашиваю я Расула.

Он кивает и, высунув руку из окопа, шарит там позади мешков с песком. Схватив за лямки свой рюкзак, тянет его в окоп. Потом ищет в рюкзаке и ничего не находит, а я вдруг вспоминаю, что в моем собственном рюкзаке есть еда. Он там же, снаружи, и я так же вытягиваю его оттуда. Расул смотрит растерянно: мой рюкзак весь продырявлен. Я молю Бога, чтобы не пострадал подарок,

который Ройя дала мне в дорогу. Нащупываю в рюкзаке печенье, и на сердце становится спокойнее. Не доставая его из рюкзака, я заботливо ощупываю эту пачку: не зацепило ли ее? Не знаю, почему, но это печенье мне кажется сродни нашим ребятам, оно так же дорого мне, и не хотелось бы, чтобы оно получило рану.

Я осторожно вынимаю пачку с печеньем: цела она или нет? Я бы лучше сам получил рану от осколка, чем увидел покалеченный сувенир Ройи. И вот я подношу его к лицу и вдыхаю его запах. В этой маленькой волшебной пачке для меня оживает образ моей сестренки, нагретый влажный запах комнат нашего дома, дым отцовских сигарет, потолок спальни со вздувшейся штукатуркой и материнский самовар, кипящий с утра до вечера.

Надрываю оберточную бумагу, и крошки от раздавленного печенья высыпаются на землю. Там всё раскрошилось и с дуновением ветерка летит на наши с Расулом лица. И сердце мое болезненно вздрагивает, и снова на душе тяжесть.

В рюкзаке моем нашелся также и шоколад из армейского пайка, я ломаю шоколадку пополам и отдаю половину Расулу, хотя он пытался оттолкнуть мою руку. Я настаиваю:

— Ешь, ты со вчерашнего дня ничего не ел!

Он заталкивает шоколад в рот и жадно его жует. Расширенные глаза придают ему перепуганное выражение.

— Асгар погиб? – спрашивает он.

Я улыбкой смягчаю горечь моего ответа:

— Да, Асгар погиб. А также Мехди погиб, Али погиб. Аллах один знает, сколько вообще останется в живых в конце концов.

Он также улыбается не без яду и отвечает:

— Помогите Аллаху, чтобы никто больше не погиб! Так хорошо будет...

Я заставляю себя улыбнуться, открываю флягу Масуда и даю ее Расулу. Он пьет: мне кажется, он чуть успокоился.

— Я... Я иногда пугаюсь, — говорит он. — Но я в этом не виноват. Знаете же сами...

— Видишь ли, Расул-джан, нет такого, кто бы не боялся. Кто-то меньше, кто-то больше. Но ребята привыкают и стараются не показывать страх, а иначе... Вот и ты... Зачем всё в себе держишь, говори...

— ...Вставай! Вставайте и двигайтесь вправо! Все из окопов... Бегом!..

Я узнаю голос Хейдара. Опираясь на мешки, выглядываю: ребята вылезают из окопов. Растерянные, напряженные...

— Передвигаемся вправо, всем из окопов... Бегом!

Я встаю и удивленно смотрю на происходящее. Командир нашей роты Хусейн бегаёт взад-вперед, чтобы вывести роту вдоль насыпи в сторону 25-й дивизии и канала «Зуджи». Я только тогда понял, что случилось и зачем нужно оставлять насыпь, когда увидел, что происходит с ребятами роты «Абес». В открытом поле их окружила иракская пехота, и кое-кто из наших поднимает руки, сдаваясь,

другие пытаются спрятаться в своих ямках, но иракцы добивают их очередями. Наблюдая за всем этим, я одновременно говорю негромко:

— Расул, вставай. Бери всё снаряжение.

И тут мимо моего лица пролетают пули и вонзаются в насыпь – да еще и с разных направлений. Я вынужден пригнуться, и Расул в ужасе смотрит на меня.

— Вставай, вставай! – повторяю я.

Но он, наоборот, упал на дно окопа и забился в угол, я вынужден схватить его за шиворот и буквально выбросить наверх через бруствер.

— Бегом, Расул, бегом!

Водитель «Тойоты», словно суслик из норы, высунул голову из своей ячейки и крутит ею вправо-влево. Он весь в пыли, отчего смуглость его стала матовой. Целым табунком наши ребята пробегают мимо. И Расул нацепил всю амуницию и бежит. Я также, с автоматом наперевес, бегу вдоль насыпи, и тут нас накрывают плотными очередями. Мы залгаем, и я ползу вперед, к окопу, на бруствере которого спиной вверх лежит убитый, я вижу, что рот его открыт.

— Бегом, бегом! Не ложиться никому...

Собравшись с духом, я встаю, и в этот миг водитель «Тойоты», обгоняя меня, несется вперед. На плече его гранатомет, и он вопит что-то нечленораздельное. И вновь перед лицом моим красные трассирующие пули врезаются в насыпь. Невольно я оборачиваюсь назад и вижу, как вражеские солдаты добивают тех, кто еще пытается сопротивляться. Окружив их, расстреливают очередями. Я бегу

и вот поравнялся с окопом Мехди. Ноги слабеют, я замедляюсь, а глаза Мехди, как огненные снаряды, ударяют мне в душу. И я прячусь в ту воронку, в которую превратился развороченный окоп Мехди. Стрельба по нам очень плотная, а от взрывов чуть не лопаются перепонки в ушах. Подбегает Хусейн, и я хочу спросить у него, что делать с Мехди, как вдруг он толкает меня в грудь и сердито кричит:

— Бегом! Бегом отсюда!

Его красный шрам побагровел. Он не останавливается и не смотрит, следую ли я за ним. Продолжает вытаскивать из окопов тех, кто, напуганные, пытаются в них отсидеться. Взашей гонит их к каналу, а я по-прежнему растерянно топчусь на месте, и вот опять красные пули передо мной, опалив лицо, вонзаются в насыпь. Бросаюсь плашмя в воронку Мехди, толкнув его, и машинально бормочу ему:

— Извини, я не хотел.

Встаю на ноги и вижу, как на меня набегает некто с желтым испуганным лицом, испещренным пятнами экземы. Я его где-то видел. Я хочу его попросить помочь мне оттащить тело Мехди и вдруг чувствую так, как будто меня с какой-то горы скинули вниз, вернее, раскаленный ветер поднял меня из окопа и ударил о насыпь. И сквозь дым и клубы пыли я вижу какое-то человеческое тело, — вернее, большую часть его — взлетающее, крутясь, к небесам, а потом шлепающееся на землю. Мурашки пошли по всей коже, а голова моя словно бы всё растет и растет и чуть не лопается. И тут же

холод охватил меня; я поднялся, шатаясь, сел и весь сжался. Вокруг меня – сгустки крови, красные куски человеческого мяса и что-то белое: видимо, кости. Меня мутит и тошнит, открываю рот, чтобы меня вырвало, но этого не происходит. От встряски словно все мои внутренности сместились, словно чья-то рука вошла в меня и всё внутри там перевернула, поменяв местами кишки и сердце. Всё перед глазами моими стало желтым, ярко-желтым. И я хочу одного: упасть на землю; но тут Абдулла хватает меня за шиворот, ставит на ноги и тянет за собой. А как мне двигаться? Я опять сел, и на этот раз меня вырвало. Во рту горечь, а лоб покрылся холодным потом.

— Не сиди, вперед! – кричит мне Абдулла, но мне не встать, тело потеряло чувствительность.

— Насер, Насер, вставай!

Это голос Расула; не знаю, почему он еще здесь. Но он берет меня под локоть, поднимает на ноги и мою руку кладет себе на плечо, хочет помочь мне.

— Я сам пойду, — говорю я ему. — Бежим бегом!

Мы бежим. Везде вокруг уже безлюдно. Впереди танковые снаряды бьют в насыпь и взрываются, и несколько бежавших исчезают в клубах дыма и пыли, а другие, словно пораженные ужасом, останавливаются и смотрят на место взрывов. Бег нашей колонны затормозился на миг, но потом, когда дым развеялся, возобновился. Вновь все бегут, и мы подбегаем к месту этих взрывов и видим валяющиеся на земле трупы и раненых, ползущих следом за всеми на четвереньках.

Я смотрю вперед. Там, перпендикулярно к нашей насыпи, высится другая насыпь, это укрепрайон канала «Зуджи». Утром Масуд мне ее показывал. По ту сторону канала красуются вражеские танки, а по эту, над насыпью, то появятся чьи-то головы, то исчезнут.

— В колонну строиться! Стадом не бежать, соблюдайте строевой порядок!

Это голос Хадж-Носрата, который, оказывается, хочет в этом хаосе нас построить! Батальон бежит, призрак смерти преследует нас, выхватывая одного за другим из колонны... Мы просто спасаемся, никто не хочет остаться брошенным...

— Стройся в колонну, повторяю! Командиры, стройте ребят. Толпой не бежать, нас впереди ждет бой...

Мы строимся в некое подобие колонны, скорее похожее на рассыпанные бусины порванных четок: один, потом двое, потом целая группа. Абдулла, я и Расул идем в затылок друг другу. Опыт говорит нам о необходимости держать дистанцию: во-первых, по одиночным фигурам танковые пушки стрелять не будут, а, во-вторых, если с одним что-то случится, другие придут на помощь. И мы трое держим дистанцию, а вот перед нами четверо идут тесно вместе. Я понимаю их чувства: они напуганы, а в страхе человек тянется к другим. Но я говорю Расулу и Абдулле:

— Гляньте вы на этих сумасшедших! Чего они прилипли друг к другу? Ведь сейчас твари ударят по ним...

И тут прямо у нас на глазах вздымается земля, и валит дым, и бьет по ушам гром взрыва. Мы падаем плашмя, словно снежные куропатки ныряют в снег, а вражеские танки оливкового цвета – это охотники. Потом встаем, Абдулла бежит к этим четверым. Я – за ним, бросив через плечо: «Расул, не отставай!»

И Расул сзади держится за мою патронную сумку... Мы подбегаем к этим четверым и видим, что словно кто-то их взял и аккуратно всех сложил одного на другого. Верхний лежит лицом вверх, раскинув крестом руки и ноги, осколок попал ему в горло. Он еще жив, и видно, как с каждым биением сердца новая волна крови выливается из этого перебитого горла. Расул в ужасе схватил меня за руку и бормочет:

— Сделай... Сделай что-то, во имя Аллаха...

Но сделать я ничего не могу, кроме как смотреть на эту груды тел. Вот эти фонтанчики крови усилились, причем кровь течет на лицо того, кто лежит внизу, а потом на землю. Этот верхний боец – словно усталый бегун, который вышел на финишную прямую дистанции. Расул вцепился мне в локоть и не отпускает, а кровавые фонтанчики меж тем замедляются. Больше нет в его теле крови: почти вся вылилась. Расул сморщился, и зеленые глаза его стали матовыми. Абдулла сидит на корточках и просто смотрит: на его лице я не вижу никаких знаков, которые бы показали мне, что он чувствует. Только когда он стирает со лба пот и грязь, я вижу, что рука его дрожит. Фонтанчики крови совсем ослабели. Я смотрю на Расула: лицо его покрылось

потом. Даже удивительно: как столько пота могло появиться на этом лице в столь короткое время? Ослабевшая его рука отпускает мой локоть, а цвет возвращается в его глаза, которые отдают теперь красивой бирюзой, напоминающей мне одухотворенные глаза святых. Такими были Моисей, Иисус; по крайней мере, так их показывают в фильмах.

Мимо нас проходят бойцы нашей роты. Поднимаюсь и я. У Расула вся спина гимнастерки мокрая от пота.

— Вперед, Расул, — говорю я ему.

Он почему-то не может встать, и это напоминает мне телевизионный фильм о жеребенке, который я когда-то видел. О том, как жеребенок пытается встать и всё время падает. Наконец, Расул с усилием поднимается, однако ноги его дрожат. Он бы упал, если бы я не схватил его за руку и не удержал. Он всё еще не может оторвать взгляда от этого кровавого горла.

— Идем? — говорю ему мягко.

Он издает такой звук, словно вот-вот разрыдается, а крылья его носа трепещут. Мы бежим рысцой, и я вижу, как гимнастерка Расула всё больше промокает от пота. Сначала было темное пятно на поясице, потом оно выросло... Абдулла открывает флягу и протягивает мне:

— Дай ему, пусть хлебнет.

Я подношу флягу к губам Расула, а он с силой отталкивает мою руку:

— Не хочу.

Обернувшись, я смотрю назад: в самом конце бежит Хейдар, как бульдозером сгребая и подгоняя

оставших. Я пытаюсь разглядеть там, вдали, ребят из роты «Абес»...

Мы добежали до пересечения двух насыпей, «нашей» и той, что идет вдоль канала «Зуджи». Влажный ветерок с канала наполняет легкие. Нас догоняет Хейдар, громко выкрикивая команды:

— Рота «Гейс» в эту сторону... Сюда сворачивайте!

Мы все вымотались, еле стоим на ногах. Кое-как тащимся в ту сторону, куда нам указано. Расул плетется за мной, а Абдулла привалился спиной к насыпи, прижав к груди пулемет, который ходит вверх-вниз от его усталого дыхания. Обстрела нет: снаряды рвутся, но в стороне. Вражеские наблюдатели, видимо, еще нас не засекли. Здесь, в укреплении, толпа густая как в базарный день.

— Рота «Абес»... В эту сторону!

— Рота «Гейс», переходим сюда, туда не ходите! Эй, я тебе говорю!

— Первый взвод, ко мне!

Вся длина канала «Зуджи» под обстрелом: мы видим черный дым и клубы пыли, относимые ветром в степь и там рассеивающиеся. В гуще этого обстрела, вероятно, и находится мост.

Масуд созывает первый взвод: на его лице – разводы от пота и глины. Раненые лежат на носилках и просто на земле, а мы, те, которые целы, растеряны и не знаем, что нам делать дальше.

— А что с убитыми? – спрашивает Расул.

Я стою возле Масуда. Расул уже успокоился, его ужаса и сумасшедших взмахиваний руками нет и в помине.

— Не вытащили убитых! – отвечаю я.

Мне немного стыдно потому, что я должен был бы сказать «мы не вытащили». Я сам был среди тех, кто бежал, бросив Мехди, а также Асгара. И я вспоминаю эти разбросанные тела, но и жестокий вражеский обстрел вспоминаю.

— Я гляжу, ты успокоился? – спрашиваю я Расула.

— Да, — отвечает он, как бы сам не веря себе. — Асгар там лежит около насыпи... Кстати! Там, где вы сидели – вы знаете, о чем я... Там, рядом с вами, Мехди лежал в окопе.

Я вспоминаю Мехди и его каштановые волосы, его высокий лоб и рыжеватую бородку, недавно отросшую, блестящую на солнце золотом...

— Раненые, вставайте! Идите вдоль этой насыпи в тыл! Йалла – вперед! Не собирайтесь в кучу, распределитесь! Роты, разберитесь вдоль насыпи по порядку! Командирам рот, подойти ко мне!

Это Хадж-Носрат отдает приказы без перерыва. Мы сидим на земле вдоль насыпи, Масуд стоит перед нами. Мирза буквально упал на землю, весь бледный от усталости. Спрашивает меня:

— Х-хосейна ви-видел?

— Нет, — отвечаю я. — Последний раз видел, когда он пошел ребят из окопов поднимать.

— Д-да, он по-пошел, — говорит Мирза. — Но н-никто не видел, чтобы он ве-вернулся. В ру-руках его был г-гран-натомет, и, г-говорят, он б-бежал в сто-сторону в-врага.

Я огорошен этой новостью. Расул смотрит на меня, но я словами не выдаю своих чувств. Мирза

пьет из фляги, и вода течет по обеим его щекам за воротник. Свой автомат, совсем пыльный, он положил на землю. Масуд приказывает нам сесть в том порядке, в каком мы стоим в строю. Я перехожу в конец цепочки и оказываюсь рядом с водителем «Тойоты». Не знаю, почему он не ушел в тыл. Хейдар, стоя перед нами, опирается на автомат, как на посох, и объясняет ситуацию:

— Нельзя пропустить врага через мост. Для этого нас сюда перебросили. Враг все свои силы сконцентрировал на этой точке, но мы не должны отдать им этот мост.

Помолчав, он указывает рукой на укрепсооружение и продолжает:

— Здесь есть траншея, по которой сейчас пойдете в район боя. 25-я дивизия с утра держит там оборону. Сейчас их отводят чуть в тыл, а на помощь им выдвигают вас. Идти туда повзводно, чтобы уменьшить вероятность потерь.

Выражение лица Хейдара озабоченное. Масуд поднимает нас и командует:

— За мной — шагом марш!

После смерти Мехди командиром взвода стал Масуд. Мы шагаем за ним следом, в затылок за мной — водитель «Тойоты». Он по пояс голый, и тело его посерело от пыли, только блестят струйки пота, стекающего к брючному ремню. Впереди — траншея, ныряющая под насыпь. Масуд останавливается у входа в нее и объявляет нам:

— Нагибайте головы!

И первым, согнув голову, спускается в эту траншею. За ним идет Абдулла, держа пулемет перед

грудью, затем — все остальные ребята. Я считаю их по мере того, как они друг за другом исчезают в траншее. Кроме водителя, нас — семнадцать, а, когда мы вступали в бой, было тридцать два человека. А еще не прошло и двадцати четырех часов...

— Не стой на месте, парень! — говорю я Расулу, который замешкался перед входом в траншею. Смотрит на меня, я хлопаю его по плечу: — Шагай вперед!

Тут только он пошел, словно ожидал моих слов. Я оглядываюсь, чтобы в последний раз увидеть оставляемую нами насыпь, но не вижу ничего, кроме фигуры водителя с гранатометом на плече. Не знаю, кому принадлежал раньше этот гранатомет, но, с тех пор, как он подбил танк, водитель с ним не растается.

— Ты им счет-то размочил сегодня! — говорю я ему.

— Что говоришь?

— Да так...

Нагнув голову, я ныряю в траншею, уходящую под насыпь, и догоняю всю нашу колонну.

— Нагибайте головы, там дальше снайперы работают! — предупреждают нас.

На дне траншеи — патроны, автоматы, гранаты для гранатометов, картонные пустые коробки из-под патронов. Брустверы траншеи представляют собой валы мягкой земли со следами, оставленными теми, кто спрыгивал в траншею или вылезал из нее. С визгом несколько пуль пролетают над бруствером.

— Братцы, братцы, будьте осторожны! — это говорит раненый, сидящий в этой траншее; свои предупреждения нам он перемежает стонами. — Ах... О, Боже мой... Будьте осторожны, головы прячьте...

Его собственная голова забинтована, как и обе ноги. Он, тяжело дыша, ползет в тыл. Мы осторожно проходим, перешагивая через него. И опять несколько пуль вонзаются в бруствер: не знаю, почему целятся всё время только в меня? Я сильнее пригибаюсь, а тут еще одна пуля — трассирующая — вонзается в верхнюю часть траншейной стенки. Я прижимаюсь к противоположной стенке и гляжу на водителя. Он то и дело высовывает голову наверх и смотрит в сторону противника. И вот две пули почти одновременно перед его лицом ударяются в бруствер, обсыпав пылью его растрепанные волосы. Он быстро убрал голову вниз. Я мельком оглянулся и слышу, как он грязно ругается:

— В мать вашу так попадете...

Хочу сказать ему, что не стоит так рисковать, как вдруг он на полуслове обрывает свою ругань и показывает врагу средний палец. И несколько пуль тут же срезают гребешок бруствера. Водитель приседает и через углубление в бруствере опять высовывает наверх руку со средним пальцем, победным жестом, и смеется как пьяный. Я говорю раздраженно:

— Если ты о себе не думаешь, подумай хоть вот об этих ребятах, зачем высовываться?

Он не реагирует на мои слова, а Расул тянет меня за локоть:

— Ага-Насер, не задерживайся.

Я выражаю свои чувства плевком на пол траншеи, и тут комментирует водитель:

— Дорогуша, хладнокровие, хладнокровие — вот что требуется!

Я ухожу от него, делая вид, что не слышал его слов, а он продолжает:

— Клянусь имамом Али, пока их в говно не раззадорю, не прекращу! Машина была — чистая невеста. Мне десять человек ублажить пришлось, пока комплекты новой резины не получил. Ай-ай-ай...

Не оборачиваясь, я отвечаю:

— Мне без разницы, какая там была резина!

Он ничего не отвечает. Мы дошли до места, где по обеим сторонам траншеи нарыли окопов. Над окопами — хорошие плотные перекрытия из железнодорожных шпал, и в каждом таком окопчике сидит несколько человек. Скорчившись и прижав коленки к груди; они сидят так, что похожи на сжатые в кулак пальцы. Их лица запылены, а выражение их испуганное, растерянное. И в первый раз я вижу, как на таких испуганных лицах возникают открытые — во всю ширину лица — улыбки. Вот еще окопчик с окровавленными бинтами и одеждой, ясно, что это — перевязочная. В нем двое перевязывают раненого, хотя мне сразу понятно, что этот раненый вряд ли выживет. Кишки вывалились из его живота, и к их липкой массе прилип внизу песок. Один из санитаров запихивает эту массу вместе с песком обратно ему в живот. Раненый, в сознании, наблюдает за движениями растерявшегося санитаря. У того пот капает с лица на эти же

кишки, и раненый при виде этого морщится. Я быстро прохожу мимо.

Минометная мина ударяет в траншею, и мы приседаем. Пыль и дым закрывают видимость. Вонь сгоревшего тротила дерет горло. Впереди раздаются крики, и кому-то помогают встать, отправляют его в тыл. Вот он показался из дыма, лицо его знакомо. Он из нашего взвода, хотя имени его я не знаю.

— У-у, Эбрахим, куда тебя ранило? — спрашивает его Расул.

Его ранило в пах, и он идет, зажимая это место рукой, а между пальцами сочится кровь. Закусив губу, он молча смотрит на Расула и от боли мотает головой туда-сюда. Я обнимаю его за талию, чтобы помочь ему пройти до перевязочного окопа, но он со злостью отталкивает мою руку.

— Не надо! Сам дойду...

В то же время видно, что ему трудно держать равновесие, и вот он опирается рукой о стенку траншеи, оставив на ней кровавое пятно. Потом враскорячку идет к перевязочному окопу, и из его раненого паха капает кровь. Водитель «Тойоты» смахнул пот со лба и бормочет насмешливо:

— Нет Бога, кроме Аллаха! Вот ведь, твари, добились своего...

— ...Не стоять колонне, вперед двигаемся!

Мы продвигаемся, согнувшись, друг за другом. Свистят вражеские мины, их свист надрывает душу, они грозно рвутся рядом с траншеей. С каждым таким свистом я пригибаюсь всё ниже, пристально разглядывая дно траншеи. Чего только тут

не набросали: впрочем, отличие от начала этой же траншеи есть. Тут на дне валяется другое: окровавленные бинты и марля, пустые сплюснутые банки из-под консервов, щепки от раздробленных шпал, пробитая амуниция, а вот тело. Тело ополченца-волонтера. Оно упало на дно траншеи и лежит в позе зародыша: голова к коленкам. Я уверен, если бы его руки не оторвало, он сосал бы свой большой палец: такой он молоденький. У него даже усов с бородкой нет на лице, а кожа лица лунно-бледная. Если бы в его тоненьких венах еще бежала кровь, эти щеки наверняка покраснели бы. Дальше вперемешку сидят бойцы невредимые, раненые и трупы. Они все тесно прижались друг к другу, причем трупы усажены на коленки, чтобы занимали меньше места. Может, эти бойцы таким образом себя обманывают: дескать, вот нас сколько, и все мы живы и готовы к бою. И кто-то кричит в траншее:

— Ребята 25-й дивизии, отходим в тыл! 25-я дивизия, по траншее в тыл, пришли свежие войска!

— Это мы-то свежие? Ну-ну! — восклицает водитель «Тойоты».

И правда, это о нас говорят: новые, свежие силы! В то время, как мы задыхаемся, а легкие всё еще горят от бега... Те живые, которые здесь сидели, вскакивают и, перепуганные, чуть ли не топчась нас, бегут в тыл. Мы силой заставляем их забрать с собой их раненых; трупы, конечно, остаются... И вот мига не прошло, как мы уже один на один с закопченной траншеей, дно которой завалено трупами, и с минометным обстрелом. Масуд кричит из головы колонны:

— Еще немного вперед, до самого моста!

Пригнувшись или на четвереньках, мы пробираемся вперед, пока Масуд не останавливает нас. Садимся, чтобы передохнуть, чтобы высох пот. И тут в нос ударяет вонь гниющей рыбы. Я вспоминаю Асгара. Был бы он здесь, живой, он бы наверняка обмотал голову своим платком, закрыв рот и нос. Но его уже нет. И я думаю, что, если подует ветер в ту сторону, может, он и донесет эту рыбную вонь до того места, где лежит сейчас на земле мертвый Асгар. Расул зажал нос обеими ладонями, а плечом прижался ко мне. Цвет лица его стал здоровее, а глаза... Не знаю, почему, но, когда усиливается вражеский обстрел, блестящий зеленый цвет его глаз меняется на мутно-оливковый.

Мы скорчились на дне траншеи и смотрим в голубое небо, а вражеский обстрел набирает силу.

— Будьте готовы! — кричит Масуд. — Гранатометчикам — приготовиться к бою!

Расул отнял одну руку от носа и охватил ею мою левую коленку. По траншее с тыла к фронту идет Хейдар — его появление поднимает наш боевой настрой. Он проходит мимо нас к Масуду. Рвутся мины. Водитель «Тойоты» бормочет ругательства и чешет кончик носа.

* * *

Мост построен из стали и бетона. Мы по эту сторону канала, они — по ту. Мы хотим не дать им пройти сюда по мосту, они твердо решили прорваться. Нас разделяет канал «Зуджи» шириной

в 50 метров, по ту и эту сторону моста — укрепсооружения. В похожих укреплениях прячемся мы и прячутся они, и мы пытаемся убить друг друга...

— Танки движутся к мосту! На одном танке сидит десант. Танков семь и две БМП...

Наш наблюдатель, пригнувшись, смотрит туда сквозь бойницу в бруствере и дает свои комментарии. С тех пор, как мы пришли, он начал громко сообщать о происходящем, иногда подражая дикторам радио, объявляющим об удивительных победах и достижениях. На спине его написано: «Вход пулям и осколкам строго воспрещен!» А ниже соответствующий рисунок с мишенью и зачеркнутыми пулями и осколками.

Я тоже встаю и выглядываю. Танки подошли близко к мосту. После того, как мы сюда прибыли, они уже не раз нас обстреляли и придвинулись вплотную к мосту, но ребята ответным огнем их отогнали, а один даже загорелся и свалился в канал. Сильно ободряет нас то, что прямо за нами позиции ПТУРСов¹, они бьют по танкам через наши головы.

— Пять танков возле моста... Их пехота поднимает головы. Думаю, собираются снова в атаку... Еще танк появился... Теперь их шесть.

Водитель свернул свой платок и набросил на плечи: теперь он уже не голый. Чертит рукояткой ножа по дну траншеи.

¹ ПТУРС — противотанковый управляемый ракетный снаряд.

— Клянусь праведным Аббасом, та же сила, что была у Рустама¹, она и у них...

Потом он лезвием ножа указывает на брустверы по ту сторону канала. Расул улыбается: эта красивая улыбка мне очень нравится. Кажется, давно я уже не видел его улыбки, и она теперь изменилась. Это уже не прежний Расул... Я хлопаю его по плечу и говорю:

— Помогай Абдулле-аге, пулеметные ленты готовы.

Наш наблюдатель опять выглядывает, но смотрит не в сторону врага, а назад, и объявляет:

— А вот, наконец-то, и покушать несут!

Вытянув шею, смотрю назад и вижу Мирзу с мешком за плечами. Остановившись возле каждой группы из нескольких бойцов, он достает из мешка пакет с вареным рисом, отдает им и идет к следующим.

— Мирза-ага! — кричу я ему. — Это обед или ужин?

— Т-ты н-ни того, ни д-другого не за-заслужил, — отвечает он, а затем намеренно, с хмурым видом, толкает меня ногой, проходя. Абдулла смотрит на меня исподлобья и ухмыляется. Я достаю из кармана свою погнутую ложку, Абдулла и Расул тоже оставляют свою работу, и мы все садимся в кружок вокруг пакета с рисом. У всех есть ложки, кроме водителя, и он отправляет в рот разваренный мягкий

¹ *Рустам* — герой эпического сказания «Рустам и Сохраб» из поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

рис прямо горстями. Расул смотрит на это зачарованно, и я толкаю его в бок:

— Ешь знай!

Водитель окликает наблюдателя:

— Иди поешь, дорогуша! Покушай, чтобы с ними тебе бодаться было сподручнее!

А наблюдатель вдруг кричит возбужденно:

— Они въезжают на мост!

Залпы автоматного огня и взрывы снарядов заглушают его слова. Грохот усиливающегося обстрела еле-еле позволяет расслышать крик Масуда:

— К бою! Всем приготовиться к бою!

Водитель вытирает руки о собственные штаны. Я кладу пакет с рисом на землю, а Расул приникает ко мне. Я смотрю на него: опять цвет его глаз замутился. Абдулла вставил ленту в пулемет и зовет Расула, а тот всё глядит на меня в растерянности. Я сердито кричу ему:

— Иди помогай ему, парень!

Траншея наполнилась клубами дыма и пыли. Очереди так и секут наш бруствер. Наблюдатель кричит:

— Он въехал на мост! Въехал на мост...

Хватает со дна окопа автомат. Водитель сел на коленки и обмотал платок вокруг пояса: теперь он похож на знаменосца в религиозных процессиях. Он крепко сжал свой гранатомет и осматривается, выпучив глаза: не пойму, чего ищет его взгляд. Я вставляю магазин в свой автомат и осторожно приподнимаюсь, выглядываю над бруствером. Танки врага строем стоят позади и укреплений и перед

мостом, и от них поднимается белый дым. Наши ведут по ним ракетный огонь: ракеты взрываются возле въезда на мост, иногда падают в воду канала, которая от этого кипит, вздымаясь бурунами.

— Въезжают на мост! На одном танке сидит человек на броне. У него пулемет ДШК¹. На голове зеленая каска, похожая на немецкую: закрывает уши с двух сторон... Въезжает на мост! Вот, въехал на мост! Ребята, стреляйте же!

Наблюдатель вскидывает автомат и стреляет. Хейдар кричит почти от самого моста:

— Открыть огонь! Огонь из всех стволов!

Первый их танк уже на мосту. Пехота врага подняла головы из траншей, стреляют прямо по нам. Мы сейчас открыто смотрим друг на друга и стреляем прямо друг другу в лицо. Я приседаю. Невдалеке от нас взрывается минометная мина. Мое возбуждение сильно как никогда: я чувствую, что меня трясет. Пулемет Абдуллы бьет без перерыва. Расул подает ему ленту тоже без задержек: руки с лентой поднял наверх, а голову спрятал в траншее. Я поднимаюсь и, не особо прицеливаясь, выпускаю весь магазин по окопам на той стороне канала. Потом приседаю, и в этот самый миг — взрыв, и целая гора земли валится на меня. Расул закашлялся. Чуть дальше какой-то боец упал лицом вниз на дно траншеи. Его тело содрогается. Санитар на четвереньках, как суетливый суслик, спешит к нему.

¹ ДШК — «пулемет Дегтярева — Шпагина крупнокалиберный».

Я приподнимаюсь и вижу, как водитель «Тойоты» с гранатометом на плече целится в сторону врага. С криком он стреляет. Я слежу за полетом его гранаты сквозь дым и клубы пыли, как вдруг снаряд разрывается близко от меня, и взрывная волна бросает меня на дно траншеи. В ушах какой-то резкий свист, и голова идет кругом. Оглядываюсь по сторонам. Водитель присел на корточки и руками схватился за правую часть лица. Дрожащим голосом я спрашиваю:

— Что с тобой? Что случилось?

Он отнимает руку от лица, и по щеке его струится кровь. На лице кровавое пятно размером с ладонь. Я меняю магазин в автомате. Несколько раненых бойцов упали на дно траншеи и стонут душераздирающе. Санитары на четвереньках ползают от одного раненого к другому. Я встаю, и тут снаряд разрывается в нескольких метрах от меня, и я лечу головой вниз на дно траншеи. Смелости вновь подняться уже нет, и все мысли враг выбил из моей головы. Все-таки я медленно поднимаю голову. Вижу чьи-то ноги, дрожащие очень необычно. И кровь льется по брюкам на ботинки и потом на землю. Поднимаю голову и содрогаюсь при виде нашего наблюдателя. Грудь его разворочена, и что-то, похожее на воздушный шарик телесного цвета, вылезло из его ребер и ритмично наполняется и сдувается. Санитар подползает и хватается за ноги, наблюдатель падает на дно траншеи, и из его рта и носа идет красная пена. Я встаю и слышу голос Абдуллы, он кричит:

— Пригнись... Подавай ленту, ленту давай!

— Танк... Танк прорвался!

Я в ужасе выглядываю. Вражеский танк дошел до середины моста. Среди криков и стонов я различаю вопль Хейдара:

— Стреляйте по нему! Гранатометчики: огонь! Подбейте эту тварь!

Ракета ударяется о мост и рикошетом летит обратно в нашу сторону. Я смотрю по сторонам, один из наших до пояса поднимается над траншеей, бормочет что-то и стреляет из гранатомета. Его граната попадает в танк, который сворачивает, проворачивается на месте и замирает на мосту. Из танка валит белый дым. Я меняю магазин, встаю и выпускаю все его пули одной очередью по вражеской траншее. Приседаю. Водитель мажет свою рану на лице землей. Я хватаю его гранатомет, но он перехватывает мою руку и смотрит на меня в упор налитыми кровью глазами.

— Не обижайся, молодой человек! — говорит он, сдвинув брови. — Но мне это нужно.

И он сжимает мое запястье сильнее, а я кричу ему:

— Второй на мосту! Второй танк на мосту!

Он вновь трет щеку землей и отвечает:

— Помоги ему святые, раз так...

Я вырываю руку из клещей его пальцев. Пристав, выглядываю. Хейдар бегаёт по траншее туда-сюда:

— Стреляйте же, огонь по нему! Не лежать, вставай!

Он хватается ребят за шиворот и силой ставит их на ноги. Когда подбегает ко мне, я вижу на его

потном лице выражение неприкрытого ужаса. Он хватает за плечи Абдуллу и трясет его, и кричит:

— Вставай! Вставай, стреляй!

Абдулла яростно вырывается и кричит раздраженно:

— Дай мне ленту вставить!

Никогда я таким его не видел: словно Хейдар смертельно оскорбил его. Абдулла встает, кладет пулемет на бруствер и стреляет. Расул рядом с ним, он теперь уже не прячет голову, но в страхе и растерянности смотрит вперед. Хейдар пробежал по всей длине траншеи и возвращается. Второй вражеский танк въехал на мост, но далеко не ушел: из-за наших спин по нему выпустили ПТУРС и подбили его. Он горит у въезда на мост и блокирует путь для других. Теперь положение стало куда спокойнее. Мы переносим огонь на окопы на той стороне канала. Присев на миг, чтобы поменять магазин, я вижу, что вся наша траншея полна ранеными и убитыми. Санитары ни секунды не сидят без дела. Я вновь встаю: не хочу больше выпускать все патроны одной очередью. Бью прицельно короткими очередями. Слышу голос водителя «Тойоты». Присаживаюсь, чтобы поменять магазин, и вижу, как он своими окровавленными руками горсть за горстью отправляет в рот рис. Он раздражен, жует и ругается одновременно.

Огонь с обеих сторон понемногу стихает. Наш наблюдатель, наверное, умер. Санитары не смогли забинтовать его развороченную грудь, а просто прикрыли его головным платком. Глаза его открыты и смотрят в бойницу в бруствере.

Солнце садится.

* * *

К ночи совсем стихает, и в тишине, если прячь слух, можно различить кваканье лягушек, стрекотанье кузнечиков и то, как шепчутся между собой наблюдатели. В траншее ни у кого нет настроения разговаривать: произносятся только самые необходимые слова, да и то как бы через силу и с отвращением. С утра тяжелых событий произошло свыше наших сил, и сейчас у нас такое чувство, словно мы пробежали без остановки тысячу километров и совершенно измучились. Сидим, опершись о стенки траншеи, не в силах пошевелиться. Мы дремлем, вспоминая то, что произошло несколько часов назад или несколько минут назад. Неужели это были мы? Неужели это был я, и столько тяжкого?!

Не знаю, почему мною овладело такое состояние. Я как-то сбит с толку, и всё мне кажется темным и нечетким. Сколько уже я не спал? Быть может, отсутствие сна — причина этих ощущений, или всё то, что случилось за это время? Ах, где вы теперь, ребята? Али, Мехди, Асгар и все те, кто за прошедший день, за прошедшие сутки бились в агонии и ушли из мира? Ведь так немного времени минуло с тех пор, как мы, живые, держали друг друга за руки и давали друг другу клятву. Эти друзья: ведь они постоянно тебя зовут! И если бы эти осветительные ракеты не взлетали каждые несколько минут и не мерцали там, над нашими головами... Благодаря им я только и вижу эту траншею и понимаю, что сейчас уже ночь, — иначе я думал бы, что я еще вместе с вами и что всё еще

длится день... Вот недосып: каких только мыслей он не вложит в голову!

Расул ворочается и натягивает на себя запачканное землей одеяло. Я негромко спрашиваю его:

— Расул, замерз, наверное?

— Да... — отвечает он дрожащим голосом. — Д-да...

Холод и внутрь меня забрался, в самые кости. Кто-то идет по траншее сюда со стороны моста. По голосу я узнаю Масуда. Он старается шагать шире, чтобы не задеть ногами лежащих в траншее живых и мертвых. Пробирается с трудом, на ощупь. Дойдя до нас, спрашивает:

— Вы кто здесь?

— Эт-то м-мы, — отвечает Мирза. — С-садись.

Масуд присаживается и пытается разглядеть нас во тьме. Я обнимаю его за плечи:

— Это я, Насер.

— Ага-Абдулла, ты тоже здесь? — Масуд осматривается. — А где Расул?

Расул шевелится, а Абдулла отвечает:

— Он спит, вон в этой куче.

Масуд шарит во тьме, пытаюсь найти Расула, а я подсказываю ему:

— Нет, не там, здесь. А того совсем недавно убили. Это был наш наблюдатель. В грудь прямым попаданием.

Масуд медленно садится. В темноте, ни на кого в отдельности не глядя, произносит:

— По радиации сообщили, что идет подкрепление, а также вынесут в тыл убитых.

— П-подкрепление — к-как это? — восклицает Мирза протестующе. — У н-нас из в-взвода несколько че-человек в-всего ос-сталось. Д-двенадцать ч-человек в-всего.

И вновь запах крови, который с утра не покидает нас, словно бы с особенной силой бьет в нос. Меня тошнит — чуть не выворачивает. Масуд продолжает, не реагируя на слова Мирзы:

— Сказали: второй и третий взводы идут на подмогу. Другие роты также перебрасывают для того, чтобы отбить контратаки противника.

Из окопов на той стороне по нам вдруг стреляют очередями, и тишина разлетается вдребезги. Первым встает Масуд, за ним мы, стоим в полный рост. Еще очереди. Отражение в воде трассирующих пуль красиво, потом вновь наступает тишина, и в ней мы, и в ней отражаются в воде канала далекие осветительные ракеты.

— До утра мы должны нести караул, — добавляет Масуд, и опять Мирза протестует:

— Д-да ра-разве у нас с-силы ос-остались? К-караул нести. С-скажи им, с-сколько нас ос-осталось. С-скажи им, что нас надо в ты-тыл отвести!

Масуд молчит, а несколько человек в отдалении начинают быстро и громко говорить. Речь их — о необходимости нести караул и о нехватке боеприпасов, еды и людей.

— Те взводы когда должны прийти? — спрашиваю я.

— Хейдар сказал — на подходе, но когда точно — неизвестно... Вы пойдете за едой туда, в начало траншеи?

Вопрос его адресован мне и Мирзе, который спрашивает у меня:

— Н-ну что, идешь?

Водитель вдруг всхрапывает с резким звуком. Он спит, навалив на себя грязную мешковину.

— Да, идем, — отвечаю я.

— Немного еды принесете, — говорит Масуд. — Как выйдете из траншеи — там она около насыпи.

— Т-так по-пошли.

Мы уже хотели тронуться в путь, как вдруг Расул садится и спрашивает:

— А можно и мне с вами?

Я жду решения Масуда, но тот молчит. Мирза отвечает Расулу:

— Вп-перед, д-двигайся. Иди ос-осторожно — на т-трупы н-не наступай.

И Мирза идет вперед, я за ним, а за нами Расул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первая очередь раздается с их стороны. Звук ее разлетается эхом. Я успел поднять голову и увидеть красную трассирующую пулю над бруствером. Еще не стих звук первой очереди, как раздалась вторая, потом третья, и бой возобновился.

Небо над концом траншеи пожелтело: испуганно восходит солнце. Все бойцы быстро задвигались. Некоторые сразу поднимаются и стреляют, другие ждут, что будет дальше. Абдулла встает, кладет свой пулемет на бруствер и, прицелившись, одной длинной очередью выпускает всю ленту, потом садится.

Враг ведет прицельный огонь по брустверу траншеи, стараясь срезать его пулями. Нам в лица летит земля, песок, иногда пули попадают в бетонные опоры моста и от них, рикошетом, в траншею. С тех пор, как на подмогу пришли другие взводы, нас сдвинули к мосту. Из первоначального состава нашего взвода осталось одиннадцать человек, если прибавить водителя, то будет двенадцать. На исходе ночи один из парней начал бегать туда-сюда, реветь как корова в родовых схватках и бить самого себя по голове и по лицу. Еще со вчерашнего вечера его состояние всё ухудшалось, он страшно пугался выстрелов и вжимался в стенку траншеи.

Ему казалось, что стреляют именно в него. Чем дальше в ночь, тем мышцы его лица всё более перекашивались, и шел хрип из глотки, и мы все были вне себя от этого. Он ни с кем не разговаривал и не отвечал на вопросы. Я прочел утренний намаз, задремал, и тут он вдруг вскочил и начал бегать по траншее. Мы схватили его за руки и за ноги, повалили на землю, изо рта его пошла пена, и он потерял сознание. Челюсти были сжаты, и язык закусен. Мы с силой, используя ложку, заставили его зубы разжаться, и санитар дал ему возможность дышать. Когда он пришел в сознание, его отправили в тыл.

Мы сидим в траншее на корточках. Глаза Расула ненадолго мутнеют, потом постепенно вновь приобретают блестящий зеленый цвет, прямо как кошачьи. Проснувшийся водитель ворочается, трет глаза и озирается по сторонам. Его голое тело покрыто слоем пыли, и в волосах полно земли. Подняв глаза, он с изумлением следит за ударами пуль о бруствер. Всё дно окопа усыпано пулями, но я и с места не двигаюсь. Я сказал сам себе: пусть стреляют, пока душеньки их не успокоятся. Пока они не попытаются пройти по мосту, они нам не страшны, хотя плотность их обстрела тревожит меня. Аллах один знает, если таково начало, что будет дальше.

Масуд идет по траншее, согнувшись. Ходить теперь далеко не надо: весь наш взвод тут, на расстоянии десятка метров. В самом конце цепочки я, за мной водитель.

Абдулла и Расул набивают патронами новую ленту. Расул работает очень быстро, как в дни

тренировок в лагере. Быстро и ловко. Сил его большого пальца не хватает, чтобы вогнать патрон в ленту, поэтому он как бы наживляет патроны в ячейки, потом ударом о землю вгоняет их на место. Когда лента готова, Абдулла вставляет ее в пулемет и говорит Расулу:

— Вставай, вставай, парень! Я буду стрелять, но и ты меня прикрывай. Ты тоже из «калашников» стреляй!

Расул, словно услышав нечто неуместное, восклицает:

— Я?!

И так, словно все на него смотрят, быстро взглядывает на каждого из нас, но никто на него не смотрит, кроме меня. Абдулла сердито повторяет:

— Вставай, говорю тебе!

Расул не сводит с меня вопрошающего взгляда, и я поддерживаю Абдуллу:

— Он правильно говорит. Ты ведь его помощник — забыл?

Расул берет автомат. Задумчиво смотрит на него, потом передергивает затвор. Руки его заметно дрожат. Абдулла наматывает пулеметную ленту на руку, чтобы она не дергалась и не заедала при стрельбе. Расул привстает и с трудом сглатывает слюну. Абдулла, встав, кладет пулемет на бруствер и стреляет перед собой по прямой линии. Расул в сомнении, но гром пулеметной очереди словно подталкивает его и рассеивает все его страхи. И он лихорадочно поднимает автомат и, не целясь, выпускает очередь и садится. Он словно воробей, которого освободили из силков. С облегчением

вздыхает. Лицо его покраснело, цвет глаз стал бирюзовым.

Абдулла, присев, спрашивает:

— Ты попал или нет?

— Да, Ага-Абдулла, — отвечаю я со смехом. — Он попал.

Стукнув Расула по плечу, добавляю:

— Давай, так держать!

Тут я замечаю водителя. Он так наблюдал за нами, словно мы выполняли какой-то фокус, и ему было не отвести глаз. Теперь он встряхнул головой и ухмыльнулся нам.

* * *

Хейдар яростно кричит:

— К бою! Полная готовность, они наступают...

Минометные мины рвутся вблизи траншеи и заглушают остаток его слов. И в канал падают мины и обдают нас фонтанами воды. Вода эта темная и пахнет тухлыми яйцами.

Танки колонной движутся к мосту. Выглядывая, я вижу их башни, но от плотного огня не могу разглядеть как следует. Мы теперь все съежились на дне траншеи и не имеем сил поднять голову. Ждем следующей мины. После того, как мина упала прямо в траншею и изрешетила осколками Мирзу и еще двоих, мы поняли, что и в траншее для нас небезопасно. И удивились тому, с какой смелостью мы до этого ходили взад-вперед по траншее, почти не пригибаясь. А теперь просто сидим на земле и считаем взрывы, и если бы над нами не довлел Хейдар, то мы не вставали бы даже изредка, чтобы

оглядеться. Пропади они пропадом! Каждый раз, когда лезут на мост, приходится вставать. А дно траншеи всё еще залито кровью Мирзы. Его отпратили в тыл, но выживет или нет — не знаю. Как его ни перевязывали, всё равно из другого места лилась кровь. Целый мешок марли и военных бинтов потратили на его перевязку. А он, до того, как потерял сознание, успел схватить меня за локоть и, собрав все силы, выговорил:

— Я т-теперь как ре-решето!

Свежая кровь на моей гимнастерке — это его. Двух других мы и вовсе не трогали, они не шевелятся и не дышат. Это ребята из нашего взвода: гранатометчик и его помощник.

Издали слышны звуки радио: усиленный динамиками дикторский голос. Но что говорит, я не понимаю: слишком далеко. Иногда ветер доносит лишь отдельные фразы:

— Воины ислама... враг уничтожен... вражеские самолеты... ..военная машина врага... Багдад...

Мина взрывается на бруствере, и легкие мои заполняют пыль и тротиловая вонь. Не выпрямляясь, в том же положении «сидя» я отодвигаюсь в сторону. Водитель раздраженно ругается и, опираясь о стенку траншеи, встает. Он словно бы постарел на десять лет: такое впечатление создает земля, покрывающая его лицо, и ввалившиеся от недосыпания глаза.

— Вставайте! Вставайте, к бою!

Это кричит Хейдар, бегущий по траншее. Вражеский обстрел вдруг усилился: бьют по нам из всех видов оружия. У меня голова пошла кругом:

я словно проваливаюсь в преисподнюю. От пыли и дыма в траншее ничего не видно, буквально в полуметре. Грохот взрывов бьет по барабанными перепонкам, чуть не разрывая их. Я встаю и выглядываю в бойницу бруствера. Мины рвутся в воде, и на миг я вижу рыбу, падающую белыми брюхами вверх. Сажусь, и Абдулла спрашивает меня:

— Идут?

Я смотрю на него непонимающе, и он громче кричит:

— На мосту они?

Тяжелый снаряд накрывает траншею и швыряет нам в лица землю, камни и раскаленные осколки, не позволяя мне ответить. Абдулла привстает и ждет момента, чтобы выглянуть, когда новый взрыв бросает его на меня.

Один из парней нашего взвода неосторожно высунулся над бруствером и убит, падает на дно траншеи. Он был, видимо, контужен и потерял осторожность: слишком высунулся и получил пулю. На лбу его дырочка размером с небольшую монету, и из нее на землю тянется темный след крови. В этой крови кусочки чего-то белого, похожего на жир, не знаю, что это. К нему подползает санитар, берет его голову и смотрит в лицо, но тут же и оставляет его, чтобы перейти к следующему раненому.

— Вставайте, они идут! Идут, твари! Стреляйте, не пускайте их на мост! — это кричит Хейар, причем голос его дрожит.

В этот миг я понимаю, что опасность действительно велика. Передергиваю затвор и, подняв автомат над бруствером, не высовывая головы,

выпускаю весь магазин. Когда сажусь, вижу, что вся траншея трясется, словно мы на корабле в штормящем море. Сидеть в такой траншее невозможно, и я встаю. И вижу, как неповоротливая туша вражеского танка лезет на мост.

Смотрю по сторонам и вижу, как в дыму и пыли наши бойцы в ужасе поднимают головы, стреляют и, забывшись, кричат и режут что-то. Они не контролируют себя: это инстинктивные крики, бессознательные. Крики, которыми призывают на помощь или помогают самим себе преодолеть страх и сделать непосильную работу, или что-то приказывать другим...

— Хамид... Стреляй, Хамид!

— Стреляй, огонь... Встань, хорошенько прицелься и — огонь!

— Нет, так не надо! Целься лучше, гранаты зря не трать...

Первый танк, газуя, движется по мосту. А по нам огонь так силен, что нам не встать и не подбить его. Поднимается единственный остающийся гранатометчик второго взвода. Я приставляю ладони рупором ко рту и кричу ему:

— Целься, не промажь...

Но прежде, чем он успел прицелиться, перед ним взрывается тяжелый снаряд, взрыв поднимает его и бросает на другую сторону траншеи. В долю секунды я успел увидеть, что глаза его выпучились и будто хотят выпрыгнуть из орбит. Потом он как-то полупарализованно ползет обратно в траншею, но в него опять попадают, и он падает лицом вниз. В одно мгновение в него попало несколько пуль.

Последние пули уже разрывают труп, и там, наверху, этот труп словно пляшет в каком-то танце.

И второй танк въезжает на мост. Хейдар бегаёт и кричит как безумный. Зоб его трясется, словно у громадной лягушки. До пояса голый, водитель так сильно прижал к груди гранатомет, что тот, кажется, сросся с его кожей. Жилы на его шее натянулись, а глаза налились кровью. Он ждет малейшего затишья в обстреле, чтобы подняться и выстрелить, и тут прямо на бруствере взрывается мина, взрыв ее искажает пространство и время. Меня словно с размаху ударили железной киркой в рот, и стальной острый конец этой кирки воткнулся мне в самую глотку. Схватившись за лицо обеими руками, я падаю на колени. Губы и рот обожгло бесчувствием, лишь каким-то уголком рта я чувствую соленый вкус. Меня бросило в жар, и, когда пыль чуть рассеялась, вижу свежую кровь, капающую с моих пальцев на землю.

Расул скатывает платок и сует его мне в руку. Мои руки в крови, и я прижимаю ими платок к лицу. У меня что-то во рту, похожее на кость. Я сплевываю: на землю падает сгусток крови с разбитыми зубами. Под платком пытаюсь ощупать челюсть. Губа порвана, и пальцы ощущают острые кончики остающихся во рту корней выбитых зубов. Трогаю язык и не понимаю, цел он или нет.

Водитель вскакивает, и я вижу, как с шеи его льется кровь. Он взобрался на бруствер, и все взгляды вдруг обратились на него. Я бормочу негромко:

— Сумасшедший!

Он целится и стреляет, и не успевает сам проследить полет своей гранаты, как падает головой вперед с бруствера в воду канала. Расул в ужасе выглядывает и вдруг кричит:

— Попал! Попал...

Абдулла, схватив его за запястье, тянет вниз. Еще кто-то кричит:

— Загорелся! Танк горит...

Масуд, воспользовавшись паузой, двумя руками берет мое лицо и спрашивает:

— Что с тобой? Куда ранен?

Я рукой показываю на рот. Он отворачивается, чтобы посмотреть на близкий взрыв, но успевает приказать мне:

— Иди в тыл! Немедленно уходи в тыл!

Я оглядываюсь на траншею: она полна раненых и убитых. И вся она вдруг кажется какой-то далекой. Я встаю и, согнувшись, иду в тыл. Оглянувшись, чтобы сказать что-то Расулу, вижу, что он стреляет из автомата. Глаза мои встречают взгляд Масуда, и я, с чувством стыда, торопливо, спрашиваю его жестом: дескать, я пошел? Он делает мне прощальный знак, и я ухожу.

Дальше к тылу по сторонам главной траншеи устроены окопы-укрытия. В них набились все, кто мог поместиться, и Хадж-Носрат в одном из таких укрытий. Увидев меня, откладывает трубку рации и выскакивает в траншею. Громко командует:

— Раненым помогите эвакуироваться в тыл! — И, оглянувшись, говорит радисту: — Скажи Хейдару, пусть быстрее раненых в тыл шлет.

— Хейдар, Хейдар, говорит Шахед, — бормочет радист. — Давай быстрее своих подбитых соколов отправляй к Шахеду!

— Бери раненых и веди в тыл, — командует мне Хадж-Носрат, потом зовет своего связного: — Гасем, эй, Гасем! Быстро уводите раненых в тыл!

Радист протягивает ему трубку:

— Хаджи, хаджи! Артиллеристы на связи!

Гасем выпрыгивает из укрытия, и Хадж-Носрат еще раз напутствует нас:

— Йалла. Спокойно идите в тыл... Гасем, пошлешь раненых вместе с ним, вперед, выполняй!

Я иду дальше. Возле санитарного окопа лежат раненые, и я командую им подниматься. У первого из них, идущего за мной, всё плечо в крови. Рану его перебинтовали, но крови много, а по лицу видно, как ему больно. За ним идет другой раненый, у которого всё лицо обгорело, и воздуху открыто красное мясо, от вида которого меня передергивает.

Я иду небыстро, а за спиной слышу крики Гасема, поднимающего раненых. Пока дошли до начала траншеи, за моей спиной набралось народа чуть ли не на целый взвод. Оглянувшись, я вижу, что всё предместье затянуто дымом, там ничего не разглядеть. Помогите им Аллах.

Мы выходим из траншеи и делаем привал под укрытием насыпи. Чуть-чуть перевести дух — но ведь и здесь безопасности нет. Жужжат минометные мины и взрываются то здесь, то там, от этих взрывов не вздохнуть. Раненые с испуганным

видом припали к насыпи. Я спрашиваю Гасема жестами, знает ли он, куда идти дальше.

— В ту сторону идем, — указывает он.

Мы трогаемся в путь: каждый кому-то помогает. Гасем распределил раненых парами так, чтобы пособляли друг другу. Кто-нибудь, раненный в руку, предоставляет свои здоровые ноги тому, которому трудно идти. Например, тот, с обгорелым лицом, тащит на спине еще одного, лицо которого и вовсе страшно. С его подбородка капает какая-то черная клейкая масса — все отводят взгляд от его лица.

Бесчувствие моего рта закончилось, сменившись пылающей болью во всём лице. От этой боли я не могу открыть челюсти. Крепко завязал лицо платком, но когда летят минометные мины и взрываются рядом, и приходится падать и ползти... Это мучительно. А огонь врага усиливается. Они накрыли полосу между передовой и тылом для того, чтобы не позволить нам перебросить подкрепления. Вдоль насыпи — сущий ад, из развороченных окопов валит черный дым. Мины визжат, перехватывая дух, и взрываются прямо посреди нашей колонны. Мы валимся плашмя. Потом кое-как поднимаемся, чтобы взглянуть на последствия этого взрыва. Раненые, как стадо овец, в которое ворвался волк, не обращая внимания на свои раны, на четвереньках или ползком стремятся к насыпи. Двое упали посреди грунтовой дороги. Гасем подбегает к ним, осматривает и делает мне знак, что они мертвы. Я поднимаюсь и бегу к нему. И, пока я добежал до них, мне трижды пришлось залечь

и встать. Я вижу, что убитые мне не знакомы. Одного из них взрывом развернуло от пояса и выше; и оторвало обе ноги. Плечо его было забинтовано, и кровь на бинтах засохла.

— Вон нога чья-то...

Мы оттаскиваем двоих убитых к насыпи и найденную ногу кладем там же. И, продолжая далее путь, уже инстинктивно прижимаемся к этой насыпи. И я гляжу вокруг и ничего не понимаю: страх меня ослепил.

Мы дошли до перекрестка и стоим, ждем Гасема. Он догоняет нас бегом, держась за локоть, и я спрашиваю:

— Что с тобой?

— Ничего-ничего, — отвечает возбужденно. — Нам вон в ту сторону.

Идем по дороге, с двух сторон которой — насыпи. Обернувшись, чтобы посмотреть, не отстают ли идущие сзади, я вдруг чувствую, как в лицо мне, опалая его, бьет из-за насыпи мощный сноп пламени. Падаю лицом в землю и вдруг чувствую запах шашлыка. Не веря себе, принимаюся: да! Рот наполняется слюной... Медленно поднимаю голову и в ужасе вздрагиваю. Человек горит! Чем-то в него попало, и он превратился в кусок горящего мяса, Гасем подбегает и начинает засыпать его землей, чтобы потушить. Не помня себя, я вскакиваю, кричу, бегу...

— Вставайте! Вставайте, вперед...

Во рту острая боль — и я замолкаю. Опять соленый вкус во рту. Раненые бегут за мной, не отставая. Никто не оглядывается.

Вскоре дорога поворачивает. Несколько человек выглядывают из-под насыпи. Я в колебании. Замедляю шаг и, пройдя чуть дальше, вижу целую толпу, это похоже на сцену Страшного суда, тут свалены вперемешку живые и мертвые. Живые в ужасе, они словно уже в аду побывали. Ранения их тяжелые, и какой-то долговязый молодой человек мечется среди них: должно быть, их командир.

— Дорогу в госпиталь знаете? — спрашивает он меня.

Ему отвечает Гасем. Они дают команду этим людям двигаться вместе с нами, и те встают. Встает примерно половина из тех, кто лежал, остальные — покойники. Два отряда раненых смешиваются, хотя эти, новые — более тяжелые, чем наши. Несколько из них — на носилках, которые несут легко раненные. Четверо из новых, все раненные в обе ноги, продолжают сидеть у насыпи и смотрят на нас неверяще: неужели мы оставим их? Одновременно несколько человек требуют, чтобы мы быстрее уходили из-под обстрела. Но я движениями глаз и бровей даю понять этим неходячим, что, пока их не возьмут, мы не двинемся с места. И к ним подбегают несколько человек и ведут их в колонну, после этого колонна двигается. Тяжелые снаряды вспахивают землю здесь и там. И раненные по второму и третьему разу получают раны от осколков, однако колонна не останавливается. Мы не замедляем, но и не ускоряем шаг. Молодой командир требует от меня, чтобы мы шли быстрее, но я показываю ему, что быстрее раненые идти

не могут... Однако взрываются мины, и в колонне раздаются вопли и стоны... Он тоже расสวิрепел и со злостью требует от меня ускориться. Мы почти перешли на крик, когда подбежал Гасем и ударил кулаком в грудь этого долговязого и крикнул ему:

— Ты как это требуешь ускорить шаг? Они и так еле поспевают!

Молодой командир, замолчав, возвращается в колонну, и я с облегчением вздыхаю.

— ...Стой!... Насер, стой!

Это кричит сзади Гасем. У некоторых раненых больше нет сил идти с нами. Я усаживаю колонну вдоль насыпи и бегу назад к Гасему. Он силой пытается поднять обессиленных раненых, один из них — тот, с обгорелым лицом. На красноте этого лица — два выпученных белых пятна. Он стонет:

— Оставьте нас... Вы идите, а мы тут будем. Оставьте меня здесь...

В это время взрывом бросает на нас целую гору песка и раскаленной земли. Мы бьемся, словно кошки, угодившие в кипяток, и, извиваясь, падаем под насыпь, втыкаясь в нее головами. Придя в себя, я вижу, что тот, кто только что жаловался, вытянулся неподвижно. Подхожу к нему и вижу, что голова его словно бы грубо отрублена неумелым мясником: шея наполовину вырвана, а из яремной вены под давлением бьет наружу теплая кровь.

Мы движемся дальше и вскоре видим торчащие из-за насыпи радиаторы санитарных машин. Подойдя ближе, я понимаю, что это то самое место, которое мы проходили в первую ночь нашего

наступления: тот самый капонир, зарытый землей со всех сторон, из которого сделали полевой мини-госпиталь. А в ста метрах позади него — тот самый перекресток, где горели машины, на что я тогда обратил внимание. Теперь те, кто поздоровее, увидев санитарные фургоны, бросаются к ним бегом. Колонна наша вливается в эти окопы. И мы с Гасемом устроились в полуразрушенной ячейке. Он — совсем без сил, и я тоже не понимаю, почему меня мучает такая жажда.

* * *

...Молодой испуганный санитар смотрит вдаль и говорит нам дрожащим голосом:

— Подождите, подождите... Сейчас придет следующая машина.

Предыдущая машина была недалеко от нас, когда кто-то вдруг крикнул:

— В нее попали!

Я выглянул и увидел, что она превратилась в пылающий костер...

Молодой санитар усадил нас ждать, а сам стоит, переминается... Подходит следующая машина, водитель разворачивает ее и подает задом к окопам. Молодой санитар торопливо открывает ее дверь и бежит к нам:

— Скорее садитесь! Машина ждет.

Все раненые здесь ходячие, кроме одного на носилках. Сначала погружают его, потом грузимся мы. Молодой санитар пытается улыбаться, что у него плохо получается.

— Пусть Аллах сопровождает вас! — говорит он и хлопывает дверцу.

Через матовое стекло я вижу, как он быстро прячется в окоп. Водитель машины, обернувшись к нам, предупреждает:

— Приготовьтесь к очень быстрой езде. Дорога под плотным обстрелом.

Он — средних лет, волосы с проседью. Трогает машину. Я смотрю на того раненого, который лежит на носилках. Не знаю, куда он ранен, но он без сознания. От встряхивания на первой же выбоине он встрепенулся и начал бредить, бормоча всё одно и то же:

— Я вас перестреляю... Если хоть шаг назад ступите — перестреляю всех! Они наступают... Бегом! Наступают... Иракцы...

На миг он расширяет глаза и смотрит на меня. Его глаза так вытаращены, словно их белки хотят выскочить; это, собственно, и не белки, а очень красные, налитые кровью полушария в сетке вен и прожилок. И вновь бормочет:

— Иракцы... Дезертир!

Опираясь на руку, хочет подняться и теряет сознание. Кто-то объясняет:

— Он контужен.

Мы едем по шоссе, по обеим сторонам которого — вода. И здесь нам начинает казаться, что не только с неба, а отовсюду летит на нас смерть. Именно этот кусок земли иракцы пристреляли из всех видов оружия. Ракеты «катюш» ритмично взрываются, и их взрывы бросают вверх больших и малых рыб, так что на миг кажется: сотни игривых рыбок

выпрыгивают из воды... Волны выхлестывают на шоссе, выбрасывая погибшую рыбу. Ее гнилостный запах заполняет всё. Машину резко дергает, мы хватаемся друг за друга, стараемся друг друга под-держивать. К губе моей словно привязали гирию — так тянет ее боль. Водитель громко предупреждает:

— Внимание: держитесь!

Машина резко сворачивает, бросая нас всех друг на друга: объезжает воронку. Воронка, полная воды — прямо посередине шоссе. А рядом с шоссе — сожженный транспортер колесами вверх, чуть подальше — еще один горит. Видимо, его груз — боеприпасы, потому что внутри него что-то ритмично взрывается с треском. Опять водитель, нагнув голову, кричит нам:

— Внимание: опасность!

Мы инстинктивно пригибаемся. Внутри транспортера с боеприпасами гремит сильный взрыв, и сквозь заднюю дверцу санитарной машины про-рываются внутрь клубы пыли. Контуженный вновь начинает бредить:

— Убили, всех убили. Они наступают... Иракцы, иракцы...

Он расширяет глаза и, лежа в том же положении, крутит головой во все стороны. Смотрит на нас, и я боюсь, как бы он не вскочил. Его взгляд словно приговаривает всех нас к высшей мере. Опять бормочет:

— Там ребята остались. Патроны кончились. Иракцы наступают на них!

Он начинает плакать. Дальше его слова для меня становятся непонятны. Приподнявшись, он

осматривается и вдруг начинает биться головой о стенку машины. Пытаемся удержать его и заваливаем на спину. Он не умолкает:

— Реза, Реза, я Карим! Реза, Реза, я Карим! Мы идем в их сад, посылайте нам голубей! Слышишь? Голубей посылайте!

Водитель не отвлекается от дороги ни на что. Шоссе поворачивает, и огонь врага слабеет. А вскоре мы видим выстроенные вдоль шоссе наши орудия, стреляющие одно за другим. На миг мой взгляд поднялся к небу, и я увидел, как облака расступились и в полную силу засияло солнце. В те несколько дней, что мы были под обстрелом, я впервые обратил внимание на солнце. И я почувствовал, как мне не хватало солнечного света.

— Куда мы дальше поедем? — спрашивает кто-то водителя.

Тот, теперь успокоившийся, отвечает:

— Это шоссе Сефеви. Едем в распределительный военный госпиталь, оттуда вас пошлют в Ахваз.

Мы смотрим на окопы невдалеке от шоссе. Это те самые окопы, в которых мы ночевали. И вдруг я замечаю там толстого кадровика: он сидит возле окопа с банкой компота в руке. Пузо настолько надулось, что вот-вот лопнет. Санитарная машина быстро оставила его позади...

* * *

Нас всех загрузили в автобус со снятыми сиденьями. Тяжело раненных на носилках, а нас — просто на пол автобуса. Пол застелен пестрыми матрасами, запачканными кровью, рвотой, мочой.

Когда ты на войне, когда ты ранен, не реагируешь на то, что заставило бы сморщиться человека в обычных условиях. Но на войне своя мораль. Вон бойца в конце автобуса постоянно рвет желтой жидкостью, и с подбородка его течет слюна. Он ранен осколком в живот, и от того, что он так напрягается, свежая кровь проступает сквозь бинты. Санитар, который едет с нами, ставит ему капельницу и добавляет в нее что-то из ампулы. Но состояние раненого от этого вовсе не улучшается.

Наш автобус замазан глиной для маскировки. Я чуть приоткрываю окно: мы в городе. Жадно смотрю наружу, и всё мне кажется полным новизны. Люди в одеждах разного цвета, магазины, женщины и мужчины, спокойно идущие по тротуарам.

Автобус проезжает по мосту и сворачивает на улицу Надери. Город кипит жизнью, его переполненность людьми бросается в глаза. Машины тянутся бесконечной вереницей — и это машины не одноцветные, у них тысячи разных цветов и форм. Розничные торговцы заполнили тротуары. Я замечаю группу девушек-попрошайек, одежда их разноцветная, а кожа очень темная. Они шепчутся и указывают друг дружке на мужчину, проходящего мимо них. У него солидный вид, и они, конечно, не упускают эту добычу. Ну да, я так и думал: сколько у них трюков, чтобы выманить его денежки...

Автобус едет дальше. Мужчины и женщины идут по тротуарам в разных направлениях, однако никто не обращает на нас внимания. А ведь мы

совсем недавно были под градом снарядов и пуль! Но это мы жадно смотрим на них, а не они на нас. Мы, вероятно, стали для этих людей обычным зрелищем: быть может, перед ними каждый день проезжают десятки обмазанных глиной автобусов, наполненных ранеными. А народ живет привычной жизнью.

Миновав еще несколько улиц, автобус въезжает внутрь огороженного пространства. Я вижу «санпропускник» в виде сборного модуля с круглой крышей. К нам выбегают люди в белых халатах, чтобы помочь нам сойти с автобуса. Выйдя из него, я с наслаждением вдыхаю свежий воздух. Внутри забора прогуливаются люди в одинаковых голубых или полосатых пижамах, это выздоравливающие раненые. Дует холодный ветер, и я трогаю бинты на моем лице. Наконец мы все высадились, и нам говорят:

— Заходите внутрь! Вновь прибывшие раненые — заходите!

Заходим, и тут я понимаю, что под госпиталь приспособили баскетбольный зал. Всё пространство его заставили койками, и резко пахнет дезинфекцией. Неуютно; те, кто прибыли раньше, приподнялись на койках и рассматривают нас. Сестра говорит мне:

— Вот ваша койка.

Я подхожу к койке и не сажусь, стою. Не могу сесть на белую простыню в своей грязной одежде, но сестра настаивает:

— Садитесь, сейчас вам принесут сменную одежду.

Я сажусь, осматриваюсь и вдруг узнаю в одном из раненых Таги. Сидя на своей кровати, он смотрит на нас, одет в госпитальную пижаму, но куда он ранен, я никак не пойму. Я машу ему рукой, но он глядит удивленно и не узнает меня. Встает и, хромя, подходит. Я глухо, из-под бинтов, закрывающих мой рот, говорю ему:

— Это я... Насер!

Он еще миг смотрит, не узнавая, потом жарко обнимает меня. И я успокаиваюсь: нашел знакомого.

* * *

Я растянулся на своей кровати и смотрю на входную дверь. Пытаюсь через трубочку пить сок. Врач, осматривавший меня, сказал:

— Осколок выбил тебе два зуба и застрял между челюстной костью и нижней губой. Если он тебе не мешает, пусть всё остается так, трогать не будем. Пока раны заживают, пей только сок...

Изо рта у меня противно воняет. Рана загноилась, и на зубах белый налет...

— Всё готово, подписал! Поехали...

Это Таги. Услышав его слова, я вскакиваю. Он достает из большого кармана рубахи предписание и отдает его мне.

— Сказал: когда приедете в вашу дивизию, сами явитесь в медчасть. Мы оба должны каждый день ходить на перевязку.

И он, хромя, идет к своей койке.

— Поторопись, санитарная машина сейчас поедет к реке Карун. Они нас подвезут.

У меня словно крылья выросли, и очень хочется на них взлететь. Я быстро снимаю больничную одежду и надеваю свою, запачканную кровью. Беру вещи, и мы идем к выходу, как вдруг кто-то толкает нас в спины и с воплями выбегает во двор.

— Иракцы, иракцы идут... Вставайте! Они стреляют! Вставайте быстрее!

Он пинками атакует тех раненых, которые загорали на солнце, прислонившись к стене. Сестры выбегают к нему: это тот самый контуженный, с которым мы ехали с передовой.

— Скорее вставайте, иракцы наступают...

Его хватают, но он силен как бык. Пять человек борются с ним и не могут его повалить.

— Иракцы, иракцы! Иракцы...

Изо рта его пошла пена, он задыхается. Его, наконец, скрутили и тащат внутрь. А Таги держится за свой бок:

— Ух, сильно же он стукнул...

Санитарная машина у ворот сигналит нам. Я помогаю Таги побыстрее дойти до нее, и он достает из кармана листок предписания.

* * *

Мы приезжаем одновременно с наступлением темноты. Небо черное, и молодая луна серебрит пальмы. Меж их ветвями во тьме словно мерцают тысячи звезд, кое-где вдоль дороги видны силуэты людей, проходящих перед лампами, мимо палаток. В палатках горят фонари, я гляжу на их затененный свет, и мне кажется, что на каждую пальму повесили по фонарю.

— Когда все эти войска привезли? — спрашивает Таги у водителя санитарной машины, и тот отвечает:

— За последние два-три дня. Тут большое количество прибыло. Там, на фронте, непонятно, что происходит...

Я внимательно смотрю в сторону от шоссе. Здесь все места очень похожи, и, если не сосредоточиться, можно заблудиться и не найти свою часть. Вижу щит с надписью «Район Эбрахим» и говорю водителю:

— Мы здесь сойдем.

Он тормозит и сворачивает с асфальта на грунтовую обочину. Мы выходим и благодарим его за то, что подвез. Махнув нам рукой, он включает левый поворотник и смотрит в зеркало заднего вида. Убедившись, что машин нет, разворачивается и уезжает. Таги осматривается с сомнением:

— Нам точно сюда?

— Да, старина... Именно сюда! — говорю я и невольно притрагиваюсь к забинтованной челюсти.

Проезжают военные грузовики, и множество одинаковы ящиков в кузовах говорит о том, что везут боеприпасы. А небо в стороне фронта горит заревом. Мне кажется, будто линия горизонта подожжена...

Мы стоим на краю асфальтового шоссе и как-то не решаемся ступить на дорогу грунтовую — ту самую, которая ведет к палаткам. Наши ноги будто свинцом налились. Страшно: ведь я не знаю, кого я увижу и что услышу. Кого найду там, в палатках,

кто остался в живых: Масуд, Хейдар, Гасем, Абдулла, Расул?.. Лицо Расула живо вспоминается мне: помоги Аллах ему выжить!

— Ну что, идем?

— Идем!

И мы шагаем по грунтовой дороге. Свет луны кажется более бледным, чем раньше, а пальмы — выше, они словно до неба достают. Воздух полон влаги от реки Карун. Я кручу головой, пытаюсь узнать местность. Всё мне кажется новым. А ведь я здесь уже был! Ничего не узнаю.

— Ну, мне сюда, — говорит Таги и указывает на какую-то палатку. И мне сразу становится бесприютно и одиноко. — Это палатка службы связи, — продолжает он, — ты тоже сюда?

— Нет, прощай, — отвечаю я.

И он безжалостно уходит и оставляет меня одного. Я иду дальше, медленным и тяжелым шагом. Вон впереди разговаривают бойцы возле цистерны с водой. Я подхожу и, заколебавшись, останавливаюсь. Одна из этих фигур, выглядящая плотнее других, шагает ко мне. Приближается лицом к лицу и спрашивает:

— Это ты, Насер?! Неужто?

Это Абдулла. Я от всей души его обнимаю, и в горле у меня застревает не ком, а что-то вроде острой кости. Однако я пытаюсь смеяться. Смеюсь, чтобы скрыть волнение.

— Что с тобой? Куда тебя ранило? Подожди, дай-ка я посмотрю...

Он поворачивает мою голову так, чтобы на лицо мне падал свет луны.

— И-и... вон оно что! Пойдем в палатку. Ребята увидят, что ты вернулся — обрадуются!

Мне страшно спросить, о каких именно «ребятах» он говорит. Он берет свой большой чайник в одну руку, ругой рукой — меня под локоть и ведет к палатке первого взвода. Это та самая палатка, которую мы ставили...

— Ты же чайник набирал...

— Не беда! Ты приехал, это важнее. Мы уж думали: куда делся?..

Он барабанит по натянутому брезенту палатки и громко зовет:

— Эй, Расул! Расул, ребята, посмотрите-ка, кто к нам приехал.

Входной клапан отодвигается, и я вижу Расула.

— И кто же это? — спрашивает он...

Секунду Расул в темноте вглядывается в мое лицо, потом бросается в мои объятия.

— Это Насер! Насер... Ага-Насер! Масуд-ага, посмотри, Насер...

— Парень, не тискай его слишком! Видишь, у него лицо забинтовано...

— Насер-ага, как хорошо, что приехал, мы ждали вас! Клянусь Аллахом, всё время о вас говорили. Как хорошо, что приехали! Клянусь, сердце изболелось, как же хорошо, как хорошо...

Входной клапан вновь отодвигается, и сразу три головы выглядывают из палатки.

— Ребята, посмотрите-ка! Масуд-ага! Ага-Насер приехал, заходите же, заходите внутрь...

Абдулла отцепляет от меня Расула, а из палатки выходит Масуд. Стоит лицом к лицу со мной и словно не верит своим глазам.

— Ты приехал, парень?!

Мы обнимаемся. Расул не оставляет меня: схватив за руку, тянет в палатку.

— Заходите, заходите же! Не очень вас поранило? Как хорошо, что приехали... Проходите, проходите сюда. Теперь у нас места много. Нас всего пятеро осталось. А вы приехали, будет шесть. Знали бы вы, что там было потом...

Я здороваюсь и с теми двумя ребятами, которые составляют теперь весь первый взвод. И мы все садимся вокруг печки. Расул — рядом со мной. Абдулла поставил чайник на печку, а я смотрю на сваленную в середине палатки грудку вещей под брезентом. Именно так мы их здесь когда-то оставили, и тогда вся палатка первого взвода была полна народа, сейчас же задняя ее часть темна и пуста.

Мы беседуем. Главный оратор — Расул, мы — слушатели. Он с возбуждением говорит о том, что произошло после моего ранения, но и не только об этом, а обо всём на свете...

— Йалла! — этот возглас заставляет нас обернуться ко входу в палатку. И мы видим, что весь ее входной проем заняла фигура Хейдара. Улыбка играет на его губах:

— Ну, как ты, старина?

Мы все встаем, и я оказываюсь в его объятиях. Как же мне не хватало их всех! Хейдар садится с нами, и Абдулла говорит Расулу:

— Наполни чайник, будь добр.

Расул берет умывальный сосуд у входа в палатку и, сняв крышку с чайника, стоящего на печке, доликает туда воды. Хейдар выкаченными глазами оглядывает нас, а Масуд замечает:

— Так поступал Мирза! При этом отмечал, что умывальник еще не использовался по назначению.

Мы все смеемся, а Хейдар просто падает от смеха. И толстое его пузо так колышется, что я смеюсь уже и от этого. Но Хейдар замолкает и говорит задумчиво:

— Но ведь то был Мирза...

* * *

Мы сидим рядом с палаткой, и Расул очень многословно со мной беседует. Спасения мне от него нет.

— Насер! Насер... — слышится из-за пальм. Это меня зовет Таги. — Машина идет в санчасть — ты едешь?

Я так рад, что лечу к Таги словно на крыльях. Ни с кем даже не попрощавшись, спешу к шоссе, а Расул кричит мне вдогонку:

— Когда вернетесь, я вам остальное доскажу...

Таги с палочкой встречает меня.

— Санитарная машина нас подвезет...

Мы садимся в эту израненную и изношенную машину, у которой выхлопные газы каким-то образом проникают в салон. И, пока доехали до места назначения, все, кто в ней были, чуть не задохнулись, хотя и закутали рты и носы платками.

На полуразрушенном глинобитном здании табличка: «Санчасть дивизии».

Я помогаю Таги выйти из машины. Внутри строения сильно пахнет навозом, есть комната для ожидания, и за ней — основное лечебное помещение. Солдат записывает наши имена в тетрадку, и мы присоединяемся к очереди.

Все, кто выходят от врача, недовольно ропщут:

— Что за медик, вообще! Восемь таблеток дал — и всё!

— А меня вообще осматривать не стал!

Солдат у дверей называет мое имя, и я захожу. Это глинобитная комната, в центре которой поставили стол, и за ним сидит молоденький врач. За его спиной кушетка. На носу врача — очки в круглой оправе, над верхней губой — реденькие усики. Я здороваюсь, и он, подняв голову, спрашивает:

— На что жалуешься?

— Осколок попал мне в губу, — я указываю на свой рот, — и застрял в челюсти. При этом выбил два зуба.

— Садись, — он указывает на кушетку.

Я сажусь, и врач сдирает с моего лица бинты так грубо, что я вскрикиваю. Наклонившись, он внимательно осматривает рану. Взяв щипцы и прикрыв бинтом их рабочие концы, произносит:

— Будь добр, открой рот.

Я это делаю, и он отшатывается: запах гниения из моего рта очень силен. Полив бинт желтой жидкостью, он подчищает им мою ротовую полость. Выбрасывает бинт в ведро и садится за стол, на котором стоят коробочки с разными таблетками.

Взяв по несколько таблеток из разных коробок, сует их мне в руку. Я говорю протестующе:

— Господин доктор, вы ведь всем даете одни и те же таблетки.

Он глядит на меня холодно, и это начинает меня злить.

— Эту работу и шофер санитарной машины мог бы выполнять. Сидеть за столом и каждому выдавать по четыре таблетки!

— Так или не так, а ничего больше я не могу сделать, — отвечает врач. — Нам приказано никого в тыл не отправлять. Идите жалуйтесь на тех, кто так решил.

Я встаю и иду к выходу, и слышу, как за дверью зазвучали громкие протестующие голоса. Тогда врач останавливает меня:

— Вернись!

Я возвращаюсь и слышу новую команду:

— Садись.

Сажусь на кушетку, и он вновь берет щипцы и командует:

— Открывай!

Открываю рот, и врач одной рукой оттягивает мою губу, а другой сует щипцы в рану от осколка и начинает в ней орудовать. Я к этому вовсе не был готов! Боль такая, словно всё мое тело прострелили насквозь. Он ворочает туда-сюда щипцами, и рот мой наполняется кровью.

— А!.. А!..

Врач вынимает щипцы и сует мне в руку блестящий осколок. Свернув бинт, запихивает этот комок в мою рану.

— Каждые шесть часов принимай по одной из этих таблеток. Следующий!

Я выхожу, не помня себя, и Таги спрашивает:

— Что там было?

Открываю ладонь, и глаза его делаются квадратными. Чуть отодвинув языком бинт во рту, советую:

— Главное... Ничего ему не возражать!

Таги чуть не падает от смеха.

* * *

Отодвинув дверной клапан, в нашу палатку входит боец. Это новый батальонный связной, выполняющий теперь работу Гасема. Что до Гасема, то последние, кто его видел, это те раненые, вместе с которыми мы шли в полевой госпиталь. Они сказали, что Гасем один пошел назад на передовую...

— В три часа построение, — объявляет новый связной. — Хадж-Носрат обратится с речью.

Мы лежим в палатке, отдыхаем и ждем начала новостей по радио. Абдулла после обеда отяжелел и сидит, развалиясь. Расул побывал, кажется, во всех палатках и отовсюду принес нам сплетни. Он рассказывает:

— Говорят, нас отправляют в тыл, ребята говорят, в лагерь «Керхе». В службе каптенармуса ребята сказали. Вы же знаете, я, перед тем, как пришел во взвод, работал у батальонного каптенармуса. Говорят, машины послали за нашими вещами и привезут их сюда. Утром машины ушли, а вечером вернутся.

Абдулла, не открывая глаз, бормочет:

— Отовсюду у тебя, парень, сведения...

Радиосводку усиливают через громкоговоритель. Не знаю, почему диктор говорит столь возбужденно:

— Наши доблестные воины нанесли удар по презренному врагу, который понес потери в количестве сотен убитых и раненых...

— Высокопоставленный военный источник сегодня утром объявил: наше наступление будет продолжено до полного уничтожения военной машины врага.

— Штаб добровольных формирований в ходе разъяснительной кампании призвал наш народ идти добровольцами на фронт, на войну правды с ложью...

Мы все слушаем молча, и Расула это ужасно мучает. Он ерзает и не оставляет в покое зубы леопарда, изображенного на одеяле. Иногда поглядывает на меня, но я, чтобы не дать ему предлога открыть рот, старательно изображаю из себя внимательного слушателя радио.

Мы выходим из палатки. Погода безоблачная, и солнце спит. Все собрались на ровной площадке под пальмами, строятся поротно. Хейдар командует построение нашей роте и громко начинает нас пересчитывать. Его счет останавливается на числе 32. В остальных рота положение не лучше: максимальное число бойцов в роте — 29.

Пришел Хадж-Носрат. Волосы его нависли над лбом, лицо загорелое. Он стоит перед нашим строем и держит левую руку правой за кисть. Отдает

нам приказ садиться, и мы его выполняем. Начинает свое выступление рассказом о том положении дел, которое мы и сами видели своими глазами.

— Согласно распоряжению штаба дивизии, наш батальон направляется на переформирование в тыл. Мы запросили, чтобы ваши личные вещи доставили сюда.

Расул толкает меня в бок.

— Каждый, кто выберет увольнение и расчет, получит требуемое, — продолжает Хадж-Носрат. — А с теми, кто захочет остаться, мы едем в лагерь «Керхе». Расчет будет производиться здесь. Те, кто остаются... Мы в лагере «Керхе» будем снова формировать батальон полного состава.

— Ты остаешься или уходишь? — спрашивает меня Масуд.

— Ухожу, — отвечаю я ему.

Хадж-Носрат закончил говорить и отдал приказ: «Вольно, разойдись!» Бойцы толпятся под пальмами. Расул с недоверием спрашивает меня:

— Ты правда-правда уходишь?

— Да, Расул-ага, — отвечаю я. — Ухожу.

И тут мы видим происходящее позади пальмовых стволов. Там в сторону асфальтового шоссе идет войсковая колонна. Это свежие войска, отправляемые на передовую.

* * *

Мы убрали палатки и сидим в ожидании. Каждый едет своим путем: кто-то в сторону железной дороги, а кто-то — в лагерь «Керхе». Палатки мы

погрузили в грузовики, а мешки с личными вещами погибших сдали тому пузатому кадровику. Не знаю, почему, но всякий раз, как он меня видит, на его лице появляется такое выражение, словно я не имел права остаться в живых.

— Автобусы, автобусы пришли!

Это Расул кричит. Теперь, когда я должен с ним расстаться, я нахожу, что его голос приятен мне. На душе у меня тоска.

Автобусы остановились на грунтовой дороге. Больше нам здесь делать нечего, работа наша окончена.

— Ребята, вперед! — командует Масуд. — Вставайте!

Мы встаем и надеваем рюкзаки, чтобы идти к автобусам.

— Подождите, я помогу вам! — говорит мне Расул. — Дайте, я подсоблю.

Он хватается лямку моего рюкзака, помогая мне надеть его. Абдулла улыбается этой сцене, а Расул гнет свое:

— Я вам честно-честно говорю: я вам телеграфирую. Как мы договорились. Тайным паролем нашим будет: мы собираемся поехать к Али.

Мы стоим перед автобусами. Вот наш автобус, который повезет нас на вокзал, а отдельно — их автобус. Масуд ставит свой рюкзак на землю и обнимает меня. И говорит мне на ухо:

— Скорее возвращайся.

Мне трудно расстаться с ним. В горле слезы стоят комком, и я негромко отвечаю ему:

— Я вернусь. Только не забудь послать весточку.

— ...Все по автобусам, никому не оставаться!

Я прощаюсь со всеми. Каждый идет в свой автобус. Расул машет мне рукой, и я показываю ему жестом, что обязательно вернусь.

* * *

Поезд прибывает на вокзал, и мы высыпаем из вагонов. Громкоговоритель снова и снова повторяет, что отправляющихся в Горган просят пройти на посадку на первую платформу. Дует студёный ветер, холодит мою рану на губе. Я уже снял бинты, но вместо них закатал низ лица головным платком.

Прохожу с платформы сквозь зал ожидания и слышу разговор идущей впереди пожилой четы. Старые люди толкуют о загрязнении воздуха и еще о чем-то под названием «инвэршен». Мне кажется, что им не к лицу произносить вычурные слова, хотя я понятия не имею, что такое «инвэршен», и вообще слышу это слово впервые. Выхожу из вокзала и вижу, что привокзальная площадь затянута плотным туманом пепельного цвета — в точности как тот туман-взвесь, который расползся над землей в тот день после обстрела... Пройдя по площади, сажусь в такси и слышу, как мои попутчики разговаривают о цене на что-то. Цена?! Я вообще не понимаю, о чем они...

Выйдя из такси, иду по длинной улице, вдоль которой торчат некрасивые столбы линии электропередач, и люди идут туда и сюда, по виду как-то бесцельно. Как бы мне хотелось, чтобы жили мы не на такой улице, а где-нибудь в укромном тупичке... Я иду, держась за лямки рюкзака, и вижу, что идущие мне навстречу с каким-то изумлением на

меня глядят. Я вначале подумал, что у меня выражение лица какое-то необычное, затем начал подзревать, что к моей одежде что-то прилипло... Наконец понял причину удивленных взглядов. Для того чтобы устранить ее, сворачиваю в магазинчик Маш¹ Раджаба. Он, увидя меня, поправляет свой белый колпак, улыбается и выходит из-за прилавка.

— Слава Аллаху, слава Аллаху... С прибытием тебя, отважный юноша!

Он обнимает меня, целует в лоб и засыпает вопросами. Расспрашивает о фронте, о характере войны, о противнике и так далее. Я беру у него коробку салфеток, а платок снимаю и кладу в рюкзак. Но теперь я вынужден рассказать ему обо всех обстоятельствах моего ранения и о самой ране... Входит другой покупатель, и я в душе молюсь, чтобы он избавил меня от долгой дружеской беседы с Маш Раджабом.

— Что желаете купить? — спрашивает тот нового клиента.

— Ничего, только хотел позвонить, — и он подходит к телефону на прилавке.

— Кстати, я дал твоей маме номер этого телефона, — говорит мне Маш Раджаб. — Ты бы позвонил, чтобы семья не волновалась...

— Простите, господин, — перебивает его посетитель. — Но у вас звонок стоит два тумана?!

— А как вы думали? — строго отвечает Маш Раджаб. — Дешевые аппараты есть на улицах...

¹ *Маш* — сокращенное от «Машхади», так называют людей, которые часто совершают паломничество в город Машхад к мавзолею имама Резы.

Он хочет продолжать разговор, но чуть промедлил, и я, воспользовавшись этим, быстро прощаюсь и выхожу. Не спеша иду вдоль арыка, и вот уже и наш дом. Теперь на меня никто не обращает внимания, так как облик мой вполне обычен. Остановившись перед воротами и подняв руку к звонку, я медлю. Почему-то мне страшно позвонить, тревожно как-то. Наконец я решаюсь и звоню. Сразу же слышу, как открылась дверь дома и как кто-то быстро, как ветер, идет к воротам. Это мама. Даже чадру несет в руке, не надев ее. Отворяет дверь и смотрит на меня, открыв рот. Шагаю во двор, и тут она рывком обнимает меня и осыпает поцелуями.

— Ройя, Ройя! Мустафа... Идите сюда!

Мустафа, перепрыгивая через ступеньки, бежит с крыльца в мои объятия. И Ройя, держась за перила крыльца, соскакивает вниз не менее быстро. Я еще не убрал руку, которой прикрыл рот, а мать уже спрашивает:

— Что там у тебя? Подожди, что там случилось?

И таким плавным движением, точно касается нежнейшей в мире ткани, она отводит мою руку от лица.

— Что? Что это? Ранен?

— Да нет, мама, это пустяк.

— Заходи в дом, я посмотрю...

Я не выпускаю из объятий Ройю, а Мустафа берет мой рюкзак, и мы заходим в дом.

— На-ка, держи! — говорю я ему и протягиваю блеснувший в бледных солнечных лучах осколок.

— Ах, как здорово, осколок! — восклицает Мустафа...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я возвращаюсь с последнего экзамена. Всё еще морозит, и земля заледенела. Бледное солнце освещает ее, но большого эффекта это не оказывает. Такой лед этими лучам не растопишь.

Перед магазинами оживленно. Входят, выходят с покупками, с обновками. Приближается праздник!

Сворачиваю на нашу улицу и вижу человека, поставившего свой мотоцикл на подножку и изучающего табличку с номером нашего дома. Вот он звонит в звонок. В ожидании, пока откроют, он ищет что-то в багажной сумке мотоцикла. Я подхожу, и мама одновременно открывает дверь. Приехавший — старик, чья голова и шея замотаны выцветшим длинным шарфом.

— Вам телеграмма!

Я беру ее, а мама тревожно смотрит на меня. Пожилой мужчина не уезжает, переминается, и я лезу в карман и достаю ассигнацию в десять туманов. Получив ее, он заводит свой мотоцикл и едет сначала медленно, касаясь земли одной ногой.

— От кого это? — спрашивает мама.

Я разворачиваю телеграмму:

*«Дорогой Насер, салам! Ребята передают привет.
Мы собираемся навестить Али. Ждем тебя.
Преданные тебе Расул и ребята».*

— Так, ничего особенного... — бормочу я в ответ матери.

Мы вместе с ней входим в дом. Когда я открываю дверь, в лицо из комнаты веет теплым ветром. И я вспоминаю горячие дуновения взрывной волны с ее запахом сгоревшего тротила.

Зима 1995 г.

Об авторе

АХМАД ДЕХКАН

Иранский прозаик. Родился в 1966 г. в г. Карадж недалеко от Тегерана. Участвовал в Ирано-иракской войне (1980—1988), является автором таких книг, как «Миссия закончена», «Тревожные минуты», «Последние дни», «Звезды Шаламче» и др. Книга «Путешествие на высоту 270» была впервые опубликована в 1995 г. и выдержала 19 переизданий. Произведения Ахмада Дехкана переводились на английский и другие языки, на русском языке публикуется впервые.

О переводчике

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ АНДРЮШКИН

Переводчик с персидского и арабского языков, литературный критик, член Союза писателей России. Его переводы с фарси печатались в журналах «Иностранная литература», «Четки», в издательствах «Исток», «Вече» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Иранский бестселлер

Ахмад Дехкан

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВЫСОТУ 270

احمد دهقان
سفر به گرای 270 درجه

Научный редактор: *С.Н. Табаи*

Редактор: *Т. Ханина*

Корректор: *Т. Кречко*

Верстка: *Т. Кречко*

Дизайн обложки: *А. Эмами*

Подписано в печать 05.08.2015. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура PT Serif Caption. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Садра».

125000, Москва, ул. Коровий Вал, д. 7/1.

www.sadrabook.ru

По вопросам приобретения литературы обращаться:

+7 (495) 943 40 39